159 6/36

ШТАБ Р.К.К.А.
УПРАВЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

М. А. ПЕТРОВ

ПОДГОТОВКА РОССИИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА МОРЕ

МОСКВА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

1596 6/36

159 6/36

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ РККА
УПРАВЛЕНИЕ по ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

М. ПЕТРОВ

ПОДГОТОВКА РОССИИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА МОРЕ

С предисловием
М. ПАВЛОВИЧА

10 схемами
в тексте и
2 картами
в приложении

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

★

ГОСУДАРСТВЕН-
НОЕ ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬ-
СТВО № 1586.
Ленинградский
Гублит № 5895.
Тираж 3.000-16.
Заказ № 56.
Военн. Типография
Гл. Упр. Р.-К. К. А.
(Пл. Урицкого, 10).

Гос. Историч. [illegible] Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 450074
[illegible] г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие М. Павловича VI

От составителя 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Краткий стратегический очерк Балтийского и Черноморского театров.

Общая стратегическая оценка морей России. Балтийский театр. Черноморский театр 7

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исторический очерк развития балтийского флота и планов обороны Балтийского моря с 1881 по 1904 г.

Положение России на море к 1880 г. Задачи флота. Восстановление судового состава Балтийского флота в период 1881—1895 г.г. Выбор незамерзающего порта для Балт. флота и планы обороны Балт. моря 1885—1895 г.г. 1895-й год, новые задачи флоту. 20-ти летняя программа судостроения. Судостроительная программа 1904—14 г.г. Положение на Балт. море после ухода ядра флота на Д. Восток. Стратегическая игра на тему: война с Германией в Морской Академии в 1900—1901 г.г. Предположения 1903 г. о развертывании Балтийского флота. Совместное обсуждение планов обороны Балт. моря с военным ведомством в 1903 г. Заключение . . . . . 22—64

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторический очерк развития черноморского флота и его планов в период 1881—1904 г.г.

Создание черноморского флота. Судостроительные программы. Подготовка десантной экспедиции на Босфор. План экспедиции 1885 г. Приготовления к захвату Босфора в 1896—1897 г.г. План десантной экспедиции 1897 г. Подготовка десантной экспедиции после 1897 г. План войны на Черном море 1903—1904 г. Заключение . . . . . 65—89

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Русский флот после русско-японской войны.

Постройка судов и судостроительные программы во время русско-японской войны. Первые мероприятия морского ведомства по усилению флота после войны. Создание морского генерального штаба. Запрос морского генерального штаба министерству иностранных дел о политических задачах флота. Программа развития и реформ морских вооруженных сил России. „Малая" судостроительная программа. Попытка согласования работ военного и морского ведомств. Стратегические основания для плана войны на море, одобренные Николаем II 19 марта 1907 г. Дальнейшее движение вопроса о программе судостроения. Отклонение Государственной Думой кредитов на судостроение. Повеление царя о постройке 4 линейных кораблей для Балтийского моря. Общий обзор реформ морского ведомства в период 1905—1909 г.г. Заключение . . . . . 90—129

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Судостроительные программы 1909—1912 г.г. и их осуществление.

Переработка программы „развития и реформ морских вооруженных сил России". 10-летняя программа судостроения (1910—1920 г.г.). Рассмотрение Государственной Думой сметы морского министерства на 1910-й год. Возникновение вопроса о судостроительной программе для Черного моря, в связи с заказом Турцией новых кораблей. Разработка морским генеральным штабом программы „усиленного" судостроения балт. флота и законопроекта о флоте. Доклад морского генерального штаба о необходимости передать часть заказов за границу. Представление программы усиленного судостроения в Государственную Думу. Утверждение ее Думой. Начало постройки судов. Ведомость готовности судов по судостроительным программам 1909—12 г.г. к 1914-му году. Заключение . . . . . 130—155

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Планы развития морских сил России в период непосредственно перед войной (1912—1914 г.г.).

Предположения морского генерального штаба о разработке планов войны на 1918-й год. Вопрос о новом спешном усилении Черноморского флота. Записка министра иностранных дел Сазонова 23 ноября 1913 г. Доклад морского генерального штаба о срочных мерах для усиления черноморского флота. Предположения о приобретении за границей линейных кораблей. Заседание у министра иностранных дел 8 февраля 1914 г. Общение русского и французского генеральных штабов. Русско-французская морская конвенция. Заключение . . . . . 156—185

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Оборудование театров Балтийского и Черного морей.

Выбор новой базы для балтийского флота. Состояние приморских крепостей Балтийского моря. Создание Ревель-Поркаллаудского укрепленного района. Портостроение на Балтийском море. Состояние приморских крепостей Портостроение на Черном море . . . . . 186—199

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Планы развертывания балтийского флота (1907 — 1914 г.г.).

План стратегического развертывания балтийского флота в 1907—08 г.г. Возражения адмирала Эссена против плана 1908 г. План 1910 г. Пересмотр плана 1910 г. План 1912 г. План 1914 г. Заключение. . 200—233

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Планы развертывания черноморского флота (1907—1914 г.г.).

Стратегические основания для плана войны на Черном море в 1907—1908 г.г. План развертывания черноморского флота в 1907—1908 г.г. План на случай войны с Турцией в 1908 г. План войны России с западной коалицией 1909—1913 г.г. Вопрос о десантной экспедиции в 1910—1911 г.г. Изменение обстановки на Черном море в 1911—1914 г.г. План операций черноморского флота на 1914 г. Заключение . . . . . 234—248
Заключение. 249

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Если наша военно-морская литература вообще бедна, то литературы о подготовке царской России к войне на море у нас вообще не существует. Вот почему труд М. Петрова является как нельзя кстати. Он в известной мере пополняет зияющий пробел в этой области.

В период, предшествовавший мировой войне, царская Россия тратила колоссальные средства на морские вооружения. Каким бешеным темпом росли в царской России расходы на создание флота в период, предшествовавший мировой войне, можно судить по следующим данным [1]).

Если мы примем за 100 сумму расходов различных государств на их военные флоты в 1907—1908 г. г. и сравним с расходами на флот в 1913—1914 г. г., мы получим нижеследующую таблицу, свидетельствующую о поразительно быстром росте русского морского бюджета:

Страны:	1907/1908 г.	1913/1914 г.
Япония	100	133,7
Англия	100	150,0
Германия	100	161,9
Франция	100	167,0
Италия	100	179,0
Австро-Венгрия	100	243,0
Россия	100	273,9

Царская Россия шла впереди всех стран по быстроте развития морских расходов.

	Расходы в фунтах стерлингов.		
	1907/1908 г.	1913/1914 г.	Прибавка.
Россия	8.850.240	24.249.454	15.399.214
Англия	31.251.156	46.809.000	15.058.144
Германия	14.225.000	23.039.194	8.824.194
Франция	12.486.798	20.847.763	8.360.970
Америка	21.260.732	29.498.867	8.238.135
Австро-Венгрия	2.713.540	6.600.551	3.887.011
Япония	7.371.771	9.860.912	2.489.135
Италия	5.661.822	10.157.846	4.496.024
	103.821.060	170.563.867	66.742.827

[1]) См. нашу работу: „Мировая война 1914—1918 г.г. и грядущие войны", собрание сочинений, т. V, стр. 161—162, 209—210.

Как мы видим, в Японии расходы на флот за этот период увеличились на 33,7%, в Англии—почти на 50%, в Германии—на 61,9%, во Франции—на 67%, в Италии—на 79%, в Австро-Венгрии—на 143% и больше всего в России, именно на 173,9%.

В 1913—1914 г. г. больше России затратили на флот только два государства—Великобритания и Соед. Штаты. Даже на могущественные германский и французский флоты тратилось меньше, чем на возрождающийся русский флот.

На этом рост русского морского бюджета не остановился. Так, в своем докладе по поводу морской сметы на 1914—15 г. адмирал Бирилев указал, что „еще несколько лет тому назад мы стояли на седьмом месте по затратам на флот, в прошлом году мы стояли уже на третьем, а в нынешнем году перебрались уже на второе место, и только одна Англия тратит на свой флот больше, чем мы". Докладчик подчеркнул, что „страна ничего не жалеет для своего флота, но морское ведомство должно помнить евангельское изречение: кому много дано, с того много и спросится. Наши военно-морские траты вместе с сверхсметными ассигнованиями доходят до миллиарда франков [1]).

За месяц до войны адмирал Русин сказал в Тулоне корреспонденту парижского „Журналь" о силе русского флота:

„У нас 12 дредноутов, частью готовых, частью в постройке. Кроме того, мы заложили в Балтийском море четыре громадных броненосца по 32.000 тонн со скоростью 29 узлов и вооруженных двенадцатью 350-миллиметровыми орудиями. Эти суда совершат пробную поездку в 1917 году. В Черном море должны быть закончены через $1^1/_2$ года три дредноута, а через два года — четвертый. Мы одновременно строим 10 легких крейсеров, 45 контр-миноносок и 30 подводных лодок. Как видите, мы не спим. Можно также надеяться, что в 1920 г., если все пойдет по нашему, у нас будет эскадра из восьми дредноутов и четырех бронированных крейсеров, кроме 12 других больших броненосцев, находящихся в периоде вооружения и близких к окончанию".

Если наш военно-сухопутный бюджет являлся первым в мире,—морской бюджет являлся третьим в мире и вторым в Европе.

Расходы на флот в 1912/1913 г.

Страны:	В рублях.
Великобритания	414.496.078
Россия	159.261.424
Германия	105.694.950
Италия	79.961.127
Франция	52.742.368

[1]) Заседание Государственной Думы 11/VI 1914 г.

Русский морской бюджет рос в течение последних лет накануне мировой войны с необычайной быстротой.

Годы:	Русский морской бюджет.
1908	92.032.157
1909	94.389.000
1910	97.465.283
1911	114.097.667
1912	159.261.424
1913	230.376.350
1914	250.397.540

При сопоставлении цифр русского морского бюджета обращает на себя внимание обстоятельство, о котором не раз писалось в русской прессе и говорилось в Государственной Думе и в Государственном Совете, — это непонятная дороговизна содержания русского флота... „Производит почти анекдотическое впечатление, — писал H. Ruchel в 1908 г., — что японский флот требует 29 миллионов иен по обыкновенному бюджету, тогда как русский, даже и после его уничтожения, обходится в 104 милл. рублей, а в 1905 году он стоил даже 117 милл. рублей“ [1]).

Итак, Россия тратила на свой военный флот колоссальные суммы и собиралась тратить в будущем еще больше. В царской России еще в более ярко выраженной форме, чем во всех остальных государствах, маринизм начинал с каждым годом отхватывать в свою пользу наибольшую часть бюджета и становился своего рода бочкой Данаид, куда бесследно уходили миллиарды рублей.

Несмотря на колоссальные расходы, русский флот к началу войны не был готов к военным действиям. Из замечательно интересной и, насколько нам известно, впервые опубликовываемой М. Петровым таблицы (стр. 150, 151) явствует, что большинство судов к 1914 г. находилось еще в первоначальной стадии постройки, часть судов была достроена во время войны, но значительное число осталось недостроенным вовсе. На Балтийском море линейные корабли „Севастополь“, „Гангут“, „Полтава“, „Петропавловск“ были готовы только зимой 1914 года, линейные же крейсера „Наварин“, „Бородино“, „Измаил“, „Кинбурн“ были готовы всего на 35%; между тем, вступление их в строй удваивало бы силы Балтийского флота. Степень готовности легких крейсеров Балтийского флота к началу войны не превышала 2,5%, т.-е. эскадра эта только начинала строиться. Черноморский флот также не был готов к военным действиям, несмотря на твердое намерение царского правительства завладеть Босфором.

---

[1]) H. Ruchel, „Die Finanzen Japan's“. Essen. 1908. (Г. Рухель, Финансы Японии).

Останавливаясь на причинах слабости русского флота к моменту мировой войны, слабости, совершенно не соответствовавшей тем громадным расходам, которые ушли на воссоздание русского флота, автор дает следующее объяснение:

„На протяжении 30 лет, протекших с момента восстановления флота в 80-х годах и до мировой войны, мы видим потрясающую картину шатания в области морской политики царской России, неустойчивость ее стремлений, частую перемену задач, темп, не отвечающий развитию вооруженных сил и возможности сосредоточения таковых, что прежде всего отражалось на заданиях к флоту, лишая его главного — прочного политического обоснования планов развития и подготовки.

„Русский империализм блуждал между проблемами трех морей (Балтийской, Черноморской и Дальневосточной), спорадически устремляясь то к одной, то к другой из них[1]). Не будучи дисциплинирован твердой государственной властью, он находился под давлением различных группировок, в тот или иной момент имевших влияние на власть. Мы не видим здесь определенной исторической последовательности, сообразованной с экономическим развитием России. Ее промышленные интересы в рассматриваемый период тяготели на юг, к рынкам Персии, Турции, Афганистана, вследствие чего Черноморская проблема для промышленных кругов принимала самодовлеющее значение. Финансовые группы искали приложения капиталов на Дальнем Востоке, при чем это стремление выражалось в виде сомнительных предприятий, вплоть до столь нашумевшей истории с концессиями на Ялу. Наконец, вопрос о безопасности столицы—Петербурга, каковая всегда почиталась угрожаемой, обязывал сосредоточивать внимание на Балтийском море. Определенного же курса не было.

„При изложении очерка мы несколько раз указывали на отсутствие единого плана подготовки царской России к войне (см. гл. IV), на несогласованность намерений и действий главных объектов этой подготовки—армии и флота. Временами возглавлявшие их министерства занимали определенно враждебные позиции по отношению друг друга. При таких условиях не могли сложиться общие идеи, которые направляли бы всю подготовку к одной цели, служа гарантией планомерности таковой.

„Военное министерство имело главенствующее влияние на общее направление руководства подготовкой государства к войне. Оно всегда недостаточно учитывало значение флота, пренебрегало им, несмотря на то, что планы, вложенные

---

[1]) См. об этом нашу работу: „Русско-японская война". Изд. третье. „Красная Звезда". 1925. Стр. 18—26.

в развитие последнего, охватывали широкие государственные задачи. Оно пренебрегало неготовностью флота в 1914 году, заверив о готовности России начать войну с тройственным союзом.

„Шаткость и неустойчивость морской политики царской России, а затем—отсутствие согласованного плана подготовки государства к войне не давали флоту прочной базы в его воссоздании.

„Русская морская стратегия не имела под собой надежного фундамента. План подготовки к войне, как единое детально разработанное задание для армии и флота, нормирующее всесторонне их деятельность, отсутствовал.

„Морские замыслы царской России должны были сильно поколебать установившееся равновесие на морях мира. Царская Россия готовилась войти (после Англии и Германии) третьим элементом господства на морских мировых путях, так как ее программы судостроения (см. „закон о Балтийском флоте“) оставляли за собой программы других первоклассных держав (С. Ш. А., Японии, Франции, Италии).

„Размах—грандиозный. Но отсутствие уже указанных оснований, ясности и определенности руководящих идей в деле планомерного развития флота, на почве ничем не ограничиваемой империалистической политики, привело к тому, что царская Россия, не дожидаясь даже окончания создания намеченной морской силы, встала на тот путь, который увлек ее в 1914 г. в войну.

„Таковы были основные этапы подготовки России к мировой войне на море“.

В числе причин неготовности царской России к морской войне автор указывает и на отсутствие определенного взгляда в руководящих кругах по важнейшему вопросу, какой же должен быть выстроен флот для России:

„Эта разногласица скрывала за собой отсутствие определенных идей, дисциплинирующих работу ведомства, и в значительной мере — военное невежество руководящих лиц. Можно ли говорить о согласованной работе, когда один—за эскадренные броненосцы, другой—за минный флот, третий—за броненосцы береговой обороны, четвертый—за особый тип крейсеров и пр. Каждый из этих вариантов влек за собой своеобразное представление об операциях флота. Наличие противоположных мнений в этом коренном вопросе показывает, насколько неясно оценивались задачи флота и в особенности способы ведения ими боевых действий“.

Это замечание автора имеет громадное значение и для настоящего времени в вопросе о воссоздании морских сил

Советского союза. Ясно, что здесь необходимы планомерное и систематическое руководство развитием флота и установка твердо определенных задач последнего. Одной из основных причин неготовности царского флота к войне является несомненно и та система ничем не ограниченного взяточничества и воровства, которая процветала в русском морском ведомстве. К сожалению, на этой стороне вопроса автор очень мало останавливается. Однако, у автора приводятся очень интересные сведения относительно причин, обусловивших выбор Либавы в качестве морской крепости на Балтийском море, хотя Либава представляла собой необеспеченный порт, расположение которого в стратегическом отношении было невыгодно. Относительно Либавы один из участников комиссии 1888 г., признавшей необходимость строить порт для Балтийского флота в Либаве, ген.-лейтенант Бобриков, оставшись при особом мнении относительно выбора порта, указал на следующее:

„Либавская крепость в морском отношении сделается ловушкой для флота, а в сухопутном—мы идем навстречу желаниям противника, между прочим, создавая на самой границе объект чрезвычайной важности. Мы создали для него почти на самой границе предмет действия, о котором он мог только мечтать—стоянку для военного флота“... „Возможность катастрофы уничтожения нашего флота в Либаве будет до такой степени обаятельна для наших врагов, что они не только направят сюда все усилия их вторгнувшейся армии, но это, может быть, послужит самым стимулом к разрыву“.

„Содействие флота операциям действующей армии на сухопутном театре войны следует... искать не в помещении боевой эскадры на правом фланге расположения наших войск вдоль нашей западной границы, а в ее самостоятельной силе на свободных водах и способности нанести неожиданные удары, не стесняясь местом и расстоянием“.

Но отдельное мнение генерала Бобрикова не имело значения для решения вопроса.

Как объяснить выбор явно необеспеченного порта, стратегически невыгодно расположенного, в качестве базы для флота против могучего соседа? На этот вопрос тов. М. Петров отвечает:

„Изложенная история о выборе порта в Либаве являет собой поразительный образец, как решались важнейшие для государственной обороны вопросы. Не говоря уже о том, что наличие противоположных мнений среди руководящих лиц морского ведомства свидетельствовало об отсутствии общих идей и определенного плана войны, способ проведения вопроса вызывает большие сомнения в моральной оценке таких деятелей, как, напр., Чихачев. За официальной стороной развития

вопроса была другая, неофициальная, но где, вероятно, и лежали подлинные причины обнаружившихся разногласий. Выбор порта, помимо громадного оперативного значения, имел значение и в отношении экономического оживления той области, где он должен был быть учрежден; должна была быть проведена железная дорога, отчуждаемые земельные участки приобретали известную ценность и пр. Вокруг Либавы, Виндавы и даже Моонзунда были заинтересованы различные финансовые группы. При этом происходило полное смешение принципов: в делах архива мы находим фамилии тех же лиц, которые одновременно участвуют в военных заседаниях, обсуждая принципиальную сторону, и в то же время состоят учредителями коммерческих предприятий, самым тесным образом связанных с тем или иным решением вопроса".

В наших работах о мировой войне 1914—1818 г.г. мы не раз указывали, насколько неосновательно сваливать ответственность за войну на ту или другую сторону. И Антанта, и Тройственный Союз деятельно готовились к войне и руководящие круги той и другой стороны считали войну неизбежной. Более того, военные специалисты Антанты и Тройственного Союза задолго до мировой войны более или менее точно фиксировали дату, когда вспыхнет мировая война.

Уже в 1905 г. лорд Фишер, адмирал флота, в своем секретном меморандуме, обращенном к комитету государственной обороны Великобританской империи, предсказал, что Германия объявит войну в августе 1914 г., потому что к этому времени, не позже и не раньше, Германия успеет закончить ряд сооружений, необходимых для этой цели, в том числе, работы по углублению и расширению Кильского канала. Сооружение Кильского канала, которое будет закончено к этому времени, даст возможность Германии перебрасывать свои эскадры из Балтийского моря в Северное и обратно. В результате меморандума лорда Фишера Англия в январе 1906 года предложила Франции проект военной конвенции флотов обоих государств для высадки в случае войны французской и английской армий на немецком побережье. В 1908 году лорд Фишер уведомил кабинет, что он незаметно сконцентрировал 88% всего английского флота в Немецком море, и предложил в 24 часа потопить и взорвать на воздух весь немецкий флот, чтобы, таким образом, одним ударом уничтожить морскую силу Германии и сделать невозможным в будущем нападение последней на Англию.

Гораздо позже, именно в 1912, в 1913 г.г., в европейской прессе стали встречаться указания на то, что война вспыхнет не позже весны 1914 г. Так, в статье от 28-го апреля 1913 года военный сотрудник „Речи" доказывал, что Германия готовится к важным событиям не далее весны 1914 года.

Итак, мы видим, что одни специалисты за $1^1/_2$—2 года, а лорд Фишер даже за 9 лет вперед точно определили дату, когда начнется мировая война. Кажется, до сих пор не было такого специалиста, который предсказал бы, какое лето, дождливое или сухое, будет через два года, между тем, оказывается, что, имея известные данные, можно определить начало войны даже за 10 лет вперед. По крайней мере, лорд Фишер уже в 1905 г. предсказал, что лето 1914 г. будет „очень жаркое". Если бы имели точные данные о некоторых держащихся в строжайшей тайне вооружениях империалистических держав, например, об японских вооружениях на Формозе и т. д., о состоянии английских работ в Сингапуре, о французских береговых укреплениях у Ламанша, об американских сооружениях в Панамском канале, на Гавайских островах и т. д., мы могли бы точно определить дату, когда та или другая держава начнет войну, если этому не помешают, конечно, какие-нибудь факторы внутреннего порядка, социальные сдвиги, классовая борьба и т. д. Все это показывает, как важно нам следить за вооружениями империалистических держав, особенно наших соседей, Польши, Румынии и т. д., чтобы не быть застигнутыми врасплох.

В книге т. Петрова приведены извлечения из очень интересного доклада морского министра от 4 апреля 1911 г. о будущей войне на море. В этой записке, говорит автор, выдвигался новый мотив, которого раньше не было в плановых предположениях морского генерального штаба: усилив флот на Балтике, лишить возможности Германию сосредоточить все ее морские силы против Англии. Это было вероятным следствием уже заключенного соглашения с последней.

Далее в записке говорится: „Военно-политическая обстановка, определяемая судостроением Германии, Австрии и Турции, указывает на 1914—1915 г. г., как в высшей степени угрожающие, а потому 1915 год должен быть принят за срок, к которому должна быть сформирована современная эскадра на Балтике".

Однако, не все русские военно-морские специалисты держались той же точки зрения относительно даты, когда вспыхнет мировая война. Из материалов, опубликованных в работе т. Петрова (стр. 157—169), мы видим, что некоторые военспецы царского периода приурочивали будущую войну к более позднему сроку, именно к 1918—1919 г., при чем в этом случае война должна была начаться уже целиком по инициативе России нападением законченного к этому времени сооружением громадного русского флота в 12 броненосцев (со

всеми соответствующими частями флота—крейсерами, миноносцами, транспортами и проч.) на Босфор и Дарданеллы. Очевидно, русские прозорливые стратеги и политики были уверены в том, что Германия, Австрия и Турция будут сидеть сложа руки и ждать до той поры, пока царская Россия доведет свои вооружения до степени, которая позволит ей рискнуть не только на такую серьезную операцию, как прорыв через Дарданеллы, но и для „наступательной операции сосредоточенного русского флота против австрийского и других, которые окажутся на его стороне" (стр. 162).

Из книги т. Петрова (стр. 108) читатель узнает, что в 1906 г. начальник морского генерального штаба в своем докладе царю о „программе развития и реформ морских вооруженных сил России", подчеркивая мысль о том, что главный противник России—Германия, указывал одновременно, что еще более опасным врагом следует считать Англию, и предлагал стремиться к союзу с первой для борьбы со второй.

„Англия теперь ищет соглашения с нами, а может быть и союза. Цель его—вызвать обострение отношений наших с Германией и втянуть нас в войну с ней. Англия хочет одновременно потрясти окончательно наше могущество на суше и ослабить своего соперника—Германию—на море. Заручившись согласием Франции и с нами, Англия поставит Германию в тиски. В таком положении Германия не сможет спокойно ждать усиления соседей и будет вынуждена броситься на Россию, как менее готовую, и против которой могут быть сосредоточены и силы ее союзника Австрии.

В этой борьбе Англия, не участвуя лично, пожнет только плоды.

„Обострение отношений с Германией грозит нам величайшей опасностью, с Англией же не меняет дела, так как эти отношения были всегда враждебны. Содействия реального, согласно исторического опыта, в наших делах Англия не окажет.

„Поэтому все наши шансы за союз с Германией против Англии. Нам представляется редкий случай воспользоваться тем, что могущественная держава стремится и готовится к борьбе с Англией, и надо всячески способствовать этому. Такой случай был у нас в начале прошлого столетия и теперь мы можем учесть, во что нам обошелся отказ от него. Нам надо стремиться достигнуть того союзом с Германией, чего хочет достигнуть Англия союзом с нами".

Большую ценность представляют данные, приведенные в книге т. Петрова относительно подготовки Черноморского флота, начиная с 1881 г., к овладению проливами, при чем первоначально эти планы не предусматривали решения этого вопроса в полной мере, т.-е. обладания Босфором и Дарданеллами, а предусматривали захват только первого, считаясь

с тем, что обладание Дарданеллами недоступно. Позже эта программа была расширена: „России нужен не Босфор, а Босфор и Дарданеллы, т.-е. свободный выход из внутреннего Черного моря на мировой простор". Морской генеральный штаб в 1913 г. считал возможным осуществить план овладения проливами через пять лет, т.-е. в 1918 г., для чего предполагалось сосредоточить весь русский флот, т.-е. Балтийский и Черноморский, в Эгейском море в течение 1915—1918 г. (см. стр. 156—162). Однако, как предвидели некоторые русские военно-морские специалисты и как это предусматривается в цитированном выше докладе морского министра от 4 апреля 1911 г., война вспыхнула в 1914 г., т.-е. гораздо раньше, чем русский флот был бы по плану морского штаба готов для выполнения такой трудной задачи, как овладение проливами. Впрочем, мировая война и первые попытки союзных флотов овладеть Дарданеллами показали, что задача эта превысила силы и более могущественных флотов, чем тот, который Россия могла иметь в 1918 г. [1]).

Мы не имеем возможности в нашем кратком предисловии остановиться хотя бы на малой части тех интересных фактов, которые приведены в работе М. Петрова, равно как на тех мыслях, которые будит эта книга. Скажем только, что книга эта представляет капитальный вклад в нашу военно-морскую литературу. Эту книгу необходимо проштудировать не только нашим морякам. Ее должны прочесть и руководители нашего военного ведомства и все те, кто интересуется вопросами обороны СССР, ибо правильно указывает т. Петров на отсутствие согласованного плана подготовки армии и флота, как на один из факторов неготовности царской России к войне с Тройственным Союзом. Равным образом работу М. Петрова прочтут с пользой и руководители нашей иностранной политики, не говоря уже о всех тех, кто интересуется вопросом о причинах и ходе развития мировой войны.

Мих. Павлович.

---

[1]) Форсирование Дарданелл союзными флотами, начавшееся 19 февраля 1915 г., закончилось после 30-дневных попыток, сопровождавшихся немалыми потерями, катастрофой 18 марта, когда из 15 броненосцев и больших крейсеров три броненосца пошли ко дну, потеряв 3.000 человек, а из остальных судов 10 потерпели очень сильные повреждения. В этой попытке форсирования Дарданелл принимали участие сильнейшие английские супер-дредноуты („Королева Елизавета"). Английский адмирал, командовавший союзной эскадрой, был смещен, идея форсирования Дарданелл помощью одних морских сил была признана утопией. См. об этом нашу работу „Мировая война", т. V, стр. 211—217.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Обширная литература о мировой войне до сих пор почти не уделяла внимания вопросу о военно-морских приготовлениях царской России. Между тем, как сами эти приготовления, так и замыслы, с ними связанные, представляют существенное значение для уяснения степени ее участия в сложном политическом процессе, приведшем к мировому столкновению. Империалистические цели, которые она преследовала и которые надеялась достигнуть этой войной, были самым тесным образом связаны с морем. Уже по этому одному значение русской морской силы, ее задач и стратегии не может остаться в тени при исследовании подготовки к мировой войне.

Настоящий труд имеет целью отчасти восполнить этот пробел, исследуя развитие планов боевого использования флота и создание его судового состава. Вопросы внутренней организации флота, снабжения, комплектования и боевой подготовки оставлены вне исследования, дабы не загромождать основной темы.

Обзор охватывает период с 1880 г., т.-е. от того момента, когда Германия была признана вероятным врагом России, и до начала мировой войны.

Работа составлена, главным образом, по документам архива Морской Исторической комиссии (Мориском). Автор пользовался работами бывших сотрудников последней, среди которых работа Д. Р. Карпова „Исторический очерк военного судостроения в России за период 1881—1914 г. г.“ послужила для него главнейшим материалом при освещении этого вопроса.

Указания по разработке программы настоящей работы и ценные советы были даны автору начальником Управления по исследованию и использованию опыта войн Штаба РККА В. А. Меликовым, выказавшим живой интерес к теме и содействие, без которого автор вряд ли имел бы возможность выполнить порученную ему работу.

Равным образом, автор должен засвидетельствовать с благодарностью ту помощь, которую он получил от начальника исторического отдела Оперативного Управления Штаба РККФ И. В. Егорова в деле отыскания и пользования необходимыми материалами.

Работа просмотрена Н. В. Новиковым, при чем автор воспользовался его авторитетными советами, указаниями и сведениями, им сообщенными.

Этим трудом исследование подготовки царской России к мировой войне на море далеко не закончено. Выше отмечены вопросы, не вошедшие в круг настоящего исследования. Не вошло также и исследование экономических причин, определявших стремление России к морю, являвшихся основной базой ее морской политики и вытекающих отсюда стратегических заданий. Автор пришел к убеждению, что этот вопрос требует самостоятельного исследования и изучения независимо от собственно военной подготовки. До сего времени мы почти не имеем изысканий в области истории морской торговли России и истории русского мореходства в период, предшествовавший мировой войне. Существующие материалы совершенно еще не тронуты и ждут своего исследователя. Между тем, только изучив их, возможно достоверно судить об экономической сущности морских проблем России и конкретно уяснить значение их в жизни и развитии государства, как в его прошлом, в царской России, так в настоящем и будущем СССР. Автор стоит перед этой задачей, рассчитывая в зависимости от успешности начатой им архивной работы, исследовать с этой точки зрения условия развития русской морской торговли за вторую половину XIX столетия и непосредственно перед мировой войной.

М. Петров.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Краткий стратегический очерк Балтийского и Черноморского театров войны.

Общая стратегическая оценка морей России. Балтийский театр. Черноморский театр.

Общая стратегическая оценка морей России.

СССР обладает четырьмя выходами на простор мирового океана: через Балтийское море, Ледовитый океан, Черное море и воды Тихого океана, омывающие наше дальневосточное побережье.

Но ни один из этих выходов не является, по условиям географическим или стратегическим, вполне удобным и обеспеченным.

На Севере климатические условия, отдаленность от культурных и промышленных центров государства в значительной степени понижают преимущества, даваемые непосредственным выходом в океан.

На Дальнем Востоке кольцо Японских островов образовало, как бы блокирующую завесу вокруг главного и единственного нашего порта — Владивостока, тогда как северные берега дальневосточной окраины, выходящие непосредственно на Тихий океан, глухи, малообитаемы, не имеют путей сообщения.

На Балтийском море царская Россия обладала значительным побережьем в его северной и восточной части. Однако, лишь южная половина моря свободна круглый год для навигации. Из крупных портов России одна Либава (отчасти—Виндава) находилась в незамерзающей зоне, прочие гавани—на зиму сковывались льдом.

Выход из Балтийского моря, свободный для мореплавания по всем существующим международным установлениям, стратегически не являлся обеспеченным. Находившаяся непосредственно вблизи датских проливов мощная Германия, являвшаяся фактическим обладателем южной Балтики, запирала выход русским судам в случае войны или политических осложнений с нею. Далее, за выходом из Балтийского моря находится на островах метрополия самого могущественного на море государства—Англии, этого „исконного“ противника всякого, кто стремился выйти на океан, кто мог угрожать ее морской гегемонии.

Наконец, Черное море, соединенное Босфором и Дарданеллами со Средиземным, стараниями всех „великих" держав Европы, с Англией во главе, было обращено, в стратегическом смысле, в закрытый, изолированный от внешнего мира водный бассейн. Военным судам проход через проливы был запрещен [1]). Торговые суда могли проходить их беспрепятственно, но это право, не обеспеченное реальной силой, могло быть нарушено во всякий момент. Все морские сообщения юга России ставились под контроль иностранных коалиций.

Таким образом, обладая громадной территорией, несомненно находясь на пути к экономическому прогрессу, нуждаясь, как в свежем воздухе, в морской торговле и свободных сношениях с внешним миром, Россия оставалась всегда в самом зависимом положении на море.

Все эти моря расположены по окраинам обширного пространства, занимаемого Россией. Путь из одного моря в другое связан с необходимостью огибать материк Европы или Азии, при чем на всех этих путях нет ни одной русской базы.

Плавание сопряжено с проходом через воды ряда иностранных государств. Единственный русский путь из Белого моря—в Тихий океан, кругом Сибири, так называемый „Великий Северный Морской путь" — проходим для отдельных судов лишь при исключительно благоприятных условиях плавания и стратегического значения, как путь сообщения для военных флотов, не имеет.

Таким образом, все русские моря являлись как бы изолированными: Черное море—безусловно, прочие—будучи разделены громадными расстояниями, без обеспеченного выхода для флота и гарантированного базирования его в пути.

Это в высшей степени невыгодное расположение наших морей ставило перед русской морской стратегией чрезвычайно трудные задачи.

Царская Россия не могла иметь в каждом из своих морей достаточно сильного флота, способного решить стратегическую задачу данного моря, не только в отношении обеспечения выхода в океан, но и для целей береговой обороны. Сосредоточение же флотов в одном море являлось не только затрудненным до крайности, но в иных случаях (Черноморский флот) и политически невозможным.

Сосредоточение в подобных условиях не могло уложиться в пределы быстрого стратегического маневра, выполняемого с наступлением войны, когда оно необходимо. В силу технической сложности переброски крупных морских сил из одного театра в другой таковой маневр требовал заблаговременных оборудований и приготовлений.

---

[1]) Согласно ст. Лондонской конвенции 1871 г.

Стратегия могла решить вопрос о сосредоточении сил лишь при условии полной согласованности с политикой и планомерности последней.

Царская Россия на каждом море имела свои политические проблемы. В Балтийском направлении — германская проблема, на юге — проблема проливов, на Дальнем Востоке — проблема выхода в Тихий океан. В виду особенностей стратегического положения морей, прежде всего требовалось определенно решить, какая из этих проблем является главной, чтобы сюда направить все силы и средства для создания флота. Это решение должно было быть устойчивым и планомерно проводиться до конца. Оно требовало, вместе с тем, от политики России определенного образа действий в деле обеспечения направлений, обнаженных для нападения, от возможности войны.

При таком условии Россия могла ограничиться одним флотом на одном море, не дробя усилий и средств между всеми морскими театрами.

Однако, согласованности между стратегией и политикой не было. Царская Россия часто меняла свой политический курс, бросаясь то на проливы, то на конкуренцию с Германией, то, наконец, на Дальний Восток. Главное условие, при котором мог быть решон вопрос о заблаговременном сосредоточении сил — устойчивая политика—соблюдаемо не было, и все невыгоды обладания четырьмя отрезанными одно от от другого морями самым тяжким образом сказывались на морской стратегии России.

Балтийский театр. Балтийское море представляет собой внутренний водный бассейн, соединенный с океаном через Каттегат и мелководные проливы: Большой (32 ф.) и Малый Бельты и Зунд (22 ф.). Средняя глубина — 40—60 саж.; местами, во впадинах открытой части моря, она доходит до 100 и больше саж. (максимальная глубина 170 с.).

Извилистая береговая линия Балтийского моря образует ряд заливов, усеянных многочисленными островами. Наиболее крупные заливы — Ботнический (28% всего водного пространства моря), Финский (9%) и Рижский ($3^1/_2$%). Особенно своеобразно начертание береговой линии: в южной части моря она имеет ровный характер, сохраняя таковой на Германском, Курляндском и отчасти на Лифляндском побережьи; вся остальная часть побережья густо испещрена островками и заливами, образующими прибрежные шхеры.

Обилие островов дополняет картину Балтийского моря. Из наиболее крупных отметим Фионию, Зеландию, Лааланд, Фемерн, Рюген и Борнхольм в юго-западной части, Готланд, Эланд и группу островов Моонзунда (Эзель, Даго, Моон, Вормс), Оланд с прилегающим к нему островным шхерным

(Або — Оланд) районом в средней части Балтийского моря. Кроме них — большое количество мелких островов во всех районах.

В навигационном отношении само море не представляет никаких трудностей: берега его почти всюду доступны, подводных опасностей немного, изменение глубин довольно равномерно. Совершенно иными являются заливы (кроме Рижского), западная часть моря от о. Борнхольма к проливам и в особенности шхерные районы. Малодоступные берега, множество подводных опасностей, трудные, требующие тщательного ограждения, фарватеры делают плавание в этих местах чрезвычайно трудным. Можно сказать, что с точки зрения кораблевождения шхерные районы Балтийского моря являются наиболее трудными местами для плавания на всем земном шаре.

Значительная часть Балтийского моря зимой замерзает. По продолжительности ледяного покрова районы Балтийского моря и его заливов распределяются следующим образом: северная часть Ботнического залива, в среднем, покрыта льдом в течение 210 дней в году, берега Финляндии и Швеции в северной части Ботнического залива — в течение 185 дней; Невская губа, восточная часть шхер Финского залива, берега средней части Ботнического залива—160 дней; средний район шхер Финского залива—145 дней, западная часть шхер Финского залива—130 дней; Моонзунд—100 дней; Стокхольмские шхеры — 70 дней, Рижский залив—30—40 дней.

Балтийское море омывало берега Дании, Германии, Швеции и России, при чем относительное распределение береговой линии до мировой войны выражалось: на долю России с Финляндией приходилось 40% ее, на долю Швеции — 34%, Германии—16% и Дании—10%.

а) Быв. русское побережье Балтийского моря.

Царская Россия обладала побережьем всей восточной части Балтийского моря от м. Полангген на юге и по Торнео на севере Ботнического залива.

Особенности отдельных частей побережья и различие их стратегического значения для России побуждают расчленить его на следующие районы: 1) район Финского залива, 2) Або-Оландский район, 3) Моонзунд, 4) Курляндский район и 5) район Ботнического залива.

1. Финский залив. Финский залив глубоко врезывается в северо-западную часть России; его продолжением как бы являются Ладожское и Онежское озера. Сюда тяготеет богатый промышленный район, здесь, в самой глубине залива, расположилась столица царской России — Петербург. Значение Финского залива определялось — с точки зрения промышленной и торговой — как путь для морского сообще-

ния с миром; с точки зрения стратегии Финский залив служил подступом с моря к столице и ее промышленному району—объектам первостепенной важности.

Районом, непосредственно прилегающим к столице, а потому имеющим особое значение в деле обороны — является Невская губа. Отмелая, засыпаемая песками Невы, в восточной своей части она судоходна лишь при условии поддержания глубины на каналах искусственным путем (бары Невы—около 8 фут.). Остров Котлин, от которого начинается приглубая часть моря, является важнейшим стратегическим пунктом на путях к Петербургу. Здесь еще Петром I-м основана крепость и база флота—Кронштадт, который с того времени продолжает служить опорой морской обороны района и главной ремонтной и снабжающей базой Балтийского флота.

При выходе из Невской губы на северном берегу расположен отличный рейд, хорошо закрытый, приглубый, имеющий два выхода,—Биорке, значение которого определяется его положением относительно Кронштадта: это естественная передовая стоянка для флота при его операциях в районе Кронштадта. На южном берегу более открытая, но обширная Лужская губа, о-ва Сескар, Лавенсари и ряд отмелей к ним создают могущий быть оборудованным для обороны маневренный плацдарм, опираясь на который флот мог противодействовать противнику в его стремлении проникнуть к столице.

Следующим рубежом обороны Финского залива является район о-ва Гогланд. Этот высокий, скалистый остров, расположенный посредине залива, сам по себе имеет большое стратегическое значение, ибо в его горизонте лежат главные пути вдоль Финского залива. С севера к нему примыкают шхеры Аспе, являющиеся удобными позициями для минных сил, а к югу открытая Нарвская губа с о-вами Большой и Малый Тютерсы образует второй маневренный район для флота. Река Нарова, впадающая в губу, являлась рубежом сухопутной обороны направления на Петербург.

Неудобство этой части Финского залива, к востоку от Гогланда, заключается в том, что здесь чрезвычайно длительный ледостав. На протяжении почти 5 месяцев в году она закрыта для свободного плавания. Флот, базирующийся на Кронштадт, на это время отрезан от Балтийского театра.

Идя дальше к западу, мы видим узкость, которая образуется о-вом Нарген с юга и выдающимся мысом Поркаллауд с севера. Дальнобойные крупные орудия, расположенные в этих пунктах, способны перекрыть своим огнем всю ширину залива между ними. На северном берегу этого района имеется Свеаборгский рейд, являющийся отличной вполне закрытой стоянкой для флота (неудобство—узкие входные

фарватеры, требовавшие расширения для новых больших судов). Свеаборгская крепость, прикрывающая подступ к рейду, давала некоторую устойчивость обороне этого района. На южном берегу—порт Ревель, расположенный в обширной, обладающей всеми данными для устройства здесь военного порта бухте.

Этот район по своему стратегическому значению являлся одним из важнейших на нашем театре: здесь мог быть создан рубеж обороны входа в глубину Финского залива, сюда могло быть перенесено базирование флота из Кронштадта. Хотя зимой район и покрывается льдом, но навигация при помощи ледоколов, по крайней мере в Ревеле, может быть поддерживаема круглый год.

Идущий далее к западу шхерный район северного берега, от Поркаллауда до Ганге, известен под названием „фланговошхерной позиции". Ее фланговое положение по отношению к Ревель-Поркаллаудскому рубежу, обилие удобных рейдов для базирования минных сил обусловили стратегическое значение этого района.

Наконец, и сам выход из Финского залива в Балтийское море мог быть защищен устройством минной позиции между о-вом Даго и выдающимися островными группами Северного берега.

Географические условия давали возможность на всем протяжении Финского залива установить ряд оборонительных рубежей-позиций для борьбы с флотом противника, стремящимся прорваться к столице. Этими позициями являлись:

Передовая позиция—Даго—Эре.

Главная позиция—Нарген—Поркаллауд.

Гогландская позиция.

Тыловая позиция—Сескар—Лавенсари и, наконец,

Кронштадтский укрепленный район.

Таким образом, Финский залив представлял большие естественные удобства для обороны подхода к столице. Но он не являлся удобным базисом для действий флота в открытой части Балтийского моря, ибо устье его, забросанное минами и блокируемое противником, не обеспечивало свободного выхода флота.

Для последней цели, т.-е. для обеспечения выхода флота из Финского залива, а равно для действий его непосредственно в открытой части Балтики, особо важное значение имели оба прилегающих к устью залива района: Моонзунд и Або-Оландский район.

2. Або-Оландский район. Ботнический залив, при слиянии с водами открытой части Балтийского моря, пересекается полосой бесчисленного множества (нескольких тысяч)

островов, скал и камней, совокупность которых называется Або-Оландским шхерным районом. Образуя обширный треугольник, основанием упирающийся на Финляндию, а вершиной обращенный к Швеции, этот район обладает исключительными свойствами в качестве маневренной базы для минного флота, давая последнему самой природой обеспеченный, легкий для обороны лабиринт путей по всем направлениям.

Владение Або-Оландским районом обеспечивает свободу действий в средней части Балтики и в Ботническом заливе: его многочисленные фарватеры и выходы блокировать или заградить очень трудно. Для действий против Швеции этот район представляет исключительные удобства, будучи расположен непосредственно вблизи ее и являясь, вместе с тем, трудно уязвимым на всем своем протяжении.

Фарватеры в районе трудны, особенно для больших судов. Район мало исследован.

Узкой полосой шхер Або-Оландский район соединяется с Финским заливом. Местность у Гангутского полуострова является как бы перемычкой, требующей соответственного обеспечения в смысле инженерной обороны участка. В этом районе проходят внутренние фарватеры из Финского залива в шхеры Оланда.

В условиях современной войны, при широком использовании мин заграждения и подводных лодок, приобретают особое значение внутренние фарватеры, которые могут быть сравнительно легко охраняемы и наблюдаемы. Северный берег Финского залива и Або-Оландский район по своим особенностям дают возможность установить непрерывные внутренние фарватеры, даже для больших судов, на всем протяжении от Свеаборга и до Оланда. Это являлось чрезвычайно ценной особенностью помянутых районов.

3. Моонзунд, Рижский залив. К югу от входа в Финский залив, между ним и Рижским заливом, лежит группа островов—Эзель, Даго, Моон и Вормс, образующая архипелаг Моонзунда.

Мелководная, с песчаными низменными берегами и длинными отмелями, эта местность существенно отличается от скалистых, приглубых берегов Оландских шхер. Фарватеры, недоступные для судов с большой осадкой, могут быть, однако, легко углублены, в виду песчаного грунта. Местные широкие плесы, пригодные в качестве рейдов для линейных сил требуют также дноуглубительных работ.

Стратегическое положение Моонзунда, расположившегося в преддверии Финского залива и прикрывающего собой Рижский залив и его обширную береговую линию, является исключительным по важности. Три выхода в море—между Даго и берегом, между Даго и Эзелем (Соэло-Зунд, доступ-

ный для миноносцев) и, наконец, Церельский пролив—дают возможность базирующемуся здесь флоту не слишком опасаться неприятельской блокады. Владение Моонзундом дает возможность флоту, прикрывая направление на Ригу и в Финский залив, действовать также в средней части Балтики и против Швеции и против Германии.

Рижский залив представляет внутренний бассейн, врезывающийся в материк, особенно опасный в смысле возможного направления высадки неприятельского десанта. Высадившись здесь, противник получал возможность действовать в тыл армии, развернувшейся на западном фронте, отсекая одновременно богатый промышленный Рижский район.

Выход из Рижского залива, Церельский пролив, достаточно узок и может быть перекрыт огнем береговой артиллерии, расположенной на одном из его берегов.

Таким образом, совокупность трех районов—Финского залива, Або-Оландского района и Моонзунда—в целом давала крепкую оборонительную позицию, обеспечивая в то же время действия флота в открытом море. Местные особенности этому вполне благоприятствовали.

4. Курляндский район. Южная часть Балтийского побережья царской России от мыса Люзерорт до границы—представляла собой прямую, идущую почти по меридиану береговую черту, лишенную заливов и островов. Лишь порты Виндава, расположенный в устье реки того же имени, и Либава могут служить местами для стоянки флота. Весь этот район—теплая, незамерзающая часть моря. Она круглый год свободна от льдов.

Стратегическое значение этого района определялось двумя соображениями: во-первых, сюда непосредственно примыкал фланг развертывания русской армии на западной границе, вследствие чего десанты противника или же продвижение его вдоль побережья могли угрожать его устойчивости. Во-вторых, здесь был расположен порт (Либава), куда во всякое время года могли свободно войти наши суда, вернувшиеся из океана, равно как и выйти в него. Наконец, на случай наступательных действий флота против Германии, эта база была наиболее приближена к противнику, что само по себе имело значительные удобства. Однако, этот район являлся изолированным от Финского залива, не имея естественных рубежей, которые могли бы содействовать задержанию движения флота противника в направлении на Финский или Рижский заливы. Местность открытая, трудна для обороны. Порты легко блокируются противником. Лишь при одном условии база флота здесь могла иметь выгоды — когда русский флот превосходил силы флота противника: в этом случае он не мог быть ни заблокирован, ни отрезан.

Тогда, действуя в тыл и на сообщения противника, он одновременно решал задачу обороны направлений и на Ригу и на столицу.

В экономическом отношении Либава и Виндава являлись крупными экспортными торговыми портами царской России.

5. Ботнический залив. Отрезанный от театра открытого Балтийского моря, большую часть года у берегов покрытый льдами, находящийся в стороне от главных операционных линий, Ботнический залив не имел крупного стратегического значения в случае войны России с Германией. Но это значение могло измениться, коль скоро противник избрал бы направление на побережье Ботнического залива для высадки десанта в Финляндию, побережье которой трудно обороняемо в виду его значительной протяженности, доступности для высадки во многих местах и неразвитости путей сообщения в этом районе. При войне со Швецией побережье Ботнического залива получало особое значение, в виду наличия ряда опорных пунктов для флота, в особенности в узкости между Николайштадтом и Умео, с выдвинутым в море шхерным районом.

б) Германское побережье Балтийского моря. Германия владела южной частью побережья Балтийского моря от границы с Данией на Ютланском полуострове до Полангена—границы с Россией. Меридианом маяка Аркона эта часть характерно делится на восточную и западную.

Западная часть германского побережья прилегает к узкости, ведущей к выходу из Балтийского моря. В основании Ютланского полуострова расположена прекрасная Кильская бухта, закрытая от ветров, удобная для обороны, способная вместить большой флот. Здесь находится главная база германского военного флота—Киль, хорошо укрепленная, обладающая громадными судостроительными и ремонтными средствами. Здесь же—канал императора Вильгельма, соединяющий Балтийское море с Северным: внутренний, совершенно безопасный путь, разрешающий проблему быстрого сосредоточения германского флота в том или другом море.

Значение Кильской бухты, как основной базы флота, обеспечено трудной досягаемостью ее для противника как со стороны Каттегата, в виду наличия целого ряда узкостей, преграждающих сюда доступ и создающих ряд рубежей для обороны, так и со стороны Балтийского моря, откуда путь лежит в узкости между германским побережьем и датскими островами. Германский остров Фемарн является как бы контролирующим пунктом для подходов с востока.

Таким образом, тыл германского флота являлся хорошо обеспеченным местными условиями.

Любекская и Висмаркская бухты и побережье около о-ва Рюген также могли служить местами маневренного базирования флота.

Вся западная часть побережья Германии прилегает к богатейшему промышленному району.

Восточная часть. К востоку от о. Рюген находится Померанская бухта, в глубине которой расположен крупный порт Штеттин и, на подходе к нему, приморская крепость и порт Свинемюнде, могущие служить маневренными базами для германского флота при его действиях в Балтийском море.

Далее к востоку берег заканчивается песчаной косой и крутым загибом образует Данцигскую бухту, в глубине которой находился хорошо защищенный военный порт Данциг. Укрепления Пиллау прикрывали вход в Фришгаф, где находился крупный военный и промышленный центр—Кенигсберг.

Следующий залив, Куришгаф с портом в его устье—Мемелем был ближайшим к границе опорным пунктом германского флота.

Порты Германии не замерзают. Соответственно развитию германского судоходства, они были прекрасно оборудованы всем необходимым для обслуживания как военного, так и коммерческого флота.

в) Шведское побережье Балтийского моря.

Швеция владеет всем Скандинавским побережьем Балтийского моря от Каттегата до Ботнического залива.

На ряду с Данией, она контролирует вход в Балтику со стороны океана.

Все шведское побережье представляет сплошные шхеры, изобилует заливами, бухточками и мелкими островами. Швеции принадлежат и крупные острова Балтийского моря—Эланд и Готланд.

Военными портами для шведского военного флота являются: главный — Стокгольм и южный — Карлскрона. Кроме того, флот имеет возможность базироваться на ряде прибрежных портовых городов, которыми богато шведское побережье.

г) Датское побережье Балтийского моря.

Дания, расположившаяся при входе в Балтийское море, уже в силу своего географического положения занимает исключительно важное стратегическое положение, но не располагает достаточными ресурсами, чтобы использовать его в своих целях против Германии или Англии, непосредственно под ударами которых она может оказаться. При благожелательном отношении к России, Дания не могла бы чем-либо облегчить ее положение, закрыв, например, проливы,

хотя и нейтрализованные, для ее неприятелей. Но, оказавшись сама в ряду врагов России, она получила бы возможность чинить препятствия выходу русских судов.

Черноморский театр.

Черное море, соединенное Босфорским проливом с Мраморным морем, а далее Дарданеллами со Средиземным, представляет собой обширный, очень глубоководный бассейн (глубины в средней части моря до 1.200 саж.). Линия больших глубин (больше 100 саж.) подходит почти вплотную к южному и восточному берегам и только в северо-западной части отступает от береговой черты, оставляя большой отмелый участок.

Черное море лишено крупных островов (на всем его пространстве имеются всего три малых острова). В северной части оно образует обширный, но мелкий залив—Азовское море, соединенное с ним узким Керченским проливом. От северного берега далеко выдается в море большой Крымский полуостров.

Черное море не замерзает, лишь Керченский пролив и некоторые участки Азовского моря покрываются на короткое время льдом.

В навигационном отношении плавание легко, подводные опасности отсутствуют, подходы к берегам просты.

Побережье Черного моря принадлежит, кроме России, Турции, Болгарии и Румынии.

а) Русское побережье Черного моря.

Русское побережье Черного моря от границы с Румынией до границы с Турцией на Кавказе охватывает всю северную и восточную части моря. Оно различно на всем протяжении по своим свойствам и стратегическому значению. Разделив его условно по меридиану Перекопского перешейка, соединяющего Крым с материком, на западный и восточный районы, рассмотрим их отдельно.

Западный район. Общее стратегическое значение западного района черноморского побережья СССР определяется следующими соображениями:

1) Этот район является пограничным с Румынией и фланговым по отношению к общему фронту развертывания наших армий на западной границе. Пути для обхода ее фланга, для действий в направлениях южных областей России, лежат в прибрежной полосе, и операции флота приобретают, как в этих случаях, так и в случае наступления нашей армии по направлению на Румынию и далее, весьма ответственный характер.

2) Главным образом, через этот район, преимущественно через Одессу, проходит иностранная торговля нашего юга, ввоз и вывоз за границу. Южные области тяготеют к морю,

Гос. Истор.-Арх. Ин-т НКП РСФСР Инв. № 150074

они открыты с этой стороны и требуют защиты от десантов противника.

3) Здесь же расположены обе базы Черноморского флота: операционная—Севастополь и судостроительная—Николаев.

Северная часть Черного моря от устья Дуная до Херсонесского мыса не глубока, глубины не превосходят 70 саж., уменьшаясь постепенно, по мере приближения к берегу.

Одесский залив является удобным местом для якорной стоянки большого флота, его берега возвышенны, вполне пригодны для создания солидной береговой обороны. От Одесского залива к Днепровскому лиману, параллельно берегу, тянется обширная 18—20-футовая отмель (Одесская банка), служащая как бы продолжением Кинбурнской косы. Проход через нее к херсонскому берегу доступен лишь судам с малой осадкой. Это—как бы барьер, облегчающий задачу береговой обороны.

Днепровско-Бугский лиман, отмелый, для прохода больших кораблей имеет вырытый фарватер к Николаеву. Здесь расположена крепость Очаков, прикрывающая вход в лиман.

Заднепровская часть степей, идущих от левого берега Днепра, примыкает к Черному морю песчаным мелким побережьем, образующим длинные косы и банки, за которыми находятся обширные заливы—Тендровский и Егорлицкий. Первый, глубоководный, может служить хорошим местом стоянки для флота. Тот же характер имеет и Джарылгачский залив, где находятся два малых коммерческих порта Скадовск и Хорлы. Кроме того, здесь имеются бухты Бакальская, Ярылгачская и Ак-Мечетская. Южнее Тарханкута крымский берег поворачивает, образуя в средней своей части обширный Евпаторийский залив. Берег этого залива низменный, трудно-обороняемый с сухого пути, удобен для высадки неприятельского десанта (здесь высаживались союзники в Крымскую войну).

Далее к югу—Херсонесский залив, южный берег которого испещрен мелкими бухтами. К вершине угла этого залива примыкает обширная, глубоководная, исключительно удобная для стоянки флота Севастопольская бухта.

Здесь находится главный порт Черноморского флота—Севастополь, оборудованный как база и защищенный береговыми укреплениями.

Положение Севастополя, расположенного на южной оконечности выдвинутого в море Крымского полуострова, является как бы центральным для всего театра. (Расстояние от Севастополя до Одессы—160 миль, до устья Дуная—167, до Синопа—179, до Батума—410, до Босфора—280 миль). В силу этого Черноморский флот, базируясь на Севастополь, полу-

чал командующее положение над всеми путями между восточными и западными портами, точка пересечения которых лежит недалеко к югу от него. Но, с другой стороны, Севастополь являлся отдаленным от главного стратегического об'екта действий флота, к которому направлены все важнейшие операционные линии,—от Босфора. Расстояние в 280 миль превосходит тот предел, какой допустим для непрерывной блокады главными силами флота Босфора. Поддержка блокадных дозоров, расположенная в Севастополе, слишком отдалена, отсутствие же других промежуточных баз между Севастополем и Босфором, несомненно, чрезвычайно затрудняет выполнение операций против последнего, в особенности таких, которые требуют длительных и непрерывных боевых действий. Соседние с Севастополем бухты Крымского побережья имеют важное тактическое значение в отношении обороны района.

Восточный район. Восточное побережье охватывает восточную часть Крыма, вход в Азовское море и прибрежную полосу Кавказа до границы с Турцией. Его стратегическое значение определяется, с одной стороны, необходимостью защиты от покушений неприятеля богатейших областей, прилегающих к морю в этом районе, а с другой—как операционная база флота для действий против восточной Турции в направлении Анатолийского побережья.

Азовское море глубоко врезывается в материк, являясь морским подступом к Донской области и Кубани. Оно сообщается с Черным морем узким и мелководным Керченским проливом, плавание которым доступно лишь по каналу, поддерживаемому на глубине 20 фут. Таким образом, лишь суда малой осадки могут проникнуть в порты Азовского моря. Это облегчает защиту Керченского пролива, где расположена Керченская крепость (до мировой войны находившаяся в полуупраздненном состоянии). Отмели дают возможность широко использовать минную оборону.

Побережье Кавказа лишь в нескольких местах доступно для проникновения с моря. На нем имеется только одна большая, хорошо закрытая бухта—Новороссийская, где расположен порт, являющийся главным вывозным центром морской торговли северного Кавказа. Этот порт отлично оборудован для коммерческих целей. Вблизи него расположена малая бухта Геленджик, далее к югу имеются якорные стоянки (Пицундский и Сухумский рейды), открытые для ветров, наконец—гавань Поти и порт Батум.

Батум имел крупное стратегическое значение, как база для флота в его действиях в юго-восточной части моря. Кроме того, он является большим торговым морским портом.

б) Румынское побережье Черного моря.

На румынское побережье выходит дельта реки Дуная, которая имеет каналы, доступные для судов с осадкой до 20 фут (Сулинский канал). Единственная якорная стоянка на Румынском побережье—порт Констанца, являющийся главной базой румынского военного флота. Он защищен с моря батареями.

в) Болгарское побережье Черного моря.

На болгарском побережье, к западу от мыса Калиакрия, расположен обширный залив, имеющий глубину около 9—10 сажен, удобный для стоянки большого флота, особенно имеющиеся здесь рейды Бальчик и Каварна.

Далее к югу—отличный рейд Варна, в котором расположен порт болгарского флота, защищенный приморской крепостью. Затем—Бургасский залив, побережье которого испещрено многими мелкими бухтами.

Обилие хороших якорных стоянок на болгарском побережье давало бы, при надлежащих политических отношениях между Россией и Болгарией, хорошую базу Черноморскому флоту для его операций против Босфора. Так стратегически и оценивалось морским командованием значение этого района в то время, когда были основания считать Болгарию союзницей России. Это был как бы плацдарм для развертывания русской армии и флота при наступлении на Балканский полуостров.

г) Турецкое побережье Черного моря.

Турция обладает обширным побережьем, которое естественно разбивается на два района: Анатолийский и Босфорский.

Анатолийское побережье Турции скалистое в немногих местах доступно с моря. Эта часть Малой Азии, представляет дикую горную местность, занятую высоким хребтом Тавра и песчаным плато. Западный участок этого хребта разветвляется многими отрогами, в большинстве направленными к берегу Черного моря. К подножию отрогов сходятся исторические караванные пути, которые выходят на побережье к заливу Трапезунд, где расположен портовый город.

Далее к западу побережье представляет непроходимую преграду. Лишь у Самсунского залива местность значительно понижается к морю и становится доступней. Из якорных стоянок на побережье Малой Азии следует отметить Синопский рейд.

Общее стратегическое значение Анатолийского побережья, с русской точки зрения, оценивалось, как уязвимое место Турции, куда могли быть произведены высадки войск в тыл и фланг ее армии, действующей в Кавказском направлении.

Босфорский район. Стратегическое значение Босфорского района и, прежде всего, проливов является исключи-

тельным по важности. Это—входные ворота в Черное море; это—выход из него к мировому океану; это, наконец, узел обороны всего черноморского побережья от внешнего неприятеля. Здесь лежит столица Турции—Константинополь, здесь проходят пути из Азии в Европу.

Босфор являлся объектом наступательных стремлений России в течение всего времени с момента утверждения ее на Черном море. Главные операции черноморского флота предусматривали прежде всего действия против Босфора.

Крайний северный пункт Босфорского района, залив Инада, представляет вполне удобную стоянку для флота, равно как и крайний восточный пункт—залив Эрегли—может служить базой для высадки на Анатолийский берег. В 50 милях от Босфора, у Анатолийского берега, находится остров Кефкен, между ним и берегом образуется залив, доступный для судов с небольшой осадкой.

Вблизи Босфора, вообще, имеется много удобных для высадки бухт и участков открытого побережья, между которыми наиболее удобной является Килия.

Длина Босфорского пролива—16 миль, ширина—несколько более двух. По характеру своих очертаний пролив может быть разделен на три части, или колена. Первое—северное, от Черного моря до залива Буюк-дере; второе состоит из двух обширных рейдов Бейкосского и Буюк-дерского—и соединяющего их участка пролива; третье — нижнее, в виде ломаной излучины, при впадении в Мраморное море, отделяющее от себя бухту Золотой Рог.

Ближайшей к Константинополю якорной стоянкой является на черноморском побережье рейд Буюк-Лиман. Вторая якорная стоянка, залив Анатоли-Кавак служит местом остановки всех судов для получения пропуска через проливы. Наиболее важное значение, как район для развертывания флота, имеет Бейкосский рейд, откуда он может поражать огнем суда, пытающиеся форсировать пролив.

Особенностью Босфорского пролива является сильное течение (зависящее от времени года), которое на Верхнем Босфоре доходит до 2—3 узлов, увеличиваясь в узкой части пролива до 5—6.

Представляя собой прекрасную позицию для обороны, Босфор был всегда сильно укреплен и, кроме того, мог обороняться флотом.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исторический очерк развития Балтийского флота и планов обороны Балтийского моря с 1881 по 1904 г.г.

Положение России на море к 1880 г. Новые задачи флота. Восстановление судового состава Балтийского флота в период 1881—1895 г.г. Выбор незамерзающего порта для Балтийского флота и планы обороны Балтийского моря 1885—1895 г.г. 1895-й год, новые задачи флоту. Двадцатилетняя программа судостроения. Судостроительная программа 1904—1914 г. Положение на Балтийском море после ухода ядра флота на Д. Восток. Стратегическая игра на тему: война с Германией в 1900 — 1901 г.г. Предположения 1903 г. о развертывании Балтийского флота. Совместное обсуждение планов обороны Балтийского моря с Военным ведомством в 1903 г. Заключение.

Положение России на море к 1880-му году. Крымская война, обнаружившая полную гнилость военного аппарата царской России, привела к разгрому ее морского имущества. Черноморский флот, оказавшийся не в состоянии бороться с противником в море, был затоплен при входе в Севастопольскую бухту. Балтийский—был заблокирован в портах, предоставив господство в Балтике Англо-Французскому флоту.

Парижским договором, заключившим эту войну, Россия была лишена права содержать в Черном море военный флот, а в Балтике строить укрепления в важнейшем стратегическом пункте—на Оланде.

Отсталая в техническом отношении, с неразвитой индустриальной промышленностью, терзаемая неурядицами бюрократического „николаевского“ режима, бедная финансовыми ресурсами, царская Россия не могла иметь флота, способного конкурировать с флотами Англии и Франции. Та пора была переходной эпохой, когда деревянные парусные корабли решительно вытеснялись паровыми и железными; их типы быстро прогрессировали, стремительно совершенствовалось и оружие (нарезная артиллерия, бомбические снаряды). Флот для своего развития требовал технической базы, каковой у России не было; Франция же и Англия ею обладали. В Крымскую войну наши деревянные и устарелые суда встретились с флотами, в состав которых входили в большей части современные корабли, что определило громадное неравенство сил и имело следствием поражение русского флота.

Первые годы после войны положение России на море было весьма тяжелым. Балтийское побережье оставалось почти беззащитным, а лишение права иметь флот на Черном море— влекло за собой не только ликвидацию всех исторических стремлений к обеспечению выхода в Средиземное море, но вызывало опасение за южные области, совершенно не защищенные со стороны моря. Между тем политические отношения с Францией и Англией, в особенности с последней, продолжали оставаться тревожными.

Тотчас по заключении мира Россия предприняла вновь постройку флота. Ему ставились задачи преимущественно оборонительные. Большинство первых серий железных кораблей (башенные лодки, броненосцы береговой обороны) строились прежде всего для этой цели.

Были также приняты меры для создания собственной судостроительной и механической промышленности. В 60-х годах основаны заводы (Ново-Адмиралтейский, Балтийский судостроительный и механический, Обуховский орудийный, Ижорский и др.), и, как принцип восстановления флота, была положена идея постройки судов на отечественных верфях.

Однако, в виду общих тяжелых экономических условий, возрождение судового состава подвигалось крайне медленно.

После Франко-Прусской войны 1871 г., воспользовавшись поражением Франции, Россия, при поддержке Германии, отказалась от выполнения некоторых статей Парижского договора, в частности от лишающих ее права иметь военный флот на Черном море.

В начале 70-х годов было приступлено к постройке кораблей для Черноморского флота, но в очень скромных размерах [1]).

Доставшаяся дорогой ценой победа русской армии в войну 1877—78 г. не дала результатов, которые были бы достойны жертв, принесенных Россией. Отсутствие сильного флота на Черном море, беспомощность перед угрозой Англии лишили русские войска возможности задержаться на Босфоре, берегов которого они достигли. Морские силы были совершенно недостаточны для закрепления успеха.

Неудача в войне 1854—55 г., бесплодность войны 1877—78 г. явились следствием слабости России на море.

К 1880-му году Черноморский флот был в зачаточном состоянии, Балтийский же состоял из судов всевозможных типов. Идеи береговой обороны, господствовавшие в 60-х г.г., сменились идеями крейсерской войны в океане (имея в виду

---

[1]) Были построены 2 „поповки"—круглые корабли береговой обороны, вооруженные одной башней, тихоходные, неустойчивые на курсе, весьма неудачной конструкции, и миноносцы, а также вооружены некоторые коммерческие суда.

Англию). К броненосным оборонительным судам постройки 60-х годов были добавлены корабли крейсерского типа (корветы и фрегаты). В целом—флот был слаб и не способен удовлетворительно разрешить ни задач обороны Балтийского моря, ни крейсерских операций в случае войны с Англией.

Между тем, к этому времени в военно-политической обстановке сложились условия, которые вызвали ряд требований, явившихся новыми заданиями для развития морских сил России.

С одной стороны, надо было учесть усиление Германской империи и твердо заявленное ею желание иметь собственный военный флот той силы, какая обеспечивала бы безопасность ее побережья. Это не были еще широкие замыслы, которые сложились в Германии несколько позже, они пока носили лишь оборонительный характер. Но для России, до сих пор господствовавшей на Балтийском море, располагавшей флотом, превосходившим таковые других прибрежных государств Балтики, факт усиления Германского флота представлял событие чрезвычайной важности. Охлаждение между Россией и Германией после Берлинского конгресса давало основание считать последнюю вероятным противником, что должно было найти себе отражение в задачах русского Балтийского флота. До того времени вероятным врагом считалась Англия, и все оперативные предположения были построены против нее. Теперь же надо было ориентироваться и на Германию, что являлось уже новым заданием.

С другой стороны, на Дальнем Востоке начиналось военное возрождение Японии и Китая. Они не представляли еще реальной силы, которая угрожала бы непосредственно России. Но дальневосточный вопрос мог дать повод конфликту между европейскими державами, на почве столкновения их экономических интересов, и Россия могла быть втянута в войну ходом событий.

Указанные обстоятельства побудили царское русское правительство согласовать развитие флота в соответствии с новыми условиями, что вызвало, в первую очередь, необходимость установить его новые задачи.

Новые задачи флота.

В 1881 г. под председательством вел. кн. Алексея Александровича было образовано особое совещание [1]) из министров военного, иностранных дел и управляющего морским министерством для выяснения вопросов будущего развития флота, в связи с политическими и военными требованиями момента.

Это совещание установило следующие задачи для флотов Черного, Балтийского морей и Тихого океана.

---

[1]) Гл. Морской Архив, дело № 47 (по каталогу материалов Русско-Японской войны).

Черное море. „Первою заботой по восстановлению морских сил должно быть возрождение Черноморского флота, а затем уже развитие флота и на других морях".

Совещание свое решение обосновывало тем, что Россия более чем кто-либо заинтересована в восточном вопросе, который ходом исторических событий казался приближающимся к развязке, мыслившейся в виде раздела Турции. „Поэтому, безусловное превосходство на водах Черного моря представляет для нас задачу первой важности, и Черноморский боевой флот должен иметь безусловное господство над морскими силами Турции, чтобы к моменту наступления развязки овладеть устьем Босфора, укрепиться на обоих его берегах, для чего он должен располагать достаточным транспортным флотом, чтобы быстро поднять и привести к Босфору корпус в 30.000 человек".

Балтийское море. „Основной задачей для Балтийского флота является доведение его до первенствующего значения сравнительно с флотами других держав, омываемых тем же морем, обеспечив его надежными базами в наименее замерзающих частях Финского залива".

„Самая оборона Балтийского моря должна быть активной, не допускающей блокады и готовой воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы перейти в наступление".

Дальний Восток. „Военное положение на Дальнем Востоке находится в зависимости от развития сил Китая и Японии, делающих за последнее время быстрые успехи на море, с которыми трудно да и излишне было бы соперничать сибирской флотилии, тем более, что в случае разрыва с Китаем и Японией к ним легко могут присоединиться флоты западных держав".

1. „Ограничивая поэтому наши задачи в Тихом океане лишь обороной важнейших пунктов побережья, признается возможным достигнуть этого даже без боевого содействия флотом, одними инженерно-артиллерийскими средствами и минными заграждениями, и лишь для обеспечения сообщения между этими пунктами, а равно и для разведывательной службы, представляется необходимым иметь небольшую военную флотилию из вполне надежных судов".

2. „Затем, в случае отдельных столкновений с Китаем или Японией при мирных отношениях с европейскими державами, предстоит откомандирование в воды Тихого океана эскадры из состава Балтийского и Черноморского флотов. Для ограждения же общих интересов, политических и торговых, России необходимо располагать в водах Тихого океана достаточным количеством крейсеров, которые могли бы, в случае столкновения с европейскими державами, серьезно угрожать тор-

говле, нападая на их коммерческие суда, склады и колонии".

На основе вышеизложенных общих указаний задач флота морским ведомством были выработаны принципиальные положения для программы судостроения.

Главнейшие из них сводились к следующему [1]):

1) „Балтийский флот должен состоять из броненосцев, без разделения их на ранги и категории, вполне пригодных для посылок в случае надобности, в отдаленные воды".

2) „Броненосцы должны строиться не как единичные суда с огромной наступательной и оборонительной силой и служить не для исключительных специальных назначений, а должны совмещать в себе, по возможности, больше современных боевых качеств, соответствующих вполне нашим военно-морским и стратегическим соображениям".

3) Углубление должно быть таково, чтобы они имели возможность проходить Суэцким каналом.

4) Число броненосцев, принимая в расчет силы соединенных флотов германского и шведского, установлено 18, с водоизмещением в 8.400 т. каждый.

5) Что касается крейсеров, то комиссия высказала мнение, что „крейсерская война будет единственным активным средством для нанесения вреда торговым интересам, колониям неприятеля, как, например, Англии", а потому постановила обратить особенное внимание на скорейшее оборудование Владивостока, как военного порта, так как „он является единственным пока портом открытого моря, способным быть базой для крейсеров".

6) Оборону рейдов и шхер комиссия постановила возложить на отряды миноносцев и канонерские лодки.

7) По вопросу о передовой базе для Балтийского моря, чтобы не быть связанным в зимнее время с замерзающим Кронштадтом, комиссия высказалась за создание в Балтийском порте зимней стоянки для судов, перенося, однако, их базирование во время войны на Свеаборг, который должен быть оборудован „как оперативный базис в военное время".

8) По Черному морю комиссия определила, что главная сила Черноморского флота должна состоять из броненосцев, пригодных для действий не только в пределах Черного и Средиземного морей, но и позволяющих, в случае необходимости, послать их в океан.

9) Относительно Тихого океана комиссия высказалась, что „Россия не может иметь трех флотов в каждом море; а потому надлежит хорошо оборудовать Владивосток для тех эскадр, которые в случае надобности могут быть посланы из Балтийского и Черного морей".

---

[1]) Главный Морской Архив, дело № 47 (кат. Р.-Я. войны).

В докладе комиссии при представлении составленной судостроительной программы Александру III было высказано, что „Россия не может играть на море той же роли, как в последнюю русско-турецкую войну. Она должна быть готова встретить неприятеля за пределами своих вод, у его берегов, будь это в Балтике или в Черном море... Политические надобности рождаются быстро; при трудности постройки современных судов России нельзя уже будет ничего прибавить к тем силам, которые мы будем иметь в момент объявления войны".

Эти постановления, как особого совещания, так и комиссии морского ведомства, наметили путь, по которому должно было итти развитие флота.

Таким образом, основными положениями были: 1) Главная задача была признана за Черноморским флотом, и она формулирована вполне определенно „завладеть устьем Босфора", для чего флот должен быть доведен до состава, дающего возможность выполнить такую операцию. Однако, роль Черноморского флота не ограничивалась этим; он должен был служить резервом для действий в других морях и в океане. (Это свидетельствует, насколько недооценивалось положение в проливах, проходить которые флот не имел права). 2) Задача Балтийского флота—оборона Балтийского моря и преобладание его над флотами других прибрежных государств Балтики, предрешала вопрос о конкуренции с Германией. В то время (1881-й г.) было трудно предвидеть, в какой мере последняя будет стремиться к созданию сильного флота и насколько эта задача будет посильна для России.

Отправные же точки для таковой конкуренции были весьма неблагоприятны.

Германия быстро развивала свою промышленность; она вышла из войны 1871-го года значительно усиленной, делала большие успехи в области экономических достижений. В 80-х годах она уже обладала громадными ресурсами как в отношении финансовых средств, так и в смысле технического оборудования. Количество заводов, в том числе и судостроительных, быстро увеличивалось, организация и постановка дела на них являлись образцовыми.

Совершенно иным было положение России. Война 1877-го года расшатала финансовое хозяйство. Судостроительная промышленность, поддерживаемая почти исключительно казенными заказами, имела оборудование, оставлявшее желать многого. Вынужденная создавать флот одновременно и на Черном и на Балтийском морях, а вскоре (с середины 90-х годов) и на Дальнем Востоке, Россия не была в состоянии сосредоточить все свои усилия на Балтике против Германии, да первое время и не ставила себе этого целью. Наоборот, как видно, первенствующей была признана задача

Черного моря, а Балтийский флот должен был, кроме того, служить резервом для действий в океане и на Дальнем Востоке.

Масштаб и размах германского военного усиления, несомненно, не были предугаданы, что можно заключить хотя бы из того, что в основу воссоздания Балтийского флота клалась идея преобладания не только над германским, но и над шведским флотами одновременно.

Однако, на протяжении первых десяти лет идея морской конкуренции с Германией является основой всех судостроительных планов Балтийского флота.

3. Флоту было решено придать активный характер, что видно из основных указаний и в заданиях к судостроительной программе. Вопросы обороны Балтики, поставленные в основу директивы Балтийскому флоту, уже в ближайшем толковании их морским ведомством как бы затемняются активными задачами. Суда должны были быть океанского типа, выдвигалась идея крейсерской войны. Россия „должна быть готова встретить неприятеля за пределами своих вод"— это как бы становится принципом воссоздания флота.

4. Учитывая сложность и двойственность задачи Балтийского флота, мы вправе были бы ожидать и в дальнейшем разработки положений, которая бы уточнила требования к судовому составу и организации флота, из них вытекавшие. В частности, параллельно с развитием судостроения должны были бы установиться и планы использования флота в кругу его предвидимых боевых задач. Но эта часть работы оставалась в тени. Неясности и противоречия, которые возможно усмотреть в перечисленных заданиях флоту, таковыми остались в течение ряда лет, предопределив несоответствие принимаемых мероприятий с общей политической и стратегической обстановкой, какая складывалась для русского флота.

Первую часть настоящей главы мы уделяем историческому очерку этих вопросов, т. - е. судостроительных программ и сооружения базы — от 80-х до середины 90-х годов, когда изменившаяся политическая обстановка внесла важные коррективы в первоначальные задания к флоту.

Восстановление судового состава Балтийского флота в период 1881 — 1895 г.г.

Балтийский флот после Крымской войны преследовал только оборонительные задачи и в этом направлении протекало его развитие. До 70-х годов все усилия морского министерства были обращены на создание броненосного флота береговой обороны. Однако, не успев еще в этой задаче настолько, чтобы обеспечить оборону Балтийского побережья, с конца 60-х годов предпринимается постройка океанских крейсеров, и одно время

идеи крейсерской войны в океане получили преобладание над задачами оборонительными.

До 1880 года Балтийский флот уже представлял собой некоторую силу, но совершенно недостаточную для решения задач войны ни в океане, ни в Балтике.

За это время в России организовалась отечественная судостроительная промышленность. Частью основанные вновь, частью переоборудованные, заводы полностью обслуживали постройку, вооружение и ремонт кораблей наличного состава Балтийского флота.

Судостроительная программа, выработанная в 1881-м году морским министерством для Балтийского моря и Сибирской флотилии, выразилась в следующих цифрах [1]):

	Балтийское море.			Сибирская флотилия.		
	Предположено.	Имеется в строю.	Подлежит постройке вновь.	Предположено.	Имеется.	Подлежит постройке.
Броненосцы	18	2	16	—	—	—
Крейс. 1 ранга	9	5	4	—	—	—
Крейс. 2 ранга	21	12	9	—	—	—
Канон. лодки	20	9	11	8	—	8
Миноносцы	100	—	100	12	6	6
Транспорты	3	—	3	2	—	2

Эта программа, если ее сопоставить с программами того времени Германии, действительно превосходила предположения последней, и, будучи осуществлена, давала бы России преимущество перед ней на Балтийском море.

Одобренная Александром III, она подверглась обсуждению в особой комиссии, составленной представителями различных министерств, которая постановила:

„1) Хотя настоящий расход и является весьма тяжелым для государства, однако, признается необходимым.

2) Представленный на рассмотрение план судостроительных работ утвердить и приводить в исполнение, соображаясь со средствами государственного казначейства.

3) Назначить теперь же в распоряжение морского министерства кредит в три миллиона рублей на выяснение надобностей флота, подготовку проектов и т. п.

4) Управляющему морским министерством к 1883 году представить соображения по вопросам переформирования флота и усиления самого судостроения.

5) Постройка судов должна, по возможности, производиться на отечественных верфях, для чего оказать возможное содействие судостроительным заводам, казенным и частным.

---

[1]) Гл. М. Архив, дело № 208 (по каталогу Р.-Я. войны).

6) Выполнение программы произвести в 20-ти летний срок, так как более короткий срок непосилен для средств государственного казначейства".

В 1883 г. было приступлено к осуществлению этой программы и были заложены для Балтийского моря: 1 броненосец, 1 крейсер 1 ранга и 2 крейсера 2 ранга.

Однако, быстрое усиление флота Германии не давало возможности ждать истечения 20-ти летнего срока, установленного для программы 1881 года. Уже в 1885 году морское ведомство было принуждено поставить вопрос о необходимости ускорить судостроение. А так как для линейных судов это представлялось невозможным, то были выдвинуты паллиативные идеи создания в короткий срок минного флота, более дешевого и скорее могущего быть построенным.

Начальник главного морского штаба адмирал Чихачев подал записку [1]), в которой доказывал, что постройка минного флота является единственной возможностью борьбы с быстро растущим германским флотом. Он указывал, что при господстве последнего на море участь войны будет зависеть от исхода борьбы на сухопутном театре военных действий, задача же Балтийского флота сведется к недопущению высадки десанта, и что это может быть выполнено минным флотом самостоятельно.

Собранное по этому поводу весной 1885 г. междуведомственное совещание постановило [2]):

а) Политическое положение России требует немедленного создания оборонительного флота;

б) программа 1881 года не вполне отвечает морским потребностям государства;

в) необходимо озаботиться постройкой минного флота, дабы не оказаться слабее в этом отношении морских соседей, в особенности Германии, которая уже ассигновала кредит на постройку 150 миноносцев; в соответствии с этим, выстроить:

1) 55 миноносцев,

2) 10 контр-миноносцев,

3) 1 крейсер,

4) 6 канонерских лодок для Черного моря и Владивостока;

г) приступить к их постройке немедленно и выполнить ее в срок не более 5 лет, как на русских (преимущественно), так и на иностранных заводах;

---

[1]) Арх. Истор. Части М. Г. Ш., дело № 15.
[2]) Там же.

д) изменить программу 1881 года, уменьшив ее на 8 броненосцев (6 от Балтийского моря и 2 от Черного), продолжая строить остальные;

е) ассигновать 22 миллиона на немедленное выполнение постройки минного флота, распределив их на 5 лет.

Примечание. Это же совещание постановило, по представлению военного ведомства, для Черного моря построить 6 миноносцев и 6 канлодок для обеспечения движения транспортов с десантом (см. гл. III).

Таким образом, новая программа судостроения 1885 года для Балтийского моря выразилась в следующем виде:

Броненосцев	9
Крейсеров 1-го ранга	4
„ 2-го „	9
Малых крейсеров	1
Контр-миноносцев	10
Миноносцев	40
Канлодок	11

Примечание. Число миноносцев уменьшено за счет улучшения их типа.

Таким образом, программа судостроения 1881 года уже через три года по ее утверждении, помимо изменения ее характера, была сокращена почти на половину.

Активные линейные силы были сокращены за счет скорейшего осуществления минных судов.

К 1890 году было выстроено:

2 эск. броненосца („Александр II“ и „Николай I“),

1 минный крейсер („Л. Ильин“),

12 миноносцев,

3 крейсера 1-го ранга („Нахимов“, „Корнилов“ и „Память Азова“);

2 крейсера 2-го ранга („Витязь“ и „Рында“).

Находились в постройке 2 броненосца и 1 канлодка („Гангут“ и „Наварин“).

В 1890 году вопрос о судостроении под влиянием быстрого усиления Германского флота был опять подвергнут пересмотру. К этому времени увлечение миноносцами несколько остыло. На первый план вновь выдвигаются линейные суда.

Соотношение сил Русского Балтийского и Германского флотов в этом году видно из следующей таблицы:

ТИПЫ СУДОВ.	Россия. Имелось 1888 г.		Германия. Имелось 1889 г.		По судостроительной программе 1890—95 г. предполагалось.	
	Число.	Тоннаж.	Число.	Тоннаж.	Число.	Тоннаж.
Броненосцы	4	31.500	12	85.000	4	36.000
Брон. берег. обороны . .	20	45.500	15	19.000	9	36.000
Кр. 1-го ранга	8	45.400	2	8.800	7	31.500
Кр. 2-го ранга	13	23.200	25	53.800	6	9.000
Минные крейсеры	1	600	7	1.400	—	—
Контр-миноносцы	—	—	—	—	10	3.000
Миноносцы	15	1.000	109	8.800	—	—
Миноноски	89	1.500	13	650	—	—
Итог водоизмещения . .		148.700		177.450		115.500

Преимущество было уже значительным на стороне Германии. Если бы Россия продолжала придерживаться старых программ, то к 1895 году она довела бы свой тоннаж лишь до 210.000 т., тогда как Германия обладала бы 290.000 т. Кроме того, германский флот имел преимущество по количеству судов более поздней постройки, которые были выше и в качественном отношении.

В виду этого морским ведомством была выработана новая ускоренная программа судостроения на пятилетие 1890—95 г., которая предусматривала постройку в течение этого срока следующих судов:

6 эск. броненосцев по 7.500 т. водоизмещения,
4 „ „ по 5.600 т. водоизмещения,
3 броненосных крейсера,
3 канонерских лодок.
50 миноносцев по 120 тонн.

В особом совещании, собранном в ноябре 1890 года, эта программа была утверждена, но общий кредит, потребный на нее, несколько уменьшен, а срок выполнения увеличен на 1 год по финансовым соображениям.

Во время самого осуществления программы, вследствие недостатка в средствах, она фактически еще была уменьшена как в количественном отношении, так и в смысле понижения стоимости судов за счет понижения их боевых качеств.

Таким образом, программа 1881 года, имевшая своей конечной целью достичь превосходства перед Германией на Балтийском море, к 1895 году, благодаря отсутствию средств, изменений и сокращений, была выполнена лишь частично, а именно:

	Предполагалось построить по проекту 1881 г.	Построено к 1895 году.
Броненосцев	16	8 3 броненосца береговой обороны.
Крейсеров 2-го р. . . .	9	5
„ 1-го р. . . .	4	3
Миноносцев	100	51

От России теперь требовались чрезвычайные усилия, чтобы догнать Германию на Балтийском море.

В 1895 г. морское ведомство вновь составило проект судостроительной программы на 1895—1902 гг., которая предусматривала постройку:

5 эск. броненосцев,
4 брон. береговой обороны,
6 крейсеров 1-го ранга,
1 крейсера 2-го ранга,
5 канонерских лодок,
54 миноносцев разного типа.
2 минных заградителей,
4 транспортов.

С постройкой этих судов к 1902 году флот был бы, с некоторым приближением, доведен до состава, намеченного программой 1882 года.

Между тем, 1895 год радикально изменил военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. В этом году закончилась полной победой Японии ее война с Китаем. Обнаруженное Японией стремление утвердить свое господство в последнем, усиленное военным поражением Китая, выдвинуло ее в качестве силы, угрожавшей общему равновесию, сложившемуся в Тихом океане.

До сих пор Япония не учитывалась в качестве претендента в начавшемся дележе Китая. Теперь ее победа и усилившееся положение требовали принятия соответственных мер со стороны заинтересованных держав, в том числе и России, для ограждения собственных интересов.

Русская политика на Дальнем Востоке вступила в новую фазу, вызвав значительное усиление морских сил в Тихом

океане. Резервом, откуда необходимые для этого средства могли быть почерпнуты, являлся Балтийский флот.

Обсуждение программы 1895 года проходило, уже учитывая эту новую политическую обстановку.

До сих пор наше судостроение на Балтийском море преследовало главную цель—конкуренцию с Германией. Теперь ему ставят иные задания.

Выбор незамерзающего порта для Балтийского флота и планы обороны 1885—1895 г.г.

Прежде, чем приступить к изложению дальнейшего судостроения в Балтийском море, рассмотрим развитие другого вопроса, также намеченного в 1881 году, а именно о выборе незамерзающего порта для Балтийского флота.

Кронштадт, расположенный в самом восточном углу Финского залива, с его продолжительным ледоставом, никогда не удовлетворял требованиям операционной базы для действий в открытой части Балтийского моря. В течение зимы он является отрезанным от театра. Еще Петр I, едва укрепив Кронштадт, стремился найти более выдвинутый порт, начав укрепление Роггер-Вика (Балтийский порт), потом прерванное. Его преемники неоднократно возобновляли поиски новой базы и попытки ее оборудования.

Но до 1880 года мысль о незамерзающей базе не была осуществлена. Попрежнему главной базой оставался Кронштадт, а в качестве передового порта приходилось пользоваться Свеаборгом, хотя и укрепленным, но не имеющим оборудования для обслуживания большого флота. Совершенно понятно, что вопрос о базе возник тотчас же, коль скоро было принято решение восстановить флот.

Она должна была обеспечить выгодное исходное положение для тех задач, которые возлагались на флот программой 1881 года. Как выше было сказано, задачи эти предусматривали: 1) активную оборону Балтийского моря и 2) использование Балтийского флота в качестве резерва для действий во внешних водах.

Здесь представлялось три варианта решения, из коих каждый влек за собой определенную идею плана обороны Балтийского моря.

1) База в западной части Финского залива. Флот, будучи сосредоточен здесь, непосредственно прикрывал бы подход к столице.

2) База в Моонзунде, откуда, действуя во фланг и тыл прорывающемуся в Финский залив противнику, флот был бы способен защитить это направление и в то же время прикрыть Рижский залив, имея обеспеченный выход непосредственно в открытую часть моря. Но Моонзунд так же как и Финский залив замерзает.

3) База на Курляндском берегу, в Либаве, всегда свободной от льда, близкой к выходу из Балтийского моря, но удаленной от вероятных об'ектов действий противника, каковым считались Финский и район Рижского залива.

Ответственность принимаемого решения усугублялась тем обстоятельством, что для своего сооружения база требовала длительного времени и больших затрат и, раз построенная, должна была служить таковой на много лет вперед.

Программа 1881-го года устанавливала стремление обеспечить нашему флоту преимущество на Балтийском море перед флотами других прибрежных государств. В случае войны с ними (в частности с Германией) узкие оборонительные задачи отходили на второй план, и база должна была обеспечить активные действия флота в открытом море, прежде всего. С этой точки зрения выбор мог пасть на Либаву.

Но допуская, что преимущество в силах не достигнуто, или флот будет отвлечен другими задачами вне Балтики, обстановка резко менялась бы, предъявляя иные требования и к базе флота. Последняя должна была быть безопасна и давать возможность флоту вести активную оборону, прикрывая направления, которым противник мог угрожать. В этом случае было предпочтительно устроить базу в Финском заливе или Моонзунде.

Мнения разделились. Завязался горячий спор, длившийся в продолжение 5 лет, с 1884 по 1889 г., когда принято было наконец решение.

В 1884 году была образована комиссия под председательством ген.-лейт. Глиноецкого, для выяснения вопросов, связанных с совместными действиями армии и флота. На основе работ этой комиссии, представившей проект обороны Моонзунда, к.-ад. Копытов составил записку, в которой доказывал, что единственным местом для сооружения порта является Моонзунд.

Записка Копытова чрезвычайно интересна. В ней этот, несомненно выдающийся адмирал того времени, развивает перспективы обороны, высказывая мысли, заслуживающие быть отмеченными.

Копытов указывал [1]), что обладание группой Балтийских островов (Моонзунда) дает нам обширные выгоды при учреждении здесь главного операционного базиса для флота:

„Занимая бассейн Балтийских островов, мы лишаем неприятеля возможности пользоваться этой местностью, как его базой, лишаем пользования многими другими близрасположенными рейдами и якорными стоянками, вынуждая его или итти в отдаленные Оландские шхеры, или совершенно углубиться в Финский залив, оставив без защиты свои сообщения в тылу"...

[1]) Приводится в выдержках. Главный Морской Архив, дело № 1136.

„В продолжение ряда лет полагали достаточным Балтийскому флоту существовать непосредственно только для обороны Кронштадта, проектируя его военные диспозиции на Кронштадтском рейде. Принятием Балтийских островов операционной базой значение флота изменится радикально. Получится возможность не допустить существенных неприятельских действий ни на ближайших берегах, ни даже в большей части Финского залива... Эта база лучше обеспечивает Кронштадт от неприятельского нападения... Задаваться нападением на Кронштадт для него будет невозможно... Уверенное обеспечение нашего положения в этих водах даст возможность наши материальные средства употреблять для быстрого и правильного развития наших морских сил на самом важном для нас поприще—на водах внеевропейских".

„Таким образом, роль Балтийского флота получит полную определенность, до сих пор ей не доставшую. После Крымской войны значение нашего флота в Балтике весьма упало, как от уменьшения его численного состава, так и от перелома в кораблестроении и вооружении".

Примечание. Интересной частью записки Копытова является проектируемая им минная позиция в Ирбенском проливе, которую он предлагал в схеме, не слишком отличной от той, какая была осуществлена во время мировой войны.

В 1885 г. „комиссия для выяснения связи и совместных действий армии и флота" под председательством ген.-ад. Обручева произвела обзор берегов Балтийского моря и отдельных районов его для выяснения вопросов обороны и, в частности, для отыскания пункта для незамерзающего порта [1]).

Эта комиссия высказала:

1) По Либаво-Виндавскому району: после устройства военного порта в Либаве эта часть побережья получит действительную морскую защиту; до того существенная помощь по охране берегов сухопутным отрядам может быть оказана лишь миноносцами, расположенными в Либаве и Виндаве.

2) Относительно Рижско-Моонзундского района комиссия установила необходимость обороны флотом, прибрежными батареями и минным заграждением Ирбенского пролива и выходов из Моонзунда; но, учитывая возможность прорыва этой позиции неприятелем, признавала возможным отход флота из Моонзунда. Комиссия нашла, что средства, которые нужно затратить для обороны Моонзундских островов, окажутся столь громадными, что превзойдут самое значение позиции, так как прочное удержание Моонзундских

[1]) Гл. М. Архив, дело № 4275. Приводится в выдержках.

островов потребовало бы создания многомиллионной обширной крепости и большого гарнизона. С известными оговорками она допускала, что здесь может быть организована временная оборона, „в серьезное же укрепление этого пункта никак не следует ввязываться".

3) По Ревельскому району комиссия постановила, что ни Ревель, ни Балтийский порт не следует укреплять, так как первый имеет лишь маневренное значение, а второй, как база, хотя и имеет некоторое преимущество перед Ревелем, но устройство в нем военного порта „не дало бы уверенности в активной роли его в Балтийском море, ни желаемого обеспечения в постоянно свободном положении от льда дислоцированного в нем флота". По мнению комиссии, оборона этих пунктов должна была основываться на подвижной полевой силе.

4) По Петербургскому району были набросаны места возможных высадок неприятеля, указано на необходимость усиления Кронштадта и реставрации укреплений Выборга, устройства защиты Транзундского рейда. Биорке было признано возможным оборонять специальным отрядом полевой артиллерии.

5) В Финляндском районе было признано необходимым сильно укрепить Свеаборг.

В заключение комиссия высказала, что „хотя при распределении миноносок и более крупных судов по различным оборонительным пунктам в связи с минными их заграждениями и укреплениями может быть достигнуто весьма полезное содействие флота сухопутной обороне Балтийско-Финского побережья, тем не менее все эти частные случаи защиты должны уступать место главнейшему ее способу, именно— возможно полному сосредоточению активной морской силы в передовом незамерзающем порте. Поэтому расходование средств на мелкие разбросанные по берегам портовые постройки и укрепления было бы нерационально до тех пор, пока не будет решен этот основной вопрос. Все средства, которые может найти государство для приморской обороны, должны быть, прежде всего, обращены на создание в Балтике передового, всегда свободного для действий порта".

В том же 1886-м году Начальник Главного Морского Штаба г.-ад. Чихачев составил записку, подтверждающую необходимость постройки порта для военного флота в Либаве. Он выдвинул в пользу ее следующие доводы: 1) торговые интересы требуют безотлагательного улучшения этого порта, 2) близость Либавы к границе дает ей предпочтение, как месту передовой стоянки нашего флота, 3) Либава никогда не замерзает, 4) Либава соединена с общей сетью железных

дорог, 5) наконец, „самый важный аргумент" — Либаве отдает предпочтение военное ведомство [1]).

Свое мнение, в силу занимаемой им должности и личного влияния на ход дел в морском ведомстве, Чихачев имел возможность отстаивать весьма настойчиво, поддерживаемый сухопутными кругами, видевшими в Либаве прикрытие крайнего правого фланга развертывания армии на западной границе [2]).

Для дальнейшего выяснения вопроса была предпринята поездка комиссии под председательством генерала Бобрикова 2-го. В своем отчете [3]) Бобриков выступает ярым сторонником признания за Моонзундом первенствующего значения, как базы Балтийского флота. „Не вполне соображенный с обстановкой местного театра войны,—говорит Бобриков,—балтийский флот каждый раз на время военных действий обрекался на бездействие за крепостными верками, отнюдь не облегчая армии бремя защиты берегов. Неудовлетворительность такого положения вызвала всеобщее сознание необходимости дать обороне более активный характер, избранием для боевых наших эскадр по возможности передового, в незамерзающей полосе Балтийского моря, опорного пункта..."

Он высказывается против Либавы, считая устройство там военного порта „излишней роскошью, не справедливой в отношении других коммерческих портов". „Мы шли бы навстречу желаниям противника, создавая почти на самой его границе, собственными руками, объект действий чрезвычайной важности". Доказывая значение Балтийских островов и утверждая необходимость именно здесь основать базу для балтийского флота, Бобриков так заканчивает свой доклад: „Какими путями не итти, все приводят к Моонзунду".

Для суждения об отчете генерала Бобрикова в ноябре 1887 г. было образовано совещание под председательством военного министра Ванновского, при участии представителей морского министерства (17 сухопутных и 7 морских представителей). Совещание признало наиболее выгодным создание военного порта в Либаве, при чем были высказаны соображения об относительной дешевизне здесь порта, сравнительно с оборудованием Моонзунда, тем более, что было возможно отчасти воспользоваться имеющимися портовыми сооружениями.

Управляющий морским министерством ген.-адютант Шестаков не согласился с постановлением совещания и остался при особом мнении. Протестуя против неправильной поста-

---

[1]) Главный Морской Архив, дело № 1136.

[2]) Но и в сухопутных кругах не было единодушия. С критикой Либавы выступали многие видные лица, в числе которых были Бобриков 2-й, мнение которого приводим ниже, а также Куропаткин.

[3]) Главный Морской Архив, дело № 1136.

новки вопроса о незамерзающем порте, он указывал, что нужно прежде всего избрать порт в выгодном стратегическом пункте, каковым не является ни Либава, ни Виндава. (Существовала группа сторонников устройства порта в Виндаве). „Лучше предпочесть свободному круглый год от льда порту такой, который отчасти замерзает, но вместе с тем служит сильной позицией для обороны, в особенности если этот порт, как Моонзунд, замерзает на такое время, в которое военные операции в Балтике едва ли возможны".

По мнению Шестакова, Моонзуд удовлетворяет этим требованиям, ибо: 1) располагает тремя выходами, 2) блокада его затруднительна, 3) легко наблюдать за неприятельским флотом с окрестных высот и в свою очередь таковое наблюдение трудно для неприятеля, 4) отсутствует надобность в береговых укреплениях, так как неприятель не будет в состоянии произвести высадку на островах при наличии в Моонзуде нашего флота, и 5) в этом районе имеется превосходная бухта Тагалахте „для налетов флота в море".

Кроме Моонзунда, Шестаков проектировал для защиты от ветров порт-стоянку на Курляндском побережье „для возможности атаковать подготовляющийся Германией десант в ее собственных водах".

„Но сосредоточение нашего флота в Моонзунде делает самую мысль о десанте мало обоснованной, так как при его движении он должен будет оставить весь наш флот в тылу".

На междуведомственном совещании в феврале 1888 г. под председательством Алексея Александровича все, кроме Чихачева, согласились с мнением Шестакова, и было решено предложить морскому ведомству разработать проект оборудования стоянки флота в Моонзунде.

Вторичное совещание в мае 1888 г. подтвердило это постановление.

Морское ведомство немедленно приступило к изысканиям в Моонзунде, которые дали благоприятный результат.

Но в конце 1888-го года Шестаков умер, и вместо него вступил в управление морским министерством Чихачев. Одним из первых его распоряжений была отмена изыскательных работ в Моонзунде и возвращение оттуда плавучих средств. Затем Чихачев повел усиленную кампанию за перерешение вопроса в пользу Либавы.

Примечание. Показательно усердие, с которым Чихачев боролся за оборудование порта в Либаве. Вступив в управление министерством, он изъял доклад Шестакова о Моонзунде, который лег в основу решения об устройстве там базы, и запер его к себе в стол. Этот документ увидел свет лишь в 1912-м году, когда морской министр Григорович обнаружил и передал его в архив. В 1913-м году, уже будучи глубоким старцем, узнав о решении строить базу для

флота в Ревеле, Чихачев представил Николаю II записку о необходимости учредить базу опять-таки в Либаве. Николай II положил резолюцию „Удивительное упрямство*.

В 1888-м году была образована комиссия под председательством вел. князя Николая Николаевича Старшего по организации береговой обороны, которая должна была окончательно установить принципы обороны и решить вопрос о базировании флота.

Несмотря на то, что решение о постройке базы в Моонзунде было уже принято $1^1/_2$ месяца назад, комиссия, в состав которой морскими членами входили адмиралы, сочувствующие идее Чихачева, признала целесообразным строить порт для балтийского флота в Либаве, отменив тем предыдущее решение.

Комиссия не ограничилась только этим постановлением; весь вопрос береговой обороны, после предварительной проработки его в морском ведомстве с участием сухопутных представителей, поступил на ее обсуждение.

Сущность ее постановления сводилась к следующему:

„1) Роль нашего флота при обороне балтийско-финского побережья должна заключаться, главным образом, в содействии сухопутным силам, обеспечивая побережье в районе Либава—Рига, как фланга нашей общей оборонительной линии, и преграждая неприятелю доступ к столице.

2) Для устройства порта в незамерзающих водах южной части Балтийского моря наиболее удобным пунктом признается Либава, которую надлежит защитить береговыми батареями.

3) В виду возможного десанта Германии, наиболее угрожаемыми пунктами являются Либава и Рига, что вызывает необходимость их укрепления.

4) Суда оборонительного флота следует сосредоточить у Риги, для чего следует организовать там портовые сооружения.

5) При настоящем составе нашего флота мы можем рассчитывать на успех активных действий морских сил против неприятельского десанта только при значительном увеличении числа больших миноносцев.

6) Следует устроить заграждение минами входов в Рижский залив и северную часть Моонзунда, с обороной заграждений полевой артиллерией при содействии миноносок, а также заграждение из минных банок поперек всего Финского залива, с обороной его судами броненосного флота, расположенными в Свеаборге.

7) Оборона крепостей должна быть усилена следующим образом: Кронштадт следует усилить минным заграждением у Толбухина маяка. Морской фронт Выборгской крепости, как весьма растянутый и без тыловой защиты, упразднить.

Свеаборг следует усилить укреплением острова Сандхам, и Усть-Двинск усилить двумя фортами для обеспечения береговых укреплений с тыловой сухопутной стороны".

С этим постановлением не согласился лишь один из участников совещания—ген.-лейт. Бобриков, указав, что принимается неправильное решение относительно Либавы и неправильно понимаются задачи флота в общем плане обороны: „Либавская крепость в морском отношении сделается ловушкой для флота, а в сухопутном—мы идем навстречу желаниям противника, между прочим создавая на самой границе—объект чрезвычайной важности. Мы создали для него почти на самой границе предмет действия, о котором он мог только мечтать—стоянку для военного флота"... „Возможность катастрофы уничтожения нашего флота в Либаве будет до такой степени обаятельна для наших врагов, что они не только направят сюда все усилия их вторгнувшейся армии, но это, может быть, послужит самым стимулом к разрыву".

„Содействие флота операциям действующей армии на сухопутном театре войны следует... искать не в помещении боевой эскадры на правом фланге расположения наших войск вдоль нашей западной границы, а в ее самостоятельной силе на свободных водах и способности нанести неожиданные удары, не стесняясь местом и расстоянием".

Но отдельное мнение ген. Бобрикова не имело значения на решение вопроса.

Изложенная история о выборе порта в Либаве являет собой поразительный образец, как решались важнейшие для государственной обороны вопросы. Не говоря уже о том, что наличие противоположных мнений среди руководящих лиц морского ведомства свидетельствовало об отсутствии общих идей и определенного плана войны, способ проведения вопроса вызывает большие сомнения в моральной оценке таких деятелей, как, напр., Чихачев. За официальной стороной развития вопроса была другая, неофициальная, но где, вероятно, и лежали подлинные причины обнаружившихся разногласий. Выбор порта, помимо громадного оперативного значения, имел значение и в отношении экономического оживления той области, где он должен был быть учрежден; должна была быть проведена железная дорога, отчуждаемые земельные участки приобретали известную ценность и пр. Вокруг Либавы, Виндавы и даже Моонзунда были заинтересованы различные финансовые группы. При этом происходило полное смешение принципов: в делах архива мы находим фамилии тех же лиц, которые одновременно участвуют в военных заседаниях, обсуждая принципиальную сторону, и в то же время состоят учредителями коммерческих предприятий, самым тесным образом связанных с тем или иным решением вопроса.

Необходимо отметить, что наиболее выдающиеся адмиралы, составившие себе имя в истории флота того времени—Копытов и Шестаков—стояли за Моонзунд; выдающиеся военные—Бобриков, Куропаткин—явно указывали на недостатки Либавы и предостерегали против решения выбрать ее базой флота, при чем Бобриков проявил удивительно здравое понимание задач последнего. Несмотря на это, вопрос все-таки решился в пользу Либавы. Здесь были использованы все средства, до специального подбора лиц для участия в совещаниях включительно.

История Либавского порта—это мрачный эпизод, характеризующий не только военный, но и моральный развал в высших военных и морских кругах того времени.

Идея плана развертывания флота в 1894 г.

Постановление комиссии, утвержденное Александром III, легло в основу работ морского ведомства, в котором установился следующий взгляд на задачи обороны [1]).

1) Враг—Германия. Его вероятные действия на море—операции против флота и высадка десанта на побережье.

2) Возможные направления для высадки: второстепенные—на Ригу и Свеаборг и главные—на Либаву и Кронштадт, оборона которых ложится на флот.

3) Общая задача флота: содействие сухопутной армии и защита угрожаемых десантом направлений.

4) В случае, если противником окажется Англия, обладающая подавляющими морскими силами, то главная тяжесть обороны возлагается на приморские укрепления, поддерживаемые флотом.

При этом, однако, оборона Балтийского моря понимается не как главная задача Балтийского флота,—таковой были прежде всего действия в открытом океане и вне европейских вод.

Каковы эти действия—трудно установить по документам. Определенных идей не было, кроме общей предпосылки, что Россия должна располагать сильным морским флотом, чтобы выслать его туда, где это, по общему политическому положению, будет необходимо. База для флота в Либаве была избрана, главным образом, в предвидении такой задачи.

Примечание. Чтобы проследить историческую последовательность идей развертывания Балтийского флота, прилагаем схемы развертывания в 1854—55 г. (во время Крымской войны), в 1878 году (в виду угрозы столкновения с Англией после Русско-Турецкой войны), и, наконец, в 1885 году (когда ожидалась с нею же война из-за принявшего острые формы конфликта на почве проведения афганской границы).

---

[1]) Записки Главного Морского Штаба 1894 года, архив войны.

Сущность таковых сводилась к следующему: в 1855 г. главные силы в Кронштадте, одна эскадра в Свеаборге, шхерный отряд гребной флотили и занимал участок Свеаборг—Биорке. Флот был фактически прикован к обороне крепостей.

Схема № 1

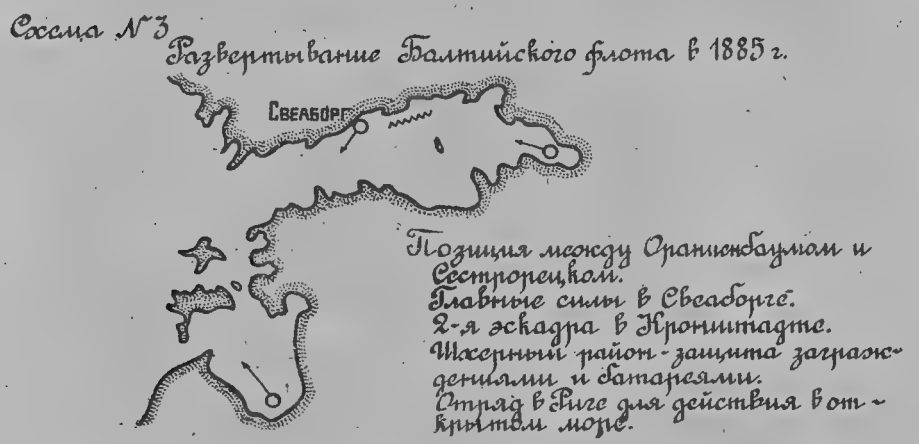
Развертывание флота в 1854-55 г.г.

В 1878 году главной задачей ставится та же оборона крепостей Дислокация: главные силы в Кронштадте, при чем у Толбухина маяка оборудывается минная позиция поставленными в 2 ряда минными заграждениями и защищаемая как флотом, так и береговыми батареями. В Свеаборге—передовой отряд, в шхерах—минные отряды.

Схема № 2

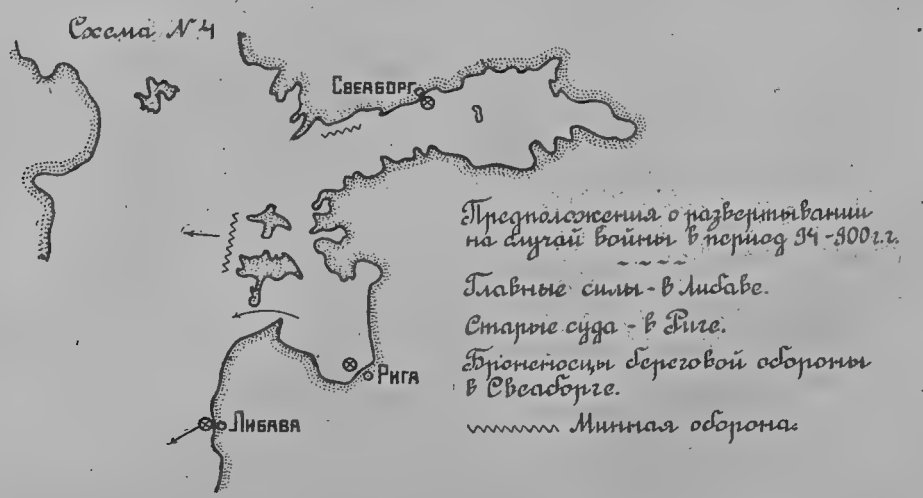
Развертывание Балтийского флота в 1878 г.

В 1885 году главные силы — в Свеаборге, резервная эскадра в Кронштадте—за минной позицией. В Рижском заливе—передовой отряд из двух крейсеров и миноносцев для постановок минных заграждений в море и атак неприятеля. Кроме того, два клиппера готовились для крейсерства в океане на путях торговых судов.



Все планы имели в общем строго оборонительный характер и роль флота сводилась к защите определенных пунктов.

В 1894 году предусматривается следующее развертывание на случай войны с Германией



Главные силы флота—в Либаве, для активных действий в открытом море.

В Рижском заливе — старые суда, назначение которых — содействие обороне Усть-Двинска.

В Свеаборге—суда береговой обороны, для помощи крепости и борьбы против вспомогательных операций неприятеля в направлении на Кронштадт.

Оборона Кронштадта возлагается целиком на его береговые укрепления, при чем суда, которые могут там находиться, предназначались для содействия последним.

Но этот план не был подтвержден наличием соответствующих сил.

Как выше указывалось, Либава не являлась обеспеченной со стороны сухого пути, а морские силы немцев превосходили силы Балтийского флота.

Таким образом, к 1895-му году установились идеи в обороне Балтийского моря, основанные на неверном предположении, что Русский флот будет иметь преимущество перед Германским. В соответствии с этим было предпринято ошибочное оборудование театра, вскоре оказавшееся не отвечающим обстановке.

В 1890-м году началась постройка военного порта в Либаве, который был назван „портом императора Александра III". Одновременно началась постройка Либавской крепости.

1895-й год. Новые задания флоту.

В середине 90-х годов произошли два, по времени почти совпадающих события: Германия приняла „закон о флоте", предусматривающий громадное усиление ее морских сил; на Дальнем Востоке победоносная после войны с Китаем Япония, значительно усиленная, заняла враждебную позицию по отношению к России и выступила с обширными программами вооружений.

То и другое требовало усиления Балтийского флота. В первом случае для обороны против Германии, во втором — для выделения из его состава мощной эскадры на Тихий океан.

В морском ведомстве с 1895-го года появляются отдельные, потом приобретающие все больший авторитет, мнения о необходимости усиления нашего флота на Дальнем Востоке и о создании там постоянной эскадры.

При обсуждении новой судостроительной программы, составленной в 1895-м году, раздаются голоса, что надлежит пересмотреть основные задания, установленные в 1881-м году, ориентировав таковые на Тихий океан.

Адмиралом Ломен (флаг-капитан царя) была подана записка, в которой говорилось о необходимости сосредоточить главные силы на Тихом океане. Она разделялась немногими и, казалось, шла в разрез с общим направлением, которое господствовало в кругах морского ведомства. Но, т. к. она отражала процесс перемены политических взглядов, создавшийся в высших правительственных кругах, охваченных идеей активной политики на Дальнем Востоке, к мнению адмирала Ломена присоединились и другие видные адмиралы, и в 1895—6 гг. в морском ведомстве уже образовалась сильная группа, с вел. кн. Александром Михайловичем во главе, настойчиво требовавшая усиления флота на Дальнем Востоке против Японии, отводя на второй план Германию, как менее вероятного врага.

Управляющий морским министерством адмирал Чихачев, совершенно не разделявший этого взгляда, всеми силами противился переброске сил и внимания на Дальний Восток и

стал во враждебную позицию к Александру Михайловичу (что, в конце концов, привело его к отставке).

Вопросы обороны Балтийского моря, соревнование с Германией временно отошли на задний план и для них принимаются компромиссные решения. Общее внимание отвлечено на Дальний Восток.

Задачи на Балтийском море значительно сузились. Вел. кн. Александр Михайлович в своей записке, напечатанной им в 1896 г.—„Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане" —высказался относительно Балтийского моря в том смысле, что „какими бы силами на море Россия ни обладала против Германии, участь войны этих государств всегда будет решена только на сухопутном театре войны. Флот на Балтийском море может играть только вспомогательную роль. Главной его задачей явится недопущение неприятельского десанта, для чего необходимо иметь флот, по крайней мере, равный германскому и шведскому флотам, вместе взятым, или ограничиться минным флотом, опирающимся на шхеры и малодоступные места. Создавая равносильный Германии флот, нам необходимо отказаться от Черноморского и Тихоокеанского флотов, между тем как постройка минного флота с соответствующим количеством минных крейсеров и истребителей и укрепление важнейших пунктов Балтийского побережья обеспечит его от попытки высадить десант, так как дело это будет сопряжено с большим риском, который будет тем больше, чем больше посланный десант. Так как, с одной стороны, для России необходимо владеть Тихим океаном и Японским морем, а достигнуть этой цели можно только океанским флотом, а с другой стороны—оставить берега Балтийского моря беззащитными невозможно, то единственное решение, к которому можно притти, это признать, что задачи Балтийского флота—исключительно оборонительные и достигаются в полной мере минным флотом, имеющим по всему побережью вполне организованные разного рода станции. Что же касается броненосцев типа береговой обороны, для усиления артиллерии приморских крепостей, то таких судов строить вовсе нежелательно, ибо, имея многочисленный минный флот, он с успехом справится со своей задачей и без наличия броненосцев береговой обороны, стоимость которых могла бы с большим результатом пойти на тот же минный флот".

Адмирал Чихачев, давая свой отзыв на записку Александра Михайловича, протестовал против предположений об усилении флота на Дальнем Востоке, так оценивая задачи нашего флота в отношении Германии: „наш главный соперник, который скорее всего может сделаться самым опасным нашим врагом—Германия, последствием неудачной войны с которой может быть отторжение всей западной окраины. На океанах

мы и теперь сильнее [1]) Германии и должны сохранить за собой и стараться развить это преимущество, так как этим путем мы можем нанести ее громадной торговле и зарождающимся колониям неисчислимые потери, отвлекая в то же время от своих границ значительную часть ее сил". Минная оборона Балтики, по мнению Чихачева, представляется делом „вполне мечтательным, не проверенным никаким опытом. Увлечение миноносцами, несмотря на усовершенствование последних лет, значительно понизилось, и за ними установилось значение оружия не самостоятельного, а вспомогательного. Уничтожая в Балтике активную боевую силу, мы собственными руками передаем в руки противника преимущество, которого он иначе мог бы достигнуть лишь путем отчаянной борьбы и громадных потерь, и в то же время обесцениваем свои...". В заключение, видя несочувствие своим взглядам, Чихачев просил его уволить от должности управляющего морским министерством. Последнее было исполнено, и на его место был назначен вице-адмирал П. П. Тыртов.

Усиление программы 1895 г. Программа 1898 г.

Таким образом, под давлением складывавшейся политической обстановки и изменений взглядов на задачу Балтийского флота, каковая теперь устанавливалась прежде всего в смысле усиления наших сил на Тихом океане, потребовался пересмотр программы 1895-го года, программы, в основе которой лежала идея о конкуренции с Германией на Балтийском море.

Помянутая записка вел. кн. Александра Михайловича, записка адм. Ломена и мнения других адмиралов о необходимости усиления морских сил на Дальнем Востоке имели своим следствием образование (в ноябре 1895-го года) особого совещания, которому надлежало, обсудить соответствие основных положений плана судостроения 1881 г. с общеполитическими и военными требованиями настоящего времени в связи с интересами России на Дальнем Востоке и возрастающей военной деятельностью Японии.

Это совещание пришло к заключению, что в Тихом океане необходимо присутствие значительной эскадры, при чем было постановлено, что впредь до приобретения там незамерзающего порта часть судов, предназначенных для Дальнего Востока, должна содержаться в Средиземном море, для чего не следует упускать случая обеспечить им там надежное убежище.

Решение совещания было одобрено Николаем II, который положил следующую резолюцию: „по моему, лучше было бы содержать в Средиземном море часть эскадры Балтийского

---

[1]) Очевидно, адмирал Чихачев имел в виду некоторое наше превосходство в крейсерах, каковое было в тот момент.

флота, чем ослаблять хотя на одно судно эскадру в Тихом океане".

Согласно этого указания, морское министерство с 1896 года начало усиливать эскадру Тихого океана, с одновременным содержанием в Средиземном море резервной эскадры для посылки ее на Дальний Восток при первой же необходимости.

До 1898 года наш флот в Тихом океане не уступал японскому. Но с этого года начинается быстрое усиление последнего, который уже начинает получать все большее и большее преобладание над Тихоокеанской эскадрой.

Произведя подсчет японским морским силам к моменту завершения намеченных Японией судостроительных программ, морское министерство пришло к следующим выводам:

1) Япония подготовляет завершение своей судостроительной программы к году окончания постройки Сибирского пути, что указывает на возможность вооруженного столкновения в 1905—1906 г.

2) Все возрастающий интерес Японии к Корее ясно говорит за то, что в будущих столкновениях Япония будет всеми силами стараться перебросить на материк, а потому в случае войны флоту будет принадлежать первенствующая роль на театре военных действий.

3) Япония отлично понимает значение флота и не остановится и впредь на усилении его, если со стороны России не будет категорически указано, что она не остановится ни перед какими жертвами, чтобы обезопасить себя от посягательств со стороны моря.

4) России необходимо теперь же, не упуская момента, выработать программу судостроения для нужд Дальнего Востока с таким расчетом, чтобы к окончанию судостроительной программы Японии наш флот на Дальнем Востоке превышал значительно японский.

Эти тезисы и проистекающие отсюда судостроительные предположения были посланы министерством на отзыв ответственных лиц ведомства и были рассмотрены на ведомственном совещании 12 декабря 1897-го года. При этом был поставлен вопрос об отправлении судов из Балтики: „можно ли допустить таковую посылку всех новых судов и представляется ли возможным, вследствие этого, оставить Балтийское море беззащитным".

Совещание высказалось:

1) „Германия ныне вступила на путь более деятельной политики на отдаленном востоке и уже отправила в эти воды часть своих сил, в будущем будет к тому вызвана в еще большей степени, и таким образом облегчит нашу задачу на Балтийском море.

2) По духу нашей политики на Балтийском море представляется возможным ограничиться лишь соображениями в предвидении войны оборонительной.

3) Преследование двух кораблестроительных программ— быть в должной мере сильными на Балтийском море и превосходить хотя бы немного японцев на отдаленном востоке— даже и при наличии денежных средств потребовало бы столь громадной кораблестроительной деятельности, каковая представляется решительно невозможной.

А потому, принимая во внимание, что „на главном театре должны быть расположены и главные силы", каковым в данное время следует признать Дальний Восток, силой обстоятельств в Балтийском море в нашей будущей кораблестроительной деятельности следует ограничиться постройкой только судов береговой обороны. Все же остальные усилия должны быть направлены для пополнения наших нужд на Дальнем Востоке".

Перейдя затем к выяснению состава нашего флота на Дальнем Востоке, совещание наметило необходимым довести его до10 броненосцев, сосредоточив при этом все имеющиеся и строющиеся броненосные крейсера, 10 крейсеров 2-го класса, стольких же—3-го класса, 2 минных заградителей, 36 истребителей и 11 миноносцев.

27-го декабря 1897-го года состоялось новое совещание, которое наметило дополнительную судостроительную программу (1898 г.), получившую наименование „программа для нужд Дальнего Востока":

5 эскадренных броненосцев,
6 крейсеров разведчиков 2-го класса,
10 „ „ 3-го класса.
2 минных заградителя.
36 миноносцев-истребителей.

Принимая в расчет, что отечественные верфи были заняты постройкой судов по программе 1895-го года решено часть заказов передать на иностранные заводы.

Что же касается вопроса о создающейся беззащитности Балтийского моря, то совещание пришло к заключению, что преследование наших задач в этом море, по завету Николая I, „быть сильнее союза соседних держав на Балтике" должно оставаться руководящей идеей и впредь. С этой целью потребность Балтийского моря в соответственных боевых судах должна быть удовлетворена независимо от экстренной постройки судов для нужд Дальнего Востока.

Составленная программа 1898-го года требовала около 200 миллионов, что составляло весьма обременительный расход для государственного бюджета и вызвало возражения

министра финансов Витте, который представил ряд соображений, умеряющих ее размах. Он указывал, что Япония не в силах закончить свои программы ранее 1905-го года, вопреки уверениям нашего морского ведомства, считавшего возможным это окончание к 1903-му году; что намерения морского ведомства держать на всех наших морях по самостоятельному флоту совершенно не под силу финансовым средствам России; что взята чрезмерно высокая оценка, и пр. В результате Витте предлагал сократить программу по крайней мере на 50 млн. руб.

Вследствие несогласия морского министерства с доводами Витте, 20 февраля 1898 года состоялось заседание под председательством царя, которое окончательно постановило дать морскому министерству 200 м. р., с рассрочкой отпуска этой суммы до 1905 года, при чем теперь же ассигновать 90 м. р., с дальнейшим отпуском по 16—20 мил. ежегодно по 1904 год включительно.

Получив средства, морское ведомство приступило к закладке судов для Дальнего Востока. Обе программы 1895—1898 г. слились воедино сроком окончания в 1905 году.

Возвращение вновь к вопросу о конкуренции с Германией.

Задача сосредоточения флота на Дальнем Востоке против Японии заслонила собой, как сказано, стремление противодействовать возрастающему морскому могуществу Германии. Однако, по мере того, как постройка судов приближалась к норме, дающей перевес над японским флотом, германский вопрос вновь был выдвинут.

В начале 1901 года морское командование уже доложило царю, что к 1905 году будет закончен план судостроения, по которому в Тихом океане Россия достигнет превосходства на море сравнительно с японцами.

План этот, с запозданием на 1 год против предположенного, должен был дать к 1905 г. на Дальнем Востоке эскадру в составе:

10 эскадр. броненосцев (против 6 японских),
5 бронен. крейсеров (против 6 японских),
7 крейсеров 1-го ранга
5 „ 2-го „ } (против 16 японских),
7 канонерских лодок,
2 минных крейсера,
20 миноносцев, 350 тонн,
24 миноносца 120—140 тонн.

Против слов доклада: „наличие таких средств на Дальнем Востоке послужит наилучшим залогом мира“ Николай II написал: „совершенно согласен с этим и настаиваю на сосре-

доточении всех судов на Дальнем Востоке, намеченных программой 1898 г.". Здесь же им была дана директива: „сокращение нашего судостроения недопустимо. В виду громадного усиления Германского флота к 1920 году, рассмотреть вопрос об окончании программ 1895 г. и 1898 г., в связи с необходимым увеличением балтийского флота к 1920 г. Представить мне соображения, до какого состава должен быть доведен наш флот в ближайшее 20-летие, принимая во внимание политические задачи в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, а также рост флотов наших соседей. Программу судостроения разработать на 20 лет, начиная с 1902 года, в соответствии с желательным составом флота. Исчислить расходы, потребные как на исполнение ее, так и на увеличение личного состава, расширение портов и пр. Все судостроение обязательно исполнить на русских верфях".

Получив эти указания, морское министерство приступило к составлению проекта 20-летней судостроительной программы.

Во время этой работы Николай II несколько изменил взгляд на характер будущего судостроения. Новые указания в отношении Балтийского моря сводились к тому, что программа должна быть составлена согласно приведенной выше резолюции, но не отделяя в особую эскадру судов Тихого океана; эскадра Дальнего Востока должна, сообразно обстоятельствам, выделяться из состава Балтийского флота, из него же и усиливаться в случае надобности. Следовательно, для Балтики нужно принять в сравнение систематическое усиление Германского флота в предстоящий 20-летний период, с заменой устаревших судов новыми; кроме того, было приказано в ближайшем будущем главное внимание обратить на усиление флота в Черном море.

Эти дополнительные директивы коренным образом меняли постановку вопроса о судостроении для Балтийского моря, намеченную первой резолюцией.

Программа 1903—23 г.г. В основу новых соображений по созданию судового состава, Главный Морской Штаб положил вероятные силы Японии и Германии к 1920 году, с учетом судов, выделенных из строя за выслугою лет.

Судостроительная программа 1903—1923 г.г., составленная Главным Морским Штабом для балтийского (и тихоокеанского) флота, вылилась в следующем составе:

35 эскадренных броненосцев.
18 броненосных крейсеров.
36 легких крейсеров.
12 канонерских лодок.

290 истребителей (эск. миноносцев).
219 миноносцев береговой обороны.
104 подводных лодки.
4 минных заградителя.

Эта грандиозная программа вместе с соответственным усилением Черноморского флота (см. гл. III) должна была обойтись в полтора миллиарда зол. рублей и приблизительно соответствовала развитию Германского флота.

План минной обороны по программе 1903—1923 годов.

Особенностью программы 1903—1923 годов являлось отделение минной обороны побережья от линейного флота. Таковая мысль становится вполне понятной, если учесть, что линейный флот в рассматриваемое время был связан на Дальнем Востоке.

К записке Главного Морского Штаба о судостроительной программе 1903—23 г. был приложен „Примерный план морской береговой обороны Балтийского моря", сущность которого заключалась в следующем:

Оборона разделяется на местную, связанную с защитою определенных пунктов побережья, и подвижную, которая могла бы быть направлена в любой угрожаемый район.

Местная оборона, по мнению Главного Морского Штаба, должна была обслуживать следующие пункты, которым была дана надлежащая оценка.

Либава оценивается как порт, не способный служить целям слабейшего флота; „она имеет значение только как место снаряжения флота перед войной". Для усиления ее обороноспособности необходимо 25—30 мореходных миноносцев и 6 подводных лодок, что, по мнению авторов проекта, будет достаточно, так как неприятелю едва ли удастся выделить для ее блокады больше такового же числа миноносцев.

„Виндава является удобным пунктом для действия отсюда в тыл противника, блокирующего Либаву или Рижский залив. Здесь необходимо 10 миноносцев и 6 подводных лодок".

Рижский залив и Моонзунд занимают уже центральное место в предположениях Главного Морского Штаба. Поставлен вопрос о необходимости их широкого оборудования, укрепления островов, прорытии канала через Моонзунд для плавания больших судов и пр.

В частности эти меры сводились к следующим:

1) Выполнение больших углубительных работ как на фарватерах, так и на плесах.
2) Создание на острове Вормсе сильных укреплений.
3) Заграждение проливов минами заграждения.
4) Создание укреплений на острове Даго.
5) Заграждение Соэльского прохода минами.
6) Защита б. Тагалахта.

7) Оборудование гавани около Цереля.
8) Назначение сухопутного гарнизона на острова.
9) Сильное укрепление Ирбенского пролива.
10) Сосредоточение средств затопления на закрываемых фарватерах.

Всего для обороны района Моонзунда предполагалось построить:

80 мореходных миноносцев.
20 малых миноносцев.
21 подводную лодку.

Подвижная оборона. Для защиты Финского залива предполагалось организовать отряды подвижной минной обороны, которых должно было быть четыре, по 10 миноносцев в каждом.

Таким образом, весь минный флот обороны Балтийского моря должен был состоять из 120 мореходных миноносцев, 110 прибрежных, 48 подводных лодок и 4-х передвижных баз.

Предвидя большие затруднения с ассигнованием столь крупных сумм, которые требовались для осуществления намеченной судостроительной программы, упр. мор. министерством адм. Тыртов дал Главному Морскому Штабу задание в смысле сокращений, ограничив таковое для Тихого океана и для Балтийского моря следующими задачами: 1) приведением флота в Тихом океане в соответствие с японскими морскими силами, принимая во внимание последнюю программу их усиления; 2) „созданием на Балтийском море сильной обороны из миноносцев и подводных лодок, а также одной мореходной эскадры из 8 новейших броненосцев с соответствующим числом крейсеров и миноносцев".

Отзывы адмиралов по судостроительной программе 1903—23 г.г. [1].

Материалы по судостроительной программе на 1903—23 г. г. были разосланы Главным Морским Штабом на отзыв ряду адмиралов, с мнением которых ведомство считалось.

Из поступивших ответов особенно интересно отметить отзыв в. кн. Александра Михайловича, который в это время, с 1895 г., пользуясь влиянием на Николая II, был одним из главных вдохновителей сосредоточения флота на Тихом океане.

В этом отзыве он указывал, что рассчитывать на тихоокеанскую эскадру для обороны Балтийского моря нельзя-ибо, если бы даже изменившаяся обстановка и позволила бы ей уйти с Дальнего Востока, она все равно не дошла бы в Балтику ранее двух месяцев, а к этому времени Балтийский флот будет значительно ослаблен в борьбе и пришедшая эскадра Тихого океана встретит более солидного противника.

---

[1]) Главный Морской Архив, дело № 215 по каталогу „Материалы подготовки к Рус.-Яп. войне".

„Ясно, что быть сильнее Германии на Балтийском море, сильнее Японии в Тихом океане и иметь достаточно сильный флот в Черном море нам не по силам, а потому следует установить наши ближайшие политические задачи, соответственно каковым и выяснить судостроительную программу".

Эти задачи, по мнению Александра Михайловича, представляются в таком виде:

1) На Ближнем Востоке—завладение проливами.

2) На Дальнем Востоке—не вызывая разрыва с Японией и Китаем, быть всегда готовыми к войне с этими двумя государствами, для чего содержать в полной готовности к бою эскадру Тихого океана, по составу своему не уступающую в силах Японскому флоту.

3) В Балтийском море—мир с Германией, увеличение сухопутных сил на западной границе, активная оборона побережья, укрепление военных пунктов балтийского побережья.

4) В Туркестане и Закаспийском крае—удержать Англию от вмешательства в дела России на Ближнем и Дальнем Востоке, для чего приготовить все необходимое для экспедиции в Индию.

При этом им предлагалось несколько вариантов судостроительных программ. В частности, для Балтийского моря подтверждалась необходимость минной обороны.

Останавливает на себе внимание отзыв адмирала Пилкина, предостерегающего от возложения больших надежд на миноносцы при обороне побережья и указывающего на необходимость линейных сил для Балтийского моря.

Запрошенный в числе других адмирал Макаров высказался за замену броненосного флота безбронными судами, усматривая за ними, помимо тактических преимуществ, значительную дешевизну. Макаровым был выработан проект такого корабля в 3.000 тонн водоизмещения. Проект этот осуществления не получил и, как показало последующее развитие военно-морской тактики, не мог быть удачным.

Адм. Бирилев указал на необходимость обратить особое внимание на подготовку личного состава, подвергнув критике существовавшее положение этого вопроса. Отметив, что необходимо создать при Главном Морском Штабе специальное отделение, ведующее составлением обоснованных планов кампании, отсутствие которых может поставить флот в тяжелое положение, Бирилев высказал, что на Балтийском море мы не можем иметь сильного боевого флота, ибо балтийский флот составляет „депо" для эскадры Тихого океана и отряда Средиземного моря [1]). В Балтийском море должна быть со-

[1]) В 90-х и начале 900-х годах в Средиземном море почти непрерывно плавал отряд русских судов. Помимо целей политического представительства, он являлся резервом для Дальнего Востока, с одной стороны, и для Балтики—с другой.

здана надежная береговая оборона. В общем, он соглашался с проектом минной обороны, составленным Главным Морским Штабом.

Адм. Чухнин в своем отзыве говорит: „едва ли может играть большое значение большее или меньшее число судов в Балтике, ежели вперед известно, что неприятель всегда будет значительно сильнее. Ежели из одинаковых подсчетов выйдет, что наш флот обречен на пассивную роль, то, пожалуй, лучше совсем отказаться от эскадренных броненосцев в Балтийском море и ограничиться оборонительным минным флотом и подводными минными лодками...

Далее, переходя к финансовой стороне проекта обороны Балтийского моря, Чухнин приходит к заключению, что стоимость, укомплектование и содержание одного минного флота будет значительно больше, чем создание для обороны Балтийского моря 15-ти броненосцев береговой обороны, водоизмещением около 4.500 тонн, и половины намеченного числа миноносцев.

Адм. Рождественский считал, что нельзя ограничиваться учетом в качестве противника только германского флота, но надо рассчитывать на его совместные действия с шведским и соответственно увеличить свои силы. Считая, что к моменту конфликта флот может быть сосредоточен вне Балтики, он находил необходимым „иметь запас сравнительно дешевых средств, пригодных хотя бы только для внутреннего моря, но достаточных для временного в нем поддержания полного превосходства. Этим запасом может служить сильная флотилия миноносцев, устроенная по кордонной системе и способная быстро сосредоточиваться."

Кроме этих, поступили и другие столь же разноречивые отзывы от остальных адмиралов, которые мы здесь не приводим.

Перечисленные отзывы наиболее ответственных и влиятельных лиц во флоте свидетельствуют, в какой мере они расходились в основных взглядах по важнейшему вопросу о том, какой же должен быть выстроен флот для России. Эта разноголосица скрывала за собой отсутствие определенных идей, дисциплинирующих работу ведомства, и в значительной мере—военное невежество руководящих лиц. Можно ли говорить о согласованной работе, когда один—за эскадренные броненосцы, другой—за минный флот, третий—за броненосцы береговой обороны, четвертый—за особый тип крейсеров, и пр.? Каждый из этих вариантов влек за собой своеобразное представление об операциях флота. Наличие противоположных мнений в этом коренном вопросе показывает, насколько неясно оценивались задачи флота и, в особенности, способы ведения ими боевых действий.

В начале 1903-го года состоялся ряд заседаний особого совещания по 20-летней судостроительной программе под председательством управляющего морским министерством. Это совещание признало необходимым иметь броненосцы береговой обороны (водоизмещение около 5.000 т., осадка 15 фут., ход 18 узлов); миноносцы прибрежной обороны двух типов 320 и 150 тонн (предполагалось каждому броненосцу береговой обороны придать по 10 миноносцев) и, наконец, безбронные суда (проект адмирала Макарова).

Однако, по рассмотрении доклада совещания, было приказано создание броненосцев береговой обороны отложить на последнюю очередь.

По мере окончания постройки судов по программам 1895 и 1898 г.г. начали освобождаться стапели судостроительных заводов как казенных, так и частных. Возникло опасение за перерыв в их деятельности, сопряженный с роспуском рабочих и большим ущербом для постановки дела судостроения вообще. В виду этого, морское ведомство вошло с докладом о немедленном ассигновании средств в счет 20-летней программы, чтобы сейчас же дать заказы заводам, не допуская их остановки.

На этом докладе Николай положил резолюцию о необходимости обсудить вопрос в особом совещании, и в заключение написал: „Судостроение не может приостанавливаться без самых вредных для государства последствий".

Особое совещание согласилось с представлением морского министерства и отпустило ему средства в размере 12 млн. рублей.

Это дало возможность заложить в 1903 году два броненосца, по 16 тысяч тонн водоизмещения для Балтийского моря („Андрей Первозванный" и „Павел I"), два броненосца для Черного моря („Евстафий" и „Иоанн Златоуст"), канонерскую лодку для Персидского залива и 6 миноносцев (три для Тихого океана и 3 для Черного моря).

Судостроительная программа 1904—1914 г.г.

В дальнейшем предположения о 20-летней программе встретили препятствия из-за недостатка средств, которые фактически могли бы быть отпущены государственным казначейством.

Вследствие этого морское ведомство выработало новую программу судостроения, сроком на 10 лет.

Объяснительная записка к этой новой программе рисует идеи морского министерства в вопросе дальнейшего направления нашей морской стратегии [1]).

Записка эта, освещая вопросы, касающиеся создания морских сил на всех морях, так оценивала перспективы судо-

---

[1]) Главный Морской Архив, дело № 215 (Арх. яп. войны).

строения для Балтийского моря: „наш флот на Балтийском море низведен до ничтожества: 1) тем, что за последние 20 лет внимание и средства морского ведомства были всецело отданы возрождению черноморского флота и развитию наших морских сил на Дальнем Востоке, и 2) потому, что решение германского правительства соорудить к 1911-му году мощный флот являлось для нас неожиданностью"... „Соотношение нашего и Германского флотов показывает, что даже и при очень большом напряжении платежных сил страны мы не могли бы в близком будущем приобрести господство на Балтийском море, продолжая содержать на Дальнем Востоке флот, равносильный японскому и продолжая развивать наш черноморский флот в предположении его обособленности.

Вынужденные поэтому принять даже и против Германии оборонительный план действий на Балтийском море, мы все же должны быть свободны сосредоточить в нем в нужную пору такой флот, который, опираясь на береговые укрепления, был бы достаточен, чтобы не позволить неприятелю отважиться на крупную десантную операцию". „Достигнуть этого одним минным флотом без линейного—нельзя ни в какой мере... наиболее удобное время года, лето, представляется совсем неудобным для минных атак, так как летние ночи в нем очень светлы и очень коротки, а дневные атаки миноносцев, при современной меткости скорострельной артиллерии, почти невозможны".

Следовательно, основой нашей программы судостроения должна явиться организация, предусматривающая сосредоточение в нужное время нашего флота из всех трех или, если это невозможно, то, по крайней мере, из двух морей".

„Но при возникновении спора с Германией трудно рассчитывать на такую обстановку на Дальнем Востоке, которая позволила бы отозвать в европейские воды наш Тихоокеанский флот, и совершенно невероятна возможность такой оплошности соседа, которая позволила бы выиграть время, необходимое для перехода нашего флота из Тихого океана.

Несравненно благоразумнее был бы расчет на возможность и на успех посылки, даже в самый разгар войны с Японией, всего нашего балтийского флота из Финского залива в Тихий океан, если бы в Тихом океане мы содержали только слабую эскадру, а в балтийском море флот, значительно сильнейший японского.

„При надлежащей же тренировке балтийского и черноморского флотов, сосредоточение их линейных эскадр в Средиземном море

перед войной с Германией представлялось бы в той же мере возможным, как и прорыв этих соединенных сил из Немецкого в Балтийское море при соответственной согласованности балтийского минного флота [1]).

Поэтому, программой намечается в ближайшем будущем значительное усиление состава линейных эскадр балтийского и черноморского флотов, уделяя на них до 70% из возможных ассигнований, в Тихом же океане удовлетворить пока лишь неотложные нужды по защите Амурского лимана и на обеспечение возможности контролировать наши интересы как по течению рек Амурского бассейна, так и на китайских реках".

Таким образом, десятилетняя программа судостроения для Балтийского моря и Тихого океана на 1904—1914 г.г. выразилась в следующих цифрах:

Для Балтийского моря.	Для Тихого океана и Амура.
9 эск. броненосцев.	
2 брон. крейсера.	2 транспорта.
18 эск. миноносцев.	4 мореходных кан. лодки.
18 миноносцев.	10 речных кан. лодок (для Амура).
1 минный транспорт.	
10 подводных лодок.	
1 кан. лодка для Персидского залива.	

Это была последняя судостроительная программа перед русско-японской войной, которой не пришлось быть осуществленной. Останавливаясь на ней, следует отметить, что здесь выдвигалась новая точка зрения, которая никак не согласовалась с назревавшими уже событиями на Дальнем Востоке: сосредоточение всего флота вдали от Тихого океана, в Средиземном или Балтийском морях, чтобы затем „в разгар войны с Японией" послать его на Дальний Восток. Предположение о соединении черноморского флота с балтийским также являлось необоснованным в силу международных договоров, лишавших права прохода через проливы военных судов.

Стратегические обоснования программы 1904—1914 года скрывали за собой отсутствие определенного курса в области внешней политики царской России или дурную в ней ориентировку морского ведомства.

---

[1]) Курсив наш. *М. П.*

Положение на Балтийском море после увода на Дальний Восток гл. сил балтийского флота.

Как было изложено выше, до решения отправить главные силы на Дальний Восток, в основе обороны Балтийского моря лежало предположение о том, что Россия будет в состоянии осуществить превосходство в силах сравнительно с флотами других Балтийских государств, в том числе и Германии. В расчете на это была предпринята постройка порта в Либаве.

Между тем, конкуренция в судостроении с Германией была столь неуспешна для России, что с 1881 года не было момента, когда русские силы на Балтийском море превосходили бы таковые немцев.

Позже положение ухудшилось еще более, так как главные силы русского флота были переведены на Дальний Восток.

Постройка Либавы продолжалась, при чем не делалось ничего по подготовке и оборудованию театра для создавшихся новых условий.

Еще не будучи законченной, Либава уже потеряла свое значение для обороны. Сомнение в целесообразности этого порта существовало все время. После ухода флота в Тихий океан Либава сейчас же была признана неудовлетворяющей своему назначению и негодной как база.

Соответственно пришлось изменить и планы развертывания сил на случай войны с Германией.

Стратегическая игра на тему войны с Германией в 1900 — 1901 году в Морской Академии.

Для проверки расчетов, в 1900 году состоялась в Морской Академии военно-морская игра, задания к которой были даны Главным Морским Штабом, поставившим следующие вопросы:

„1) Достаточна ли по силе и целесообразности организация обороны нашего побережья, подразумевая под ней флот, поддерживающие его береговые укрепления, чтобы не позволить германскому флоту получить обладание Балтийским морем?

„2) Какое значение могут иметь для наших сухопутных операций перерыв морских сообщений и десантные высадки на наши берега?“

Примечание. Состав сил для обороны Балтийского моря Главным Морским Штабом был указан следующий:

8 эскадренных броненосцев (5 устаревших типов, 3 новых),
3 броненосца береговой обороны,
8 устаревающих крейсеров,
2 канонерские лодки,
2 минных крейсера,
19 миноносцев в 250 тонн,
41 малый миноносец,
1 минный транспорт и яхта.

(Были введены в задание две подводные лодки, которых до того во флоте еще не было).

Германский флот учитывался в составе:
12 эскадренных броненосцев,
7 броненосцев береговой обороны,
22 крейсеров,
40 морских миноносцев,
8 дивизионов миноносцев прибрежных,
2 подводных лодок,
1 минного транспорта и
нескольких канонерских лодок.

Играющие отказались от Либавы, как не обеспеченного порта, расположение которого в стратегическом отношении невыгодно.

Постановление посредников гласило:

„1) При существовании одной сухопутной обороны германцы могут овладеть не только Ригой и Либавой, но даже Петербургом, и оказать существенную помощь своей армии при выборе для нее операционной линии: граница—Петербург.

2) Для того, чтобы не позволить германцам это сделать, следует иметь на Балтийском море флот, более сильный или, по крайней мере, равный германскому, способный к наступлению.

3) Флот, состоящий из больших судов, но несколько более слабый, чем у германцев, неспособен к наступлению, непригоден и для обороны. В этом последнем случае лучше заменить его минным флотом, опирающимся на ряд хорошо оборудованных, подвижных и неподвижных станций.

4) Либава может иметь значение лишь как база для наступления более сильного, чем у германцев, флота. При обороне ее в ней с пользой может быть помещена лишь сильная минная флотилия, которую нельзя заблокировать, и которая способна действовать наступательно против германских линий сообщения, если бы германцы, не взявши Либаву, решились двинуться в Рижский или Финский заливы.

5) Необходимо создать первоклассный укрепленный порт в Моонзунде и, если в Балтийском море имеется флот из больших судов, необходимо углубить проход в Рижский залив. Помимо того, что Моонзунд представляет превосходную центральную позицию для русского флота, если он останется неиспользованным и неукрепленным, им непременно завладеют германцы и все выгоды владения этой позицией окажутся на их стороне. В случае успеха наших армий их очень трудно будет выбить с позиции, расположенной на острове. Между тем, если бы этой позицией владели мы, то мы могли бы по тем же причинам ее сохранить и в том случае, если бы все побережье оказалось в руках германцев, тогда как Либава и Свеаборг в этом случае оказались бы потерянными для флота“.

В процессе разбора игры руководителем последней, адмиралом Фелькерзамом, была высказана мысль о целесообразности размещения главных сил флота в Свеаборге.

Таким образом, идея плана 1894 года была откинута.

Вопрос об обороне Балтийского моря вновь возвращается в то положение, в каком он был до 1889 года.

Дальнейшее развитие идей обороны, выдвинутых военно-морской игрой, мы видим в плане развертывания балтийского флота, составленном Главным Морским Штабом в 1903 г.

Собственно говоря, это не был план, так как вообще в морском ведомстве в то время планов войны не составлялось; это была записка начальника ученого отдела Главного Морского Штаба, капитана I-го ранга Брусилова, на которой имеется резолюция управляющего морским министерством адмирала Авелана: „Интересная и очень дельная записка, необходимо ее, однако, обсудить со всех сторон как в отношении личного состава, судового состава, так и денежных средств, могущих привести ее к благоприятному решению".

Предположения 1903 г. о развертывании балтийского флота.

Проект плана 1903 года так учитывает политическую сторону:

„Главный наш противник в Балтике—Германия, но, вырабатывая план войны, нужно брать наиболее невыгодные условия, а потому следует предположить, что Германия будет в союзе со скандинавскими государствами: Швецией, Норвегией и даже Данией, и, кроме того,—еще с Англией.

Из имеющихся в делах Главного Морского Штаба документов различных комиссий, рассматривавших вопросы по обороне государства, усматривается, что все военные авторитеты опасаются действий неприятеля во фланг нашей сухопутной армии, помощью десантов, высаженных на побережье Балтийского моря".

Отсюда вытекает задача флоту: „воспрепятствовать неприятельскому флоту произвести высадку десантного отряда на наше побережье, каковая наиболее вероятна у Виндавы и в Рижском заливе, а может быть и в Финском заливе, а потому, следовательно, необходимо во что бы то ни стало запереть вход в Рижский залив..."

Считаясь с тем, что германский флот значительно превосходит силы русского, план констатирует необходимость отказаться от встречного боя в открытом море, ограничиться лишь обороной, придав ей возможно активный характер.

В плане содержится указание, что на Либаву нельзя рассчитывать: „Либава может служить опорным пунктом только сильнейшему флоту для действия против германского побережья и в открытом море. Если с объявлением войны наш флот останется в Либаве, то может быть там заблокирован,

что по местным условиям может быть сделано очень легко, и останется в бездействии всю кампанию".

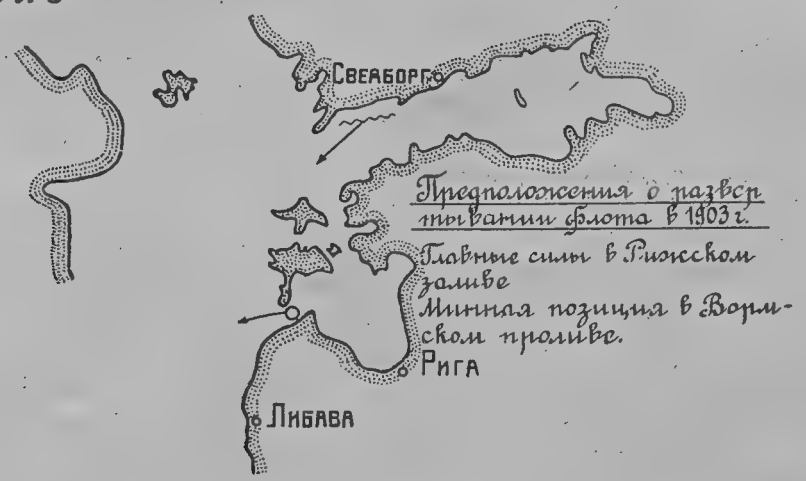
Указывалось, что „флоту в день объявления войны необходимо быть у входа в Рижский залив, у Михайловских банок, имея часть миноносцев у входа в Финский залив".

Минным отрядам было назначено, базируясь на Барезунд и Оландские шхеры, действовать во фланг и тыл противнику, форсирующему вход в Финский залив.

Затем план указывал на необходимость оборудования военного порта в Моонзунде; а до того времени—флоту питаться и обслуживаться плавучей базой в Рижском заливе, имея все нужное погруженным на транспорты.

Соответственно предпложениям плана, дислокация главных сил флота должна быть изменена: из Либавы—на Гельсингфорс и Ревель (см. схему 5 и карту).

Схема № 5



Совместное обсуждение вопросов обороны с военным ведомством в 1903 году.

В 1903 г., независимо от работ Главного Морского Штаба, военным ведомством, по инициативе генерал-квартирмейстера Генерального Штаба ген.-м. Жилинского, был также возбужден вопрос об обороне балтийского побережья.

По этому поводу 2 июня 1903 г. состоялось совещание под председательством начальника Главного Штаба ген. Сахарова.

Большинство постановлений совещания не имели принципиального значения, они сводились к пожеланиям организации наблюдательных пунктов, развития радиотелеграфа, придания отрядов сторожевых судов прибрежным сухопутным отрядам и общим указаниям относительно использования минного флота для противодействия десантным операциям противника.

Но при этом были высказаны суждения относительно сроков, на которые должен был быть задержан балтийским

флотом неприятельский десант в целях обеспечения сосредоточения армии для отражения такового. Была также уточнена и задача обороны. Указывалось, что гарнизоны крепостей мобилизуются к концу второй недели, а полевые войска— к концу третьей недели. Генерал Сахаров заявил, что „этот период надо считать критическим; в течение его наиболее желательна и необходима помощь со стороны флота. Главнейшей целью его действий является затруднение выполнения какой бы то ни было десантной операции, так как таковая в этот период могла быть произведена почти без помехи со стороны сухопутных войск".

Здесь впервые точно были фиксированы сроки необходимой задержки неприятельского десанта; они сохранили свое значение, как то будет сказано ниже (в V главе), и для заданий балтийскому флоту в период, непосредственно предшествовавший мировой войне.

Заключение. Рассмотренный период истории русского балтийского флота дает основание сделать следующие выводы:

1) Поставленная царской Россией в 1881 году задача преобладания на Балтийском море создала конкуренцию в судостроении с Германией. Задуманные широкие программы усиления балтийского флота постоянно встречали препятствия при их осуществлении, в виде недостаточных ресурсов, коими располагало морское ведомство. Русское судостроение опаздывало в сроках и спорадически подвергалось сокращению. Германия же, принявшая „закон о флоте", забронировав тем кредиты для его развития, успешно и планомерно создавала последний.

Отвлеченная событиями на Дальнем Востоке, Россия не оставила своей первоначальной идеи о преобладании на Балтийском море, и когда программа усиления тихоокеанского флота приблизилась к осуществлению, она вновь возвратилась на путь конкуренции с Германией. Накануне русско-японской войны (1903 г.) создаются планы, имеющие прежде всего эту цель. Масштаб и характер последних не отвечал ни политической обстановке, ни требованиям стратегии (сосредоточение всех сил в Балтике или Средиземном море накануне войны с Японией), ни, наконец, реальным возможностям их осуществления.

2) При каждом случае обсуждения задач флота в период после 1881 года возникают в самом морском ведомстве глубокие противоречия во взглядах руководящих лиц.

Вопрос о постройке порта и связанный с ним план обороны, перемена уже принятых решений, вопрос о сосредоточении сил на Дальнем Востоке, а равно и суждения о том,

каков должен быть флот—характеризуют полную неустойчивость взглядов морского ведомства.

3) Это же заключение можно сделать и относительно внешней политики царской России, поскольку таковая отражалась в виде заданий флоту. Задания, будучи точно формулированы в 1881 году, в последующем утратили свою ясность. Это в особенности видно к концу периода, когда мы наблюдаем морское ведомство как бы на распутьи, между двумя направлениями—на Германию и на Японию, что нашло себе выражение в записке Главного Морского Штаба 1903 г.

Постоянные поправки, перемены и дополнения к программам в еще большей степени подтверждают сказанное.

4) Характерно отметить, что двойственность задачи Балтийского моря, формулированной известным постановлением совещания 1881 года, затем, с изменением политической обстановки и задач флоту, ведет к разрыву двух тенденций, сочетавшихся в задании: активной и оборонительной. Вопрос обороны Балтийского моря остается постоянно на втором плане. Как только возникает мысль об активном использовании флота вне Балтийского моря, он не получает решения и остается открытым. Паллиативом является минная оборона, предлагаемая каждый раз, но ни разу не осуществленная в полной мере. Отсутствие же надлежащих оборонительных мероприятий на Балтийском море влекло за собой необеспеченность тыла нашего активного флота и сдерживало необходимое заблаговременное сосредоточение на Дальнем Востоке.

5) Принятое решение о постройке порта в Либаве, как то было указано, при отсутствии сил на Балтийском море, которые превосходили бы таковые противника, являлось ошибочным. Между тем, постройка порта в другом месте, будучи согласована с задачами обороны против сильнейшего врага, значительно обеспечила бы последнюю, и дала бы ей опору.

Стратегическая обстановка на Балтийском море заставила отказаться от оперативного использования Либавы ранее, чем она была закончена, и оборона Балтийского флота была поставлена в условия, в каких она была до 1881 года.

6) Поскольку прочна была организация флота и морского ведомства, каковы были боевые качества наших морских сил, показала русско-японская война, закончившаяся полным поражением балтийского флота в Тихом океане. Среди причин этого поражения приходится особенно выделить отсутствие планомерного и систематического руководства развитием флота, неопределенность его задач и общую расхлябанность аппарата морского ведомства, которую можно видеть даже из этого краткого очерка истории создания балтийского флота с 1881 по 1905 год.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторический очерк развития Черноморского флота и его планов в период 1881—1904 г.г.

Создание Черноморского флота. Судостроительные программы. Подготовка десантной экспедиции на Босфор. План экспедиции 1885 г. Приготовления к захвату Босфора в 1896—1897 гг. План десантной экспедиции 1897 г. Подготовка десантной экспедиции после 1897 г. План войны на Черном море 1903—1904 г. Заключение.

История подготовки России к мировой войне на Черном море есть, по существу, история собирания средств для решения босфорской проблемы, которая была стержнем нашей политики на Ближнем Востоке в течение почти полутораста лет.

Босфор и Дарданеллы, по выражению Бисмарка, являлись „ключами от дома" юга России, запирая выход из Черного моря к Средиземному, а далее—к мировому океану.

Стремление к овладению проливами или, по крайней мере, к созданию режима, который обеспечивал бы пользование ими и безопасность черноморского побережья, присуще царской России с того времени, как она стала твердой ногой на Черном море.

До XIX столетия вопрос о проливах был делом России и Турции. Но в конце XVIII и начале XIX века обнаружилось политическое и экономическое ослабление турецкой империи, возникло опасение ее распада, был поднят вопрос о возможности „раздела" Турции. Она окончательно утратила самостоятельность своей внешней политики и подпала под влияние европейских держав.

С этого момента вопрос о проливах стал делом всей Европы, и задача России весьма осложнилась.

Выход России на Средиземное море встречал постоянное противодействие со стороны западных государств. Если в других своих стремлениях царская Россия могла встретить поддержку той или другой группы, то в вопросе о проливах она была всегда одна. Те условные соглашения, которые ей удавалось в свое время заключать с Францией, Австрией, Германией и даже Англией, не приводили, в конечном счете,

к определенному результату. Наоборот, всякий ее реальный шаг на пути к проливам всегда встречал противодействие, приводя к угрозе войны.

Между тем, вопрос о возможном разделе Турции не снимался с очереди в течение всего времени, до мировой войны включительно. Царская Россия не могла оставаться к этому безучастной и постоянное опасение, что проливы могут оказаться во владении другой державы, более мощной, чем Турция, и способной отстоять их, обязывало ее весьма чутко реагировать на всякое изменение в положении Турции, на всякое влияние, которого в ней добивались иностранные претенденты.

Парижским договором, лишившим Россию после крымской войны права иметь боевые силы на Черном море, она была отброшена от проливов. Настойчивость, с которой Англия добивалась включения этих статей в договор, характеризует сопротивление, каковое ближне-восточная политика России встречала в этом вопросе. Вмешательство Англии в войну 1877 года, выразившееся в ультимативном требовании отойти от Константинополя, а затем решения Берлинского конгресса и Лондонской конвенции установили режим на проливах, который шел вразрез с домогательствами России.

Военные суда всех наций были лишены права прохода Босфора и Дарданелл.

Но это не разрешало вопроса безопасности нашего черноморского побережья, так как страж, которым была слабая Турция, всегда мог открыть вход враждебному нам флоту, либо под давлением силы, либо руководствуясь собственными интересами. Выход же нашего флота в Средиземное море был закрыт безусловно.

К 1881 году—дата, с которой мы начинаем наше исследование—царская Россия фактически располагала на Черном море самыми ничтожными морскими силами, большинство ее военных судов здесь не имело решительно никакой боевой ценности. Турецкий флот был еще слабее. Но за ним стояли флоты Европы, в особенности Англии, которые должны были учитываться, как противодействующая сила при нашем стремлении к проливам.

Русская дипломатия в 80-х годах делала ряд усилий для создания политической группировки, благоприятной нам в этом вопросе (соглашения с Германией и Австрией начала 80-х годов), но отсутствие надлежащих боевых сил на Черном море лишало эти попытки реального значения.

Без сильного черноморского флота босфорской проблемы решить не представлялось возможным.

Россия должна была создать его.

Создание черноморского флота.

Особое совещание 1881 года, о котором было сказано в предыдущей главе, отдавая себе отчет о значении военного флота в Черном море, выделило задачу его воссоздания среди других задач русских морских сил: „первой заботой по восстановлению морских сил должно быть возрождение черноморского флота, а затем уже развитие флотов и на других морях".

Казалось бы, эта директива, вполне соответствующая политическим целям России, должна была выполняться преимущественно. Однако, под влиянием различных обстоятельств, она не раз отходила на второй план, будучи оттесняема новыми задачами, которые ставились флоту неустойчивой внешней политикой России последующего периода истории.

Мы проследили в общих чертах процесс развития балтийского флота до русско-японской войны и обстановку, в которой оно протекало. Черноморский флот был изолирован от балтийского условиями географическими (а в еще большей степени закрытыми проливами), но работа по его воссозданию не могла не быть связана с таковой же в Балтийском море. Ограниченные ресурсы, которыми располагало морское ведомство, должны были делиться между обоими флотами. Изменение заданий, необходимость усиления одного тотчас отражалось на другом.

В восстановлении балтийского флота отсутствовала последовательность. Оно шло спорадически, под давлением условий, создаваемых политической конъюнктурой момента. Это соответственно сказывалось на флоте Черного моря, не раз уступавшего то первенствующее положение, которое было признано за ним в 1881 году.

Судостроительная программа 1881 года.

Судостроительной программе 1881 года было предпослано указание: „соответственно с заданиями, установленными для черноморского флота особым совещанием, комиссия определила, что главная сила черноморского флота должна состоять из эскадренных броненосцев, пригодных для действий не только в пределах Черного и Средиземного морей, но и позволяющих, в случае необходимости, послать их в Тихий океан".

Состав черноморского флота был намечен следующий:

	Установлено иметь.	Имеется.	Подлежало постройке.
Броненосцы	8	—	8
Крейсера 2-го ранга	3	—	2
Миноносцы	20	—	19

Срок осуществления—20 лет (1882—1902 г.г.).

Во исполнение этой программы в 1883 году были заложены первые 3 броненосца („Чесма", „Синоп", „Екатерина II") и 4 миноносца.

В 1885 году, когда адмиралом Чихачевым была подана известная записка, послужившая причиной пересмотра программы 1882 года (вызванная усилением Германского флота и идеями минной обороны), автор проекта усиления минного флота основывал его на необходимости дополнительных ассигнований, за счет сокращения или удлинения постройки броненосного флота в Черном море, но никак не за счет сокращений броненосного флота для Балтики.

Таким образом, уже спустя четыре года после установления принципа развития черноморского флота от него были сделаны отступления.

Особое совещание в 1885 году сократило программу 1882 года, при чем в отношении черноморского флота это выразилось в исключении из него 2-х броненосцев (6 вместо 8).

Тогда же, по настоянию военного ведомства (см. ниже: проект десантной экспедиции на Босфор), в черноморскую программу была включена постройка 6 миноносцев и 6 канонерских лодок.

По программе 1885 года к 1890 году были выстроены:

3 броненосца („Чесма", „Синоп", „Екатерина II"),
2 линейных крейсера,
6 канонерских лодок и
6 миноносцев.

Кроме того, находились в постройке 2 броненосца („XII Апостолов", „Георгий Победоносец").

В 1890 году сокращения, сделанные в программе 1882 года, подверглись критике, почему было решено усилить вновь линейное судостроение, вследствие чего исключенные 2 броненосца из программы Черного моря были вновь восстановлены.

Таким образом, к 1895 году в составе Черноморского флота было уже 5 броненосцев и находились в постройке следующие суда:

2 броненосца („Три Святителя" и „Ростислав"),
1 минный крейсер („Гридень"), и
2 миноносца.

В 1895 году морское министерство выработало новую программу судостроения, при чем для Черного моря было решено построить:

1 линейный корабль (для завершения программы 1882 года),
2 крейсера по 5.600 тонн водоизмещения.

Кроме того, было решено построить „если позволят средства", несколько броненосцев небольшого тоннажа, для дей-

ствий на Нижнем Дунае, обороны Очакова и Днепрово-Бугского лимана.

Постройка линейного корабля („Потемкин Таврический“) и 2-х крейсеров („Кагул“ и „Очаков“) была начата со значительным опозданием, лишь в 1900 году. В том же году начата постройка 6 миноносцев в 350 тонн. Вся вторая половина 90-х годов ознаменовалась усиленной заботой в деле сосредоточения флота в Тихом океане, куда уходила главная доля средств, отпускавшихся морскому ведомству. Усилялся, главным образом, балтийский флот.

Лишь в 1902 году, в связи с разработкой 20-летней программы, были вновь составлены предположения об усилении черноморского флота.

1 апреля этого года управляющий морским министерством получил указания Николая II: „в Черном море эскадренные броненосцы должны строиться не с целью плаванья только в пределах этого моря, а быть способными делать и далекие переходы. Число броненосцев должно быть доведено до 12-ти, заменяя естественно устаревшие новыми, современными. Соответственно этому должно быть определено число крейсеров-разведчиков и минных судов“.

Составленный Главным Морским Штабом проект программы на 1903—1923 год, в отношении Черного моря намечал постройку следующих судов:

Эскадренных броненосцев	12
Броненосцев береговой обороны	6
Броненосных крейсеров	2
Небронированных крейсеров	12
Канонерских лодок	4
Миноносцев-истребителей	42
Минных заградителей	2
Миноносок	16
Транспортов	2
Госпитальных судов	1

Однако, этой программе не суждено было осуществиться. Размах ее (равно как и в отношении Балтийского моря, см. гл. II) делал ее экономически нереальной даже для той обстановки, каковая представлялась в 1903 году морскому ведомству. Первые же шаги по проведению этой программы вызвали необходимость сокращения, последующие же были прерваны русско-японской войной.

На отпущенные в счет этой программы кредиты для 1903 и 1904 годов были заложены в Черном море 2 линейных корабля („Иоанн Златоуст“ и „Евстафий“) и 3 миноносца.

Таким образом, к 1904 году Черноморский флот состоял из следующих судов:

	В строю.	В постройке.	Примечание.
Эскадренные броненосцы . .	7	2	3 типа „Чесма"—
Крейсера	1	2	уже устарели.
Минные крейсера	3	—	
Канонерские лодки	6	—	
Миноносцы	16	—	
Минные заградители	2	—	
Транспорты	8	—	

Таков общий очерк судостроения на Черном море с 1881 года до начала русско-японской войны. Если сравнить его с судостроением Балтийского моря, то нельзя не притти к заключению, что основная директива, положенная в его создание, очень скоро потеряла свое содержание, и задача усиления черноморского флота практически не являлась „первой" для морского ведомства. События на Тихом океане, усиление германского флота отвели ее на второй план.

Планы операций черноморского флота с 1881 по 1905 г.г.

Основной идеей, направлявшей развитие и деятельность черноморского флота было, как мы указывали, стремление к овладению проливами. Однако, планы этого времени не предусматривали решения этого вопроса в полной мере, т.-е. обладания и Босфором и Дарданеллами. Стремились к захвату только первого, заведомо считаясь с тем, что обладание Дарданеллами нам недоступно. Верхний Босфор, т.-е. непосредственно вход в Черное море,—вот была цель планов черноморского флота. Это решало проблему обороны, но не выхода в Средиземное море.

Только позже, перед самой мировой войной (1913 г.), задача была расширена, в рассматриваемый же период, до 1904 тода, она понималась, как сказано, имея в виду прежде всего оборону входа в Черное море.

Подготовка десантной экспедиции для захвата верхнего Босфора составляет основу всех военных мероприятий, осуществлявшихся сухопутным и морским ведомствами на Черном море. Их задачи соответственно распределялись: первое должно было организовать десантный корпус, второе— обеспечить операцию действиями флота.

Организация десантной операции на Босфор.

Еще в 1876 году существовала специальная „комиссия по обороне черноморского побережья“, но после войны с Турией она была расформирована. Как следствие задач, поставленных в 1881 году черноморскому флоту, естественно, возникла мысль о восстановлении этой смешанной сухопутно-морской организации, которой могла быть поручена подготовка десантной экспедиции на Босфор.

В 1884 году генерал Обручев уведомил управляющего морским министерством адмирала Шестакова, что по докладу военного министерства о „необходимости обращения черноморского побережья в прочную базу для действия сухопутных войск по морским операционным линиям“ 19 мая того года Александр III приказал, чтобы „означенное предположение было бы в скором же времени приведено в совершенную готовность“. В виду этого Обручев просил сообщить указания, которые могли последовать по этому вопросу со стороны морского ведомства.

По обмене мнений между морским и военным ведомствами было решено восстановить упраздненную „комиссию по обороне черноморского побережья“, на что в марте 1885 года было получено одобрение Александра III.

Возобновленная комиссия должна была состоять из главного командира черноморского флота, начальников штабов флота и Одесского военного округа и директора Русского общества пароходства и торговли, под председательством начальника штаба Одесского военного округа. Кроме того, по мере надобности, к работе могли привлекаться и другие лица. Комиссии предоставлялся особый кредит.

В задание комиссии было поставлено:

а) По сухопутной части: подготовка частной мобилизации войск Одесского военного округа и некоторое усиление их состава в мирное время; заготовление боевых продовольственных и госпитальных запасов, создание специальных приспособлений для размещения на судах людей, орудий, лошадей и обоза и для быстрой выгрузки их и прочее необходимое оборудование для десантной экспедиции.

б) В отношении морской части и флота было указано, что „все продолжающееся переходное состояние черноморского флота оставляет такие пробелы, исполнение которых не может быть достигнуто без значительных ассигнований, в порядке 7—8 миллионов рублей“. Сюда входило усиление минного флота, увеличение числа судов для борьбы с береговыми батареями, минные заграждения, оборудование десантных плавучих средств и проч.

Одновременно было указано на необходимость ускорения постройки броненосцев для Черного моря.

В октябре того же 1885-го года военное министерство, совместно с морским, вошло с новым докладом по тому же предмету:

„1) Организация десантного отряда не встретит особых затруднений, если 2 пехотные дивизии Одесского военного округа будут содержаться в несколько усиленном составе, вследствие чего представится возможным, не прибегая даже к мобилизации, „всегда иметь под рукой достаточную силу для начала внезапной операции".

„2) Транспортные средства Черноморского пароходного общества и Добровольного флота в общем можно признать достаточными".

3) Совершенно иное представляют средства, которые требуются для охранения транспортного флота и борьбы с неприятельской артиллерией. В этом отношении, до окончания постройки и вооружения 3-х черноморских броненосцев мы крайне слабы, почти беспомощны".

Единственное средство, по мнению авторов доклада, „это безотлагательно, теперь же, развить минные наши средства и хотя бы временными способами усилить численность нашей судовой артиллерии".

Доклад кончается представлением о необходимости сверх 6 строющихся миноносцев заказать еще 6, затем выстроить 6 мореходных канонерских лодок, как для прибрежной борьбы, так и для действия в реках.

Просимые суда были включены в судостроительную программу 1885-го года.

3-го ноября 1885-го года состоялось особое совещание для рассмотрения вопроса о кредите в 8 миллионов, необходимом для подготовки десантной экспедиции. Совещание это постановило:

1) „... Экономическое положение нашего государства, еще не оправившегося после недавней войны, таково, что при всей серьезности настоящего политического кризиса крайне желательно, по возможности, отдалить участие России во внешнем столкновении. Чем оно позднее наступит, тем будет выгоднее как для народа, так и для вооруженных сил, материальная подготовка коих далеко еще не закончена".

2) „Имея, однако, в виду, что при твердом намерении правительства не вступаться преждевременно во внешние предприятия исход событий на Балканском полуострове может вызвать Россию даже в ближайшем будущем к военному

действию". Совещание согласилось с представлением военного и морского министерств и открыло кредит в 8 мил. рублей на означенные надобности, обязав заказы произвести на отечественных заводах.

11 ноября отпуск кредита (6.300 тыс. руб.) на усиление средств черноморского флота был санкционирован царем.

21 ноября 1885-го года военный министр Ванновский препроводил Шестакову „проект организации черноморского десантного отряда", составленного штабом Одесского военного округа совместно со штабом черноморского флота.

Примечание. Интересна резолюция Шестакова на этом документе: „мы будем усердно исполнять требования военного м-ва, даже сознавая весь риск предприятия; будем действовать, так сказать, по его указаниям и сообразно его надобностям. Наше согласие и единодушие тотчас прекратится, когда мы увидим, что оно предъявляет требования, при которых выяснится неисполнимость его предположений и невозможность употребления нужных для этих требований срддств на какое-либо иное дело".

Эта резолюция свидетельствует, что подлинного единодушия с первых же шагов организации десантной экспедиции между обоими ведомствами не было, и что морское министерство относилось с некоторым предубеждением к активным замыслам военного.

План десантной экспедиции, составленный в 1885-м году.

Представляя военному министру план десантной операции, начальник Одесского военного округа, он же председатель „комиссии обороны Черноморского побережья", доносил, что „из полученного свода общих соображений с мест становится вполне рельефным то обстоятельство, что при настоящем еще бессилии черноморского флота, успех экспедиции представляется пока более чем гадательным". Кроме того, он указывал на ряд затруднений, которые встретил этот вопрос, как только к нему подошли вплотную: в отношении сосредоточения нужного количества транспортов, усовершенствования выгрузочных средств, необходимости специальной тренировки войск и прочее.

Сущность представленного „проекта организации черноморского десантного отряда" сводилась к следующему:

Войска и их запасы. Стремясь выбросить сразу на неприятельский берег максимум боевых сил и согласуясь с наличием транспортного флота, в первый рейс были предназначены почти все немобилизованные полевые войска Одесского военного округа, расположенные в приморских городах, а именно: 13-я и 15-я пехотные дивизии, 4-я стрелковая бригада, 11, 12, 13 саперные батальоны, понтонный батальон, железнодорожный парк, 6 полевых батарей и две сотни донских казаков.

Расчет посадки был приложен к плану:

Войска и обозы первого рейса.	ВСЕГО.	Из каких мест посадки.			
		Одесса.	Севасто-поль.	Николаев	Феодосия и Керчь.
Офицеров . . .	678	291	207	120	60
Солдат	24.216	9.604	7.676	4.264	2.312
Лошадей . . .	1.266	691	419	104	52
Орудий	24	8	16	—	—
Зарядных ящиков, повозок и пр.	332	135	125	48	24

Кроме того, вслед за первым рейсом предполагалось доставить тяжелую береговую артиллерию из приморских крепостей.

После отправки первого рейса немобилизованных войск в последующих рейсах должны были быть переправлены запасные, пришедшие по мобилизации. Т. о., все части войск, расположенные на неприятельском берегу, на 12—14-й день со дня объявления мобилизации должны были быть доведены до состава военного времени.

На место ушедших в экспедицию должны были подойти в пункты дислокации на побережьи прочие части Одесского военного округа (14, 34-я пехотные дивизии, 14 и 34-я артиллерийские бригады). В случае нужды эти части предполагалось перевести на поддержку десанта, при чем второй рейс мог быть сделан лишь через две недели.

Транспортная эскадра. Для перевозки десанта комиссия наметила следующее количество пароходов Добровольного флота и Русского общества:

12 пароходов, поднимающих 1.500—2.000 человек
5 „ „ 1.200—1.300 „
42 „ „ 600— 400 „

Посадка была намечена в Одессе, Севастополе, Николаеве, Феодосии и в Керчи.

Для прикрытия транспортного отряда Черноморский флот располагал весьма небольшим числом боевых судов: две плавучих батареи („Поповки“ — круглые суда, построенные в 1870-х г.г. по проекту адмирала Попова), мало пригодные для действий в море, два ветхих корвета и сравнительно хорошие корабли—одна шхуна и крейсер „Память Меркурия“.

Последние предназначались для постановки и охраны минного заграждения у Босфора, совместно с 4 миноносками.

В виду недостатка средств флота намечалось, кроме того, вооружить судовой артиллерией несколько коммерческих пароходов.

Для обеспечения операции было намечено поставить минное заграждение в Босфоре (три ряда мин, общим числом 825 шт.), с целью преградить вход в Черное море неприятельским судам.

Таким образом, первый вариант плана босфорской операции, составленный в 1885 году, был совершенно не обеспечен со стороны моря. Ничтожные наличные морские силы такового не давали. Благодаря этому и самый план был поставлен в полную зависимость от того, поскольку его осуществлению не будут препятствовать флоты иностранных держав. Флот Турции, как указано выше, был очень слаб, но малейшее его усиление, хотя бы в виде одного или двух броненосцев, обрекало задуманную десантную операцию на явный неуспех.

Вследствие этого вполне понятно пессимистическое отношение, которое проект этот встретил как со стороны самой комиссии и морского министерства во главе с Шестаковым, так и со стороны особого совещания, обсуждавшего доклад военного министра от 29-го октября 1885 года.

В последующие годы приготовления продолжались (в документах того времени есть указания на некоторые трения, возникавшие между начальником Одесского военного округа и главным командиром черноморского флота на почве различного понимания их прав и обязанностей в отношении подготовки экспедиции).

В 1887 году в проект десанта были внесены коррективы, сводящиеся к некоторому усилению отряда, состав которого был доведен до 33.750 ч. при 64-х орудиях, и включению в первый эшелон 48 тяжелых крепостных орудий и приготовлению 37—ко второму рейсу.

Затем из года в год проект исправлялся сообразно средствам флота и совершенствованию военной техники.

Из доклада 16 мая 1889 года военного министра царю о ходе работ комиссии обороны черноморского побережья видно, что к этому времени для десантной экспедиции было сооружено:

6 миноносок,
6 канонерских лодок,
2 малых парохода,
25 паровых катеров,
250 мин заграждения,

кроме того, сделаны некоторые оборудования для посадки и высадки войск.

В заключение в докладе говорится: „осуществление приготовлений, повлекших за собой помянутые расходы, в связи с успехами постройки черноморских броненосцев, довело уже в настоящее время нашу черноморскую судовую артиллерию до численности, которая должна почитаться значительнее турецкой (как судовой, так и босфорской береговой, вместе взятых).

Первая же победа нашего флота на водах Черного моря может быть тотчас закреплена, и плоды ее увековечены высадкой на Черноморское побережье, где бы то ни потребовалось, отряда сухопутных войск Одесского округа из 51 батальона, 8 батарей, 4 сотен казаков, всего около 1.400 офицеров, 35.000 строевых и 1.200 нестроевых нижних чинов и 2.000 лошадей при 64 орудиях".

„Вслед за этим отрядом, который может быть поднят и перевезен намеченными русскими коммерческими пароходами в один рейс, будут находиться в готовности к безотлагательной отправке из Одессы 85 береговых орудий и 9 рот крепостной артиллерии".

В том же 1889 году последовал и отпуск средств для постройки двух минных заградителей [1]) для Черного моря, для надобностей десантной экспедиции.

Отношение Англии к приготовлениям к захвату Босфора.

Приготовления России к операции на Босфоре не проходили незамеченными для Англии. В донесении русскаго военного агента в Лондоне от 18 октября 1891 года приводятся, в качестве образчика, как она реагировала на усиление нашего Черноморского флота, выдержки из газеты „Observer" по вопросу о том, каким образом туркам следует охранять Босфор против русских до прибытия английских броненосцев. По словам автора этой статьи, „стремление русского государства, которое составляло до сего времени не более как „piam desideriam", в настоящую минуту начинает приобретать более определенный и практически выполнимый облик, благодаря развитию на Черном море прекрасного боевого флота и многочисленной быстроходной транспортной флотилии". „В настоящее время", говорит газета, „русские имеют возможность предпринять атаку на Константинополь с большими шансами на успех, но насколько им удастся задержать занятую ими столицу Оттоманской империи, будет, конечно, зависеть от образа действий Британского королевства..." В другом месте говорится, что „во всяком случае английская средиземноморская эскадра должна быть во всякое время готова огнем вытеснить русских из Константинополя, и задачу эту она легко выполнит, если только во-время подоспеет на расстояние пушечного

[1]) „Буг" и „Дунай", по 400 мин. каждый.

выстрела к городу, а для этого она должна заранее занять выжидательную позицию вблизи заблаговременно намеченной морской базы".

Опасения вмешательства Англии, в случае предпринятия нами экспедиции на Босфор, с одной стороны и необходимость поддерживать средства наступления на уровне современных требований, с другой, постоянно требовали их усиления.

Уже в 1894 году возможность исполнения десантной экспедиции представлялась, при современном положении вещей, „крайне сомнительной" (как писал начальник Главного Морского Штаба главному командиру черноморского флота в письме от 14/IV 1894 года).

В 1895 году дважды имели место совещания под председательством военного министра об организации десантного отряда и пополнении недостающих транспортных средств. По докладе этого вопроса Николай II признал скорейшее окончание наших приготовлений на Черном море „безусловно необходимым".

Последние приготовления по организации экспедиции в период до 1896 г. сводились к усилению и оборудованию десантных средств, разработке деталей экспедиции, сбору сведений и оборудованию транспортных судов. Почти ежегодно пересматривался план посадки и перевозки войск.

Усиление черноморского флота сообщало все большую устойчивость этому плану.

Вскоре, в силу политических событий, вопрос о десанте на Босфор был поставлен на очередь, и к нему приковывается все внимание как со стороны военного, так и морского ведомств.

Приготовления к захвату Босфора 1896—97 г.

В 1896 году, вследствие осложнения дел в Турции, мысль об осуществлении операции на Босфор встала во весь рост.

Посол в Константинополе, Нелидов, подал министру иностранных дел обстоятельную записку, каковая намечала необходимость вмешательства царской России в турецкие дела и заключала в себе конкретные предложения о выступлении на Босфоре.

В виду особого интереса, который представляют последовавшие затем, хотя и не осуществленные приготовления к захвату Босфора, мы приводим почти полностью содержание этой записки.

„Положение дел в Турецкой империи,—писал посол,—обязывает заинтересованные на Востоке правительства озаботиться принятием решений относительно мер, к которым они, вероятно, вынуждены будут прибегнуть, и, может быть в весьма недалеком будущем. Опасность настоящего состояния Турции заключается, во-первых, в тревожном и возбужденном настроении столицы, во-вторых, в царящей в про-

винциях неурядице, способной вызвать там восстания. Хотя взаимодействие этих двух источников беспокойства и не подлежит сомнению, но рассуждая о принятии надлежащих мер, следует их тщательно различать. Россия менее непосредственно связана с турецкими европейскими и даже азиатскими провинциями, чем со столицей, и могущие возникнуть в них беспорядки только косвенным образом затрагивают наши интересы, тогда как переворот в Константинополе прямо и непосредственно отзовется не только на нашем политическом положении, но и на обеспеченности наших южных окраин, на общем строе и силе нашей обороны. Поэтому, оставляя пока в стороне вопрос о возможных последствиях вероятного возникновения предстоящей весной движения в европейской Турции, необходимо прежде всего изучить отношение наше к положению дел в самой столице Турецкой империи...“

Далее записка указывает, что в Константинополе царствует непрерывное беспокойство, близкое к панике, по причине опасения выступления и вызывающих действий со стороны армянских революционеров и в виду возможности свержения султана. При этом можно ожидать уличных беспорядков, убийств, что особенно опасно при распущенности турецкого войска. „Надеяться на возможность предотвратить эти печальные обстоятельства было бы тщетно. Султан, занятый исключительно интересами о своей личной безопасности, лишенный сочувствия своих поданных и потерявший на них нравственное влияние после того, как он сам способствовал возбуждению среди них религиозного фанатизма, не желает, да и не мог бы остановить диких страстей в народе...“ Турецкое правительство не было в силах совладать с армянским движением, не могло добросовестно выполнить требуемых армянами реформ, не обладая достаточной силой. Возникновение беспорядков ожидалось около 1-го февраля, во время праздника Рамазан, когда фанатизм и страсти мусульман особенно возбуждены, и может быть сделано нападение на христиан и их жестокое избиение. „За этим необходимо должно будет последовать вмешательство европейских держав“.

Указывая на то, что способом улажения тревожной обстановки могла бы быть постепенная замена турецкой администрации властью международной, „т.-е. поставить на проливах вместо Турции всю Европу“, посол говорил, что, во-первых, на это вряд ли добровольно согласится султан, а во-вторых—положение России потерпело бы несомненный ущерб, „ее существенные интересы были бы принесены в жертву Европе, ее безопасность на Черном море, а равно и свободное сообщение со Средиземным, навеки были бы утрачены, ибо, установившись на проливах, великие державы, несомненно,

поспешили бы там прочно обосноваться и только одна шестая этой общей силы и власти принадлежала бы нам".

„Все вышеуказанные обстоятельства, делающие в более или менее близком будущем почти неизбежным вооруженное вмешательство великих держав в турецкие дела, заставляют нас, как ближайших соседей, более других позаботиться о том, как следует России отнестись к подобному событию и какие принять меры для ограждения своих интересов. Ясно, что мы не можем допустить, чтобы у ворот наших, на проливах, утвердилась Европа, или чтобы сильные военные суда, будь то хоть по одному от каждой великой державы, подошли к Константинополю без того, чтобы мы предварительно оградили свою „безопасность в Черном море, укрепившись на Верхнем Босфоре..." Тут прежде всего представляется необходимость полной обеспеченности успеха дела, а первым условием для этого—внезапность и быстрота действия. Далее следует озаботиться тем, чтобы наши суда и десант могли появиться в Босфоре прежде, чем туда успели бы притти морские силы других великих держав,—хотя и сомнительно, чтобы при совместном действии всех держав мы могли бы встретить с их стороны материальное препятствие для входа в проливы, но они могут стать помехой для высадки нашей и овладения высотами обоих берегов Верхнего Босфора. Для этого нужно, чтобы при соблюдении строжайшей тайны флот и десант постоянно были бы готовы, чтобы по первому известию о необходимости движения они могли безотлагательно выйти в море. Известие это должно быть передано в Севастополь непосредственно из Константинополя, как только возникновение опасных беспорядков сделает неизбежным иностранное вмешательство. Если бы необходимость эта представлялась вследствие армянских нападений и султан еще находился в обладании своей властью, то за несколько часов до прибытия флота ко входу в Босфор надлежало бы его о том предупредить, предложив ему приказать впустить нас беспрепятственно и обещав ему, взамен добровольного соглашения на занятие нами верхнего Босфора, неприкосновенность его личности и верховной власти, тогда как в случае сопротивления мы поступили бы исключительно по соображениям личного свойства, не принимая в расчет его прав и выгод. Одновременно с этим следовало бы известить о принятом нами решении и другие великие державы и пригласить их, если желают, войти в Дарданеллы, при чем наша Средиземноморская эскадра непременно должна была бы действовать заодно с отрядами других государств, если бы они стали высаживать десант, сделать то же самое в достаточных для наших сил размерах.

Занятие нами верхнего Босфора и открытие Дарданелл для военных судов всех наций с нейтрализацией этого про-

лива и обезоружением его берегов представляли бы для нас самое выгодное, при настоящих условиях, разрешение вопроса о проливах и вполне обеспечивали бы нашу безопасность на берегах Черного моря, а равно и свободное сообщение со Средиземным".

„К таковому назначению должны были бы мы стремиться и в случае, если бы в Константинополе произошел внутренний переворот и низвержение султана. Неуверенность в будущих условиях правления, и опасность, которая угрожала бы нашим подданным, представили бы нам достаточный предлог для быстрого действия".

Записка высказывает мысль, что „одно появление наших броненосцев в Босфоре уже отрезвило бы мусульманскую чернь и даже разнузданное войско и способствовало бы немедленному прекращению тревоги".

„В том же случае, когда при более спокойном течении дел в Турции для принуждения султана подчиниться совместным требованиям великих держав являлось бы необходимым употребить материальное давление на него, то предварительно согласия на вступление в Дарданеллы иностранных военных судов, чем нарушались бы постановления трактатов о проливах, ограждавших доселе нашу безопасность в Черном море, мы должны были бы сами притти в Босфор и тогда пригласить к совместному с нами действию против Порты другие правительства".

Записка кончается следующим заключением: „весьма возможно, что как судьба турецкой столицы, так и участь самой империи будут решены в международной конференции или конгрессе, который должен будет быть созван лучше всего в самом Константинополе. Можно, однако, почти с уверенностью сказать, что ни одна из великих держав, каковы бы ни были ее морские силы вблизи проливов, не решится тотчас же с оружием оспаривать у нас обладание Верхним Босфором, или материально препятствовать нашему там утверждению". „Нам будет, следовательно, во всяком случае, открыта возможность прочно там основаться, что позволит нам с большим весом и со спокойным сердцем участвовать в разрешении дальнейших судеб земель, входящих ныне в состав распадающейся Турецкой империи".

Для обсуждения этой записки, 23 ноября 1896 года в Царском Селе состоялось под председательством Николая II совещание, с участием министров—военного, финансов, иностранных дел, управляющего морским министерством, посла в Константинополе и начальника Главного Штаба.

При обмене мнений, лишь один Витте выразил сомнение, что занятие верхнего Босфора без соглашения с великими державами по настоящему времени и при настоящих усло-

виях крайне рискованно и потому может иметь гибельные последствия.

Согласно же мнения большинства, совещание постановило: „поручить послу Нелидову, по возвращении к своему посту, изыскать вместе с представителями других держав, согласно предложения Великобританского правительства, средства для упорядочения и поддержания Оттоманской империи, при непременном условии обеспечить безопасность христианского населения, тщательно избегая, однако, таких мер, которые клонились бы к постепенной замене турецких правительственных учреждений общеевропейскими и к установлению международных порядков на берегу проливов. Послы шести великих держав должны всеми силами стремиться достигнуть, путем советов и увещаний, применения тех мер, которые окажутся необходимыми для достижения помянутой цели. Но если бы султан воспротивился принятию предложенных ему послами мер, или оттягивал бы под разными предлогами их осуществление, то послу нашему следует, путем доверительных разговоров с представителями других держав, выяснить заблаговременно, к какому именно способу принуждения их правительства предполагают прибегнуть. Таким способом, по всей вероятности, окажется морская демонстрация в Мраморном море, вопреки трактатам, постановившим закрытие проливов. В этом случае, даже при участии русской Средиземноморской эскадры в означенной демонстрации, мы не могли бы согласиться на вступление значительного числа иностранных судов в Дарданеллы, не заняв одновременно верхнего Босфора, для обеспечения условленного трактатами закрытия прохода в Черное море". Поэтому послу Нелидову поручалось также заблаговременно предупредить правительство о предположениях других держав, чтобы приказания черноморской эскадре могли быть даны своевременно, принимая во внимание, что с минуты единогласного решения всех правительств прибегнуть к морской демонстрации, судам их средиземноморских эскадр потребуется менее времени для вторжения в Дарданеллы, нежели русским судам для перехода из Севастополя и Одессы к Босфору.

„При нынешнем тревожном положении дел в Турции следует не терять из виду, что миролюбивые попытки послов не устранят, быть может, внезапной и насильственной развязки, вследствие происков армянских комитетов, новых кровопролитий и избиений в Константинополе, и, наконец, общего восстания против власти султана и низвержения его. При таких обстоятельствах появление иностранных средиземноморских эскадр перед Константинополем, для защиты своих соотечественников и христиан может произойти неожиданно, без предварительного соглашения послов, в виду чего, и чтобы не быть опереженными на Босфоре

российскому послу предоставляется, в крайнем случае, непосредственно предупредить секретной телеграммой главного командира черноморского флота о необходимости немедленной высылки эскадры с десантом в Босфор, уведомив о том же одновременно императорское правительство. Во всяком случае, при отплытии черноморской эскадры из Севастополя и Одессы, послу поручается предупредить султана о последовавшем бесповоротном решении, и предложить ему ручательство России за личную его безопасность, если он согласится содействовать, или, по крайней мере, ничем не препятствовать входу русских судов в Босфор и занятию десантами некоторых пунктов на обоих берегах пролива для ограждения прохода в Черное море" [1]).

Согласно решений, принятых в заседании 23 ноября 1896 года, были также сделаны и распоряжения о приготовлении Черноморского флота и экспедиционного отряда к выполнению десантной операции.

8-го января 1897 года под председательством вел. кн. Алексея Александровича при участии военного министра, управляющего морским министерством и других лиц военного и морского ведомств состоялось особое совещание, которое постановило: „для ближайшей подготовки всех средств, требуемых десантной операцией, выделить из существующей комиссии по обороне Черноморского побережья, особую исполнительную комиссию под председательством вице-адмирала Копытова [2]) с участием в ней представителей сухопутного ведомства".

Упразднять комиссию по обороне черноморских берегов было признано неудобным, т. к. за командующим войсками Одесского военного округа остаются все общие распоряжения по подготовке войск к десанту и обеспечению материальной их части, тогда как исполнительная комиссия главным образом была необходима для организации самих десантных средств и распоряжению ими. Далее постановление гласило:

„Хотя в общей инструкции, составленной для вице-адмирала Копытова, и упомянуто, что он не должен касаться Константинополя, но полагалось бы полезным высказать ему более точно, что целью утверждения сухопутного десантного отряда на берегах Босфора признается прочное занятие прилегающих к проливу позиций, включительно до Бейкоса на азиатском берегу и до Кара-Бурну—на европейском.

В зависимости же от результатов предшествующих переговоров нашего посла в Константинополе с Портой, при усло-

---

[1]) Архив Морискома дела №№ 354, 355, 356.

[2]) Н. В. Копытов был в это время главным командиром черноморского флота.

вии мирной уступки нам сей последней укреплений Босфорского пролива (или главной части оных), нашим десантным отрядом может быть занят этот район и не включающий позиций, находящихся у Бейкоса и Кара-Бурну, но, во всяком случае, отвечающий требованию надежной, твердой обороны Босфорского пролива от прорыва неприятельских судов в Черное море.

При ограниченности десантного отряда, особенно в первое время высадки, в.-адм. Копытов должен с большой силой занять европейский берег (к коему скорее могут прибыть турецкие подкрепления), сравнительно с азиатским (к нему подкрепления могут прибыть лишь издалека)...“

Протокол этого совещания был одобрен 11-го января 1897 года.

Того же 11 января военный министр Ванновский сделал царю доклад об организации самой десантной операции, сущность которой сводилась к следующему:

О наступлении обстоятельств, требующих выхода отряда к Босфору, посол в Константинополе должен был прислать условную телеграмму непосредственно на имя главного командира Черноморского флота, который с получением ее делал все приготовительные распоряжения для посадки десанта на суда. Выход же его в море может последовать не иначе, как по приказанию царя из Петербурга.

„Целью десантной операции ставится исключительно занятие верхнего Босфора, таким образом, не касаясь Константинополя. Изменения в ограничении сей цели могут последовать лишь по указаниям посла“ (на подлиннике это место подчеркнуто царем).

„Для выполнения операции назначаются:

а) Суда Черноморского флота (по особому расписанию, с дополнением в случае надобности судами по найму) под командой вице-адм. Копытова.

б) Сводный десантный корпус из 13 и 15 пех. дивизии с 4 стрелк. бригадой и дополнительными частями под командой ген.-лейт. фон-Шока.

Все распоряжения по исполнении десантной операции возлагались на вице-адм. Копытова, каковые должны быть исполняемы сухопутными войсками беспрекословно“. Для согласования этих распоряжений при Копытове был образован штаб из моряков и сухопутных под начальством ген.-м. Сахарова.

Доклад заканчивается так: „Предпринимаемая операция имеет столь чрезвычайную государственную важность, что должна быть исполнена бесповоротно. Вице-адмиралу Копытову подлежит быть столь же решительным, насколько и осторожным. Предварительными переговорами посла быть может будет достигнута передача нам босфорских укреплений

мирным путем; в таком случае своевременно извещенный в.-адм. Копытов потщится избегнуть всякого вооруженного столкновения с турками. Если же Порта уклонится от мирного решения вопроса, он не колеблясь приступить к занятию укреплений силой".

На основании этого доклада, было составлено аналогичное с его содержанием предписание адмиралу Копытову.

20 января 1897 года Копытов донес генерал-адмиралу, что он приступил к выполнению задач по подготовке десантной операции.

8 февраля 1897 года Копытов телеграфировал генерал-адмиралу: „целью возложенной на меня десантной операции определено исключительно занятие верхнего Босфора, но ныне в письме управляющего морским министерством от 4 февр. я поставлен в известность о принятых на совещании министров решениях и мне сообщено, что я обязан быть готовым на всякие случайности и на возможность противодействия со стороны Англии или войны, по меньшей мере только с нею, если еще не с флотами тройственного союза. Для возможного противодействия противникам я должен буду немедленно по прибытии заградить пролив минами и прекратить в нем торговое движение; в случае, если заграждения ожиданиям не ответят, я нахожу опасным прибытие с флотом одновременно и десанта при столь усложнившихся условиях предстоящих действий".

На это он получил ответ управляющего морским министерством адм. Тыртова: „условия занятия верхнего Босфора остаются прежние; условия ничем не усложнились, пункт моего письма предполагает худшее, но мало вероятное".

Между тем, напряженное положение на Балканах грозило ежеминутными осложнениями.

Письмом 24 марта 1897 года управляющий морским министерством сообщил Копытову, что в виду весьма возможной войны Греции с Турцией является вероятность десантной операции, но в иных условиях. Учитывалось, что успех будет, вероятно, принадлежать Турции и ее войска вступят в пределы Греции, при чем Европа будет вынуждена остановить Турцию.

Наиболее действительным для этого средством явится вступление европейских держав в Дарданеллы, а может быть и в Константинополь. „В этом случае нам предстоит, конечно, без согласия европейских держав, выйти с Черноморским флотом в Босфор и занять его укрепления десантом".

На самом деле обстоятельства не потребовали вооруженного вмешательства европейских держав и, следовательно, не дали повода осуществить задуманную операцию. Между

тем приготовления к ней были вполне закончены, флот и десант находились в полной готовности.

План десантной экспедиции 1897 года.

План десантной экспедиции, разработанный Копытовым и его штабом, предусматривал следующую организацию и порядок ее выполнения [1]).

Состав морских сил:

Эск. броненосец „Синоп".
„ „ „Чесма".
„ „ „Екатерина II".
„ „ „XII Апостолов".
„ „ „Георгий Победоносец".
„ „ „III Святителя".
Крейсер „Память Меркурия".
Кан. лодка „Терец".
Минные транспорты „Буг" и „Дунай".
Минные крейсера „Гридень" и „Казарский".
Военных трансп. 2.
Миноносцев 10.

На транспортах особый запас:

36—9″ мортир, 20—6″ орудий, 20—4-фунтовых, 6 скорострельных, 3 версты железной дороги.

Состав войск:

13 пех. дивизия.
15 „ „
4 стрелк. бригада.

Расчет мобилизации, включительно с посадкой войск и съемкой флота с якоря—12 часов, через каковой срок погруженный десант мог выйти по назначению.

Операции подготовки высадки и ее выполнения—были разработаны во всех деталях.

Подготовка десантной экспедиции после 1897 года.

В дальнейшем приготовления к экспедиции не прекращались, при чем следует отметить, что в течение пребывания на посту главного командира адмирала Копытова разработка планов ее велась особенно тщательно.

В 1903 г. весной этот вопрос был вновь выдвинут.

Имевшая место в 1902 году военно-стратегическая игра выяснила, что существующая подготовительная организация десантной экспедиции требует пересмотра и усиления.

---

[1]) Дело Морискома № 345.

Военным министром и управляющим морским министерством был составлен по этому поводу соответствующий доклад. Было приказано образовать комиссию из представителей морского и военного ведомств, под председательством генерала Протопопова. В марте—апреле эта комиссия имела ряд заседаний, и ее постановления свелись к следующему:

1) Состав десантного отряда предположено усилить назначением ряда новых частей Одесского военного округа, при чем общую численность передовых эшелонов, по приведению их на военное положение, к 6-му дню мобилизации предполагалось довести до (кругло) 94.000 ч. при головном эшелоне в 31.000. Кроме того, к портам должны были быть сосредоточены к 9-му дню мобилизации—14.000 крепостных и артиллерийских войск и к 14-му дню—до 64.000 резервных войск. Все войска, в количестве 160.000 ч., могли быть, по расчетам комиссии, собраны у Босфора к концу 16-го дня мобилизации.

По сведениям, имевшимся в распоряжении комиссии, турки могли сразу противопоставить десанту 17—18.000, к 11-му дню—108.000, а к 16-му—216.000. Даже учитывая худший состав турецких войск, это отношение сил считалось неблагоприятным для десантного отряда.

2) Комиссией была указана необходимость постройки 12 малых броненосцев, из коих 6—в ближайшее 5-тилетие [1]).

3) Намечено построить 4 воинских транспорта для обеспечения перевозки войск первого эшелона и заключить особые договоры для той же цели с пароходными обществами.

Затем — сформировать особый постоянный десантный батальон в Одесском порту, усилить артиллерийский запас (почти вдвое против того, что было раньше), увеличить количество мин заграждения, построить минные транспорты, улучшить десантные средства и пр.

Общая стоимость всех мероприятий исчислялась в 41.000.000 р.

Однако, им не суждено было осуществиться. Русско-японская война прервала эти начинания.

Планы войны 1903—1904 г.г. Чтобы закончить очерк боевых приготовлений черноморского флота в период до русско-японской войны, следует указать директивы, которые он имел в 1903—1904 г. г. на случай войны с тройственным союзом [2]).

„Основания для плана действий Черноморского флота при обороне Черного моря", утвержденные главным командиром Черноморского флота в начале 1903 года, составлены без

---

[1]) Не было заложено ни одного.
[2]) Дело Мерискома № 363.

участия десантной экспедиции. Согласно утвержденных планов обороны границ, полевые войска Одесского военного округа в случае столкновения с тройственным союзом должны были уйти на западный театр. Флоту ставилась задачей защита побережья Новороссийского края и замедление наступления противника на западном фронте, предоставлялось бомбардировать побережье, произвести демонстрацию высадки десанта и пр.

В случае появления превосходных сил противника на море, „основания" обязывали использовать флот лишь в строго оборонительном смысле, опираясь на береговые батареи крепостного района Очаков—Севастополь.

В 1904 году, 10-го мая, главный морской штаб писал в штаб черноморского флота: „подготовка босфорской экспедиции, требующая для обеспечения успеха значительных денежных средств, не может в настоящее время приводиться в исполнение в полной мере, вследствие неотложных расходов на войну с Японией. В случае каких-либо политических затруднений, если черноморскому флоту не представится возможным стать во главе босфорской экспедиции, т.-е. действовать наступательно совместно с войсками Одесского военного округа, то с теми же войсками необходимо участвовать в обороне Черного моря". Тем же предписанием требовалось составление плана участия черноморского флота в обороне Черного моря, каковой и был составлен.

План этот предрешал идеи, которые получили свое развитие в планах после русско-японской войны, когда вопрос о выполнении десантной экспедиции уже не ставился заданием флоту.

Заключение. 1) Хотя, в целом, воссоздание черноморского флота и приготовления к десантной экспедиции на Босфор протекали планомерно, но не трудно видеть, что они находились в полной зависимости от политической обстановки момента и тенденций, получавших преобладание в царском правительстве и в кругах обоих ведомств—военном и морском.

Задача, которая была установлена для Черного моря в 1881 году, и указание на ее первостепенную важность часто подвергались колебаниям, будучи затмеваемы балтийской и дальневосточной проблемами, что влекло за собой уменьшение кредитов на создание черноморского флота, за счет усиления балтийского. Только тогда, когда назревали события на Ближнем Востоке, экстренно отпускались средства для черноморского флота. Затишье тотчас отражалось на состоянии десантной экспедиции и судостроении. Так, затишье после кризиса 1897—98 гг. сказалось на недостаточном внимании к нуждам Черного моря в последующий период, и к 1903—04 году уже нужны были значительные ассигнования,

чтобы восстановить боевую силу флота и средства экспедиции.

Эта неустойчивость взглядов на важность задачи черноморского флота типична для всего периода от 80 гг. до мировой войны.

2) Необходимо отметить характерное явление; как раз накануне русско-японской войны босфорская проблема выдвигается вновь, вызывая к жизни крупные мероприятия для усиления средств флота и экспедиции, что следует сопоставить с предположениями Главного Морского Штаба об изменении сосредоточения флота [1]). В момент, когда царская Россия стояла перед неизбежной войной на Дальнем Востоке и не успела еще там сосредоточить достаточных сил, ставится задача, требующая полной перемены операционной линии и вытекающего из нея стратегического развертывания морских сил—захват проливов [2]).

3) Обоснованием судостроительных программ черноморского флота являлись задания к ним, вытекавшие исключительно из условий выполнения операции по захвату проливов, в частности, борьбы с приморскими укреплениями Босфора. Между тем, операция по захвату проливов в течение рассмотренного периода и всегда потом мыслилась не только в виде русско-турецкого столкновения, но и в сложной обстановке конфликта с европейскими державами. Здесь непременно требовалось согласование планов действия Черноморского и Балтийского флотов, разработка общих политических и стратегических директив, долженствовавших лечь в основу их развития и дислокации. Но ни политического, ни стратегического согласования мы не наблюдаем; наоборот, флоты развивались почти без всякой связи между собой, один за счет другого. Не было оперативной идеи, которая связывала бы их планы (лишь позже, перед мировой войной этот вопрос был поставлен на очередь—см. гл. VIII).

4) Это сказалось также и на выборе типов судов черноморского флота, линейные корабли которого в большинстве лишь удовлетворяли условиям боя с береговыми батареями и при прорыве Босфора, но не тактическим задачам эскадренного сражения.

5) К 1904 году Россия имела на Черном море организацию для осуществления десантной экспедиции и средства, которые уже начали устаревать. 1903—1904 годы явились как раз моментом, когда требовалось обновить и усилить их. Но русско-японская война прервала осуществление уже намеченных предположений, и в следующий период черноморский флот вступает, не будучи боеспособным в полной мере.

---

[1]) См. гл. II—объяснительная записка Гл. Мор. Шт. к судостроительной программе 1903 г.

[2]) См. записку вел. кн. Алекс. Мих. в гл. II.

6) На примере подготовки десантной экспедиции можно видеть очень редкий пример совместной и относительно дружной работы военного и морского ведомств. Пример, идущий, казалось бы, вразрез с общей несогласованностью их действий, каковую возможно проследить в течение всей подготовки России к мировой войне.

Однако, содружество ведомств не было слишком глубоко. Тот факт, что назначенные для десантной экспедиции части Одесского военного округа были введены в общий план развертывания армии на западной границе, а заменить их неподготовленными и второочередными частями было невозможно без ущерба для дела, свидетельствует о непрочности сознания всей важности подготовки экспедиции со стороны военного ведомства. Легкость, с которой были использованы для нужд русско-японской войны десантные запасы Одесского военного округа, лишь подтверждает это.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Русский флот после русско-японской войны

(1905—1909 гг.).

Постройка судов и судостроительные программы во время русско-японской войны. Первые мероприятия морского ведомства по усилению флота после войны. Создание морского генерального штаба. Запрос морского генерального штаба министру иностранных дел о политических задачах флота. Программа развития и реформ морских вооруженных сил России (доклад начальника морского генерального штаба 2 октября 1906 г. „Малая" судостроительная программа. Попытка согласования работ военного и морского ведомств. Стратегические основания для плана войны на море, одобренные Николаем II 19 марта 1907 г. Дальнейшее движение вопроса о программе судостроения. Отклонение Государственной Думой кредитов на судостроение. Повеление царя о постройке 4-х линейных кораблей для Балтийского моря. Общий обзор реформ морского ведомства в период 1905—1909 гг. Заключение.

Разгром русского флота в войну 1904—05 гг. не может быть объяснен только стратегическими ошибками, допущенными командованием при ведении боевых операций, хотя ошибки эти и имели громадное значение на исход войны. Основные причины обнаружившейся военной слабости царской России, давшие японцам столь полную победу, крылись в общих условиях того времени, когда государством управляла власть, внутренно разложившаяся, не способная к определенной твердой внешней политике, проводимой неуклонно и систематически, в полном соответствии с требованиями стратегии.

Россия нуждалась в обеспечении выхода на Тихий океан, что являлось одной из основных ее морских проблем. Но русский империализм не довольствовался этой задачей. Его стремления простирались далее—к достижению преобладания в Китае, к устранению конкурента, в лице Японии, на китайском рынке, к захвату господства в северо-западной части Тихого океана. Русская империалистическая политика была противопоставлена империалистической политике Японии, основной идеей которой являлось стремление выйти на материк и получить преобладание над Китаем. Столкновение этих империалистических стремлений являлось неизбежным.

Но в то время как Япония готовилась нанести удар, непрерывно собирала средства для борьбы, а ее правящие

круги вполне ответственно оценивали создающееся положение, – в России царило полное отсутствие плана, системы и понимания обстановки. В атмосфере прогнившего правительственного строя не могли сложиться идеи, которые направили бы политику и стратегию в русло обоснованных, продуманных мероприятий. Авантюристические стремления отдельных лиц, пользовавшихся властью и влиянием, спекулятивные тенденции концессионеров на Ялу [1]), планы безответственных руководителей политики сочетались с полной неподготовленностью к войне, необорудованным театром, отсутствием необходимых материальных средств и, наконец, с недостаточно разработанными стратегическими идеями. Правительство было под гипнозом „непобедимости России", пренебрегало врагом, совершенно недооценивая его сил и не учитывая той действительной военной мощи, какой обладала Япония в 1903—1904 гг.

Морское ведомство было не лучше и не хуже других ведомств. Оно отражало в себе тенденцию внутреннего развала, которая была столь характерна для всего аппарата правительства. Она выразилась здесь в запоздании с сосредоточением сил на Дальнем Востоке (японцы были готовы в 1903 г., мы же предполагали закончить сосредоточение в 1905 г., оставаясь до того слабее их), в необорудованности баз для флота (Порт-Артур не имел даже дока), в отвратительно поставленном снабжении, в негодности флота к войне, в отсутствии достаточно разработанного плана войны; дурная техническая часть, негодные снаряды, неудовлетворительные типы судов, неподготовленность личного состава, цензовая система прохождения службы (не дававшая движения способнейшим и талантливым), упадочное состояние военных знаний, отсутствие военного образования у большинства офицеров, и в особенности адмиралов, и пр. и пр.— все это в целом создало условия, при которых русский флот не мог победить.

Тот хаос в оперативной мысли, проявление которого мы могли видеть из изложенного в предыдущих главах очерка развития флота после 80-х годов, полностью сказался в русско-японскую войну. Потеря половины флота в Порт-Артуре (1-ой тихоокеанской эскадры) и полное уничтожение другой половины в Цусиме (2-ой тихоокеанской эскадры) явились логическим следствием предыдущей деятельности русского морского министерства.

Результаты войны известны.

Балтийский флот погиб. Несколько боевых единиц, которые уцелели, являлись жалкими обломками того грандиозного

[1]) Лесные концессии на Ялу принадлежали группе темных дельцов— Безобразову, Абаза и К°, в барышах которой были заинтересованы также некоторые члены царской фамилии.

сооружения, масштаб которого измерялся его задачами—соперничеством с флотом Германии на Западе и стремлением к преобладанию на водах Дальнего Востока. Из этих обломков должен был быть восстановлен флот, способный для разрешения морской проблемы государства обеспечить его морские границы и вывести на путь океанской мировой политики.

Новый созидательный процесс не начался тотчас после окончания войны. Первое время морское ведомство блуждало, не находя курса для новой работы. Его аппарат был явно неудовлетворителен, требовал для коренных реформ обновления. Средства государства были расстроены, началось мощное внутреннее брожение, разразившееся в протесте масс против господствовавшего режима, потрясшее его основы и выразившееся революционным движением 1905—1906 г.г. Сказанное создавало неблагоприятную обстановку для восстановления флота.

Недоверие широких кругов общества к ведомству, приведшему флот к „Цусиме", еще более осложняло задачу.

Должно было пройти значительное время, прежде чем морское ведомство получило возможность осуществить постройку новых боевых судов по программам, выработанным в соответствии с задачами флота. Наконец, определение самих задач не проходило безболезненно. Ряд противоречий, которые так характерны для внешней политики и стратегии России того времени, сказывавшихся на решении вопроса о флоте, не мало задерживали его создание.

Только в 1909 году было положено начало восстановлению судового состава. Почти три года отнял период переходного времени, в течение которого морское ведомство реорганизовывалось, устанавливались задачи флота, подготовлялась почва и прокладывалось направление, по которому пошло его дальнейшее развитие.

Обзору этого периода мы и посвящаем настоящую главу.

Постройка судов и судостроительные программы во время русско-японск. войны.

Первые неудачи флота в Порт-Артуре, вывод из строя нескольких судов нашей эскадры, побудили морское ведомство в середине 1904 года испросить кредиты на экстренную постройку, для пополнения убыли: 1 броненосного крейсера нового типа в 12—14 т. тонн, 3 крейсеров типа „Баян" и 2 минных заградителей типа „Енисей". Последние, т.-е. три крейсера и заградители, предполагалось, в виду срочности и нежелания затягивать постройку, осуществить по старым чертежам.

В 1904 году упомянутые суда были заложены, несмотря на то, что самые типы их уже являлись устаревшими [1]).

[1]) Главный морской архив, дело № 8006.

Независимо от морского ведомства, в виду обильного притока денежных пожертвований от общественных организаций и граждан на восстановление флота, был создан „Особый Комитет по усилению флота на добровольные пожертвования".

На собранные суммы Комитетом в период 1905—1907 г.г. были построены 18 больших миноносцев по 500—600 тонн водоизмещения и 2 подводных лодки. Позже из остатков средств был заказан в Германии известный „Новик", послуживший прототипом эскадренных миноносцев, состоящих в строю флотов и по настоящее время.

Постройка эта имела чрезвычайное значение для всего последующего периода. Долгое время после разгрома и гибели эскадр на Д. Востоке эти миноносцы служили основным ядром Балтийского флота (в период русско-японской войны они еще не были закончены и потому избежали гибели) и школой для личного состава, ибо постройка крупных боевых судов, как будет видно ниже, сильно задерживалась.

Помимо этих реальных мер по восстановлению флота, относящихся ко времени начала войны, в морском министерстве и в правительственных кругах обнаружилось стремление к разработке крупных программ судостроения.

К концу 1904 г., когда стало ясно, что силы флота на Дальнем Востоке недостаточны, было решено, в целях сохранения своего политического положения, дать ему сильное подкрепление.

19 октября 1904 года министерство иностранных дел выступило с докладом о необходимости теперь же принять меры к усилению военной и морской мощи России, „в целях защиты наших первостепенных государственных интересов от покушений извне и заключения прочного мира на выгодных для нас условиях" [1].

Однако, этот доклад был опротестован министром финансов, который заявлял, что „никакое государство, а тем более Россия, не в состоянии одновременно с ведением войны усиливать в сколько-нибудь значительной степени свою боевую готовность на суше, а тем более на море"... „Восстановление нами боевого флота,—писал Коковцев,—впредь до окончания войны должно быть по необходимости ограничено пределами выданных уже заказов и использованием уже существующих верфей и их подготовкой к сооружению боевых судов"...

Но вопрос о широком судостроении снова возник через несколько месяцев.

Пользовавшийся тогда большим влиянием адмирал Дубасов подал ряд горячо написанных записок [2] о необходи-

---

[1]) Дело Морискома № 803.
[2]) Дело Морискома № 11690.

мости, хотя бы с полным напряжением сил страны, немедленно приступить к постройке нового флота значительной силы и осуществить ее в два, два с половиной года. Он приводил при этом следующие доводы:

1) „Настоящей войной разрешается для России не только частный вопрос о том положении, которое она занимала перед войной и которое послужило ближайшим поводом к войне, но обширный общий вопрос о международных политических правах России на азиатском континенте, вопрос о том, приобретает ли Россия или не приобретает, удержит или не удержит за собой необходимое для нее господство на этом континенте...“

2) „Если Россия потерпит неудачу, то она не должна останавливаться перед новой войной для того, чтобы непременно приобрести и упрочить за собой это господство“.

3) „Логика прискорбных фактов настоящей войны не могла не убедить Россию, что достигнуть этой цели она может не иначе, как опираясь на грозную морскую силу, на флот, который в интересах настоящего тяжкого положения желательно и важно иметь теперь же или в самом ближайшем будущем“.

4) „Этот флот должен быть закончен безотлагательно, весь разом...“

5) „По чрезвычайной важности задачи, для которой новый флот будет строиться, следовало бы отпустить для этого хотя бы последние средства...“

Записка Дубасова была предметом особого междуведомственного совещания (13 апреля 1905 г.), на которое морское ведомство внесло и свои предположения о необходимости срочной постройки флота. Это совещание, состоявшееся за месяц до Цусимского боя, признало неосуществимым проект адмирала Дубасова в целом, однако, министр финансов соглашался отпустить некоторую сумму на новое судостроение (75 миллионов в семилетний срок). Что касается задач флота, о которых был выдвинут вопрос морским ведомством, то совещание высказалось в том смысле, что главное внимание должно быть обращено на восстановление тихоокеанского флота, а на Балтийском море нужно создать морскую оборону берегов с соответствующими базами и, если необходимо, одну эскадру, „как для самостоятельных действий, так и в виде резерва для Тихого океана“.

Относительно Черного моря совещание признало желательным, чтобы вопрос о проливах был вновь поставлен на очередь при первой возможности. Не признавая вероятным, чтобы наиболее благоприятное решение, т.-е. открытие проливов только для нашего флота, могло осуществиться, большее число членов совещания, тем не менее, высказалось за желательность решения вопроса в смысле открытия проливов

даже для всех, так как в этом случае явилась бы возможность для России иметь общий флот для всех ее морей. При закрытых же проливах—задача, которую до сих пор преследовал черноморский флот, именно занятие Босфора, по мнению военного министра, к которому присоединились и другие члены совещания, должна быть отдалена на несколько лет, так как особый запас, и вообще все не полные еще средства, заготовленные военным ведомством для десантной экспедиции, в настоящее время получили другое назначение и употреблены для надобностей войны с Японией.

Поэтому совещание признало необходимым поддерживать черноморский флот в настоящем его составе, перевооружая суда по мере необходимости и заменяя устаревшие из них новыми, которые должны быть такого типа, чтобы быть пригодными для действий в открытом море.

Между прочим, в постановлении этого совещании сказано: „задачу же, служившую до сих пор основанием всех судостроительных программ черноморского флота, т.-е. занятие Босфора, отложить до более благоприятного времени“... [1])

Через месяц после этого совещания произошел цусимский бой.

Разгром флота в русско-японскую войну.

Кампания была проиграна. Обстановка резко изменилась.

Предположения, которые высказывались еще недавно об усилении тихоокеанской эскадры и о дальнейших задачах флота, уничтожения которого никто не ожидал, отпали. Морское могущество России сделалось нулем.

Вот данные, чем располагала Россия на море в период войны и что у нее осталось к 1906 г.

	Было в составе обеих эскадр Тихого океана.	Оставалось к концу войны.
Эскадренных броненосцев . . .	15	1
Броненосцев берегов. обороны .	3	—
Крейсеров 1 ранга	14	7
„ 2 „	5	2
Минных заградителей	2	—

Первые мероприятия морского ведомства по усилению флота после русско-яцонской войны.

Под давлением общественного мнения царское правительство еще до заключения мира поспешило принять меры к реорганизации морского управления.

Первым шагом в этом отношении было устранение Николаем II безответственного и переставшего заниматься делами флота главы ведомства генерал-адмирала Алексея Александровича. Вместо него был назначен министром адмирал

[1]) Дело Морискома № 8006.

Бирилев, назначение коего сопровождалось „рескриптом" (рескрипт 29 июня 1905 г.), в котором новому министру давался ряд директив относительно „курса", которого он должен держаться в деле возрождения флота (поднятие и укрепление дисциплины, общие указания на необходимость реформы ведомства, о введении практического заграничного плавания для гардемарин и пр.).

Директива о восстановлении материальных сил флота гласила:

„Что касается выработки и выполнения будущих программ судостроения, то первейшей священной обязанностью морского ведомства я считаю безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр".

Эти указания легли в основу работы морского ведомства на первое время после войны.

Почти одновременно (8 июня 1905 года) было создано учреждение, имевшее в течение всего рассматриваемого периода большое влияние на дальнейшее развитие флота— совет государственной обороны с вел. кн. Николаем Николаевичем во главе, подчиненный царю непосредственно.

На совет возлагалось: а) обсуждение общих мероприятий военного и морского ведомств; б) наблюдение за последовательным их выполнением; в) обсуждение главнейших предположений военного и морского ведомства в целях войны. г) наблюдение за осуществлением мер обороны страны; д) обсуждение изменений в деятельности военного и морского ведомств; е) обсуждение и согласование междуведомственных разногласий по вопросам государственной обороны [1]).

Морское министерство все свои главнейшие начинания по подготовке к войне впредь должно было проводить через этот совет.

Приступив к разработке планов, морской министр 3-го сентября 1905 года обратился к председателю совета государственной обороны, испрашивая совета для предстоящей разработки судостроительной программы по следующим вопросам: „1) Надлежит ли во всех морях иметь самостоятельные флоты, разумея под словом „самостоятельные" положение, по которому в каждом море имеются свои судостроительные верфи и адмиралтейства с заводами, способными снабжать флот боевыми и прочими припасами. Или попрежнему Балтийское море будет служить главным депо эскадр и отдель-

[1]) Дело Морискома № 3276.

ных отрядов судов, посылаемых в различные моря, и останется главной базой в смысле судостроения, ремонта и снабжения боевыми припасами и личным составом? 2) Какие задачи будут возложены на флот отдельно или совместно с сухопутными силами в каждом отдельном море?" [1])

Однако, этот намек на желание получить задания для флотов остался без ответа. Последовавшее осенью восстание в черноморском флоте, а затем революция 1905 и 1906 г.г., прокатившаяся по всей России, оттеснили вопросы стратегического характера, к каковым принадлежал и вопрос о судостроении, на второй план.

Лишь в апреле 1906 года морской министр вновь собрал совещание для решения некоторых вопросов, связанных с программой судостроения на ближайшие годы, для подготовки представления в Государственную Думу.

В своей речи адмирал Бирилев сказал, что „военные силы государства должны развиваться по определенной программе; политика должна указать на нужды, министерство финансов укажет сумму, которая может быть отпущена на удовлетворение этих нужд, а надлежащее министерство разработает соответственную программу развития этих сил". „В действительности этого нет и нам приходится обойтись собственными соображениями".

В этом и ряде последующих заседаний совещания были подвергнуты обсуждению вопросы нового судостроения. Из постановлений, имевших принципиальное значение, необходимо отметить следующие [2]):

„1) Береговая оборона недействительна, если она не поддерживается боевым флотом; посему одновременно с ней необходимо иметь и боевой флот.

„2) Вследствие эволюции типа боевого корабля, данный момент наиболее благоприятен для восстановления флота; следует его теперь же развивать. Современных кораблей еще нет ни у кого. Всем в одинаковой мере надо строить флот, и России, чтобы не уступать в будущем возможному противнику, необходимо приступить как можно скорее к постройке больших судов".

Здесь же были намечены и основные черты нового типа линейного корабля.

30 сентября 1906 года морской министр собрал совещание по вопросу о судостроении, на которое были приглашены министр финансов Коковцев и государственный контролер Шванебах. Ознакомив собравшихся с вопросом и указав, что „в октябре все постройки придут в такое положение, что надо распускать рабочих, если не дать работ и заказов",

[1]) Дело Морискома № 7682.
[2]) Дело Морискома № 8006.

он просил решить теперь же вопрос о необходимости немедленной постройки двух или четырех линейных кораблей.

Оба приглашенных министра выразили принципиальное согласие на отпуск необходимых кредитов. Этим была подготовлена почва для поднятия вопроса о новом судостроении, с надеждой на его осуществление.

Учреждение морского генерального штаба.

Прежде, чем перейти к изложению этого вопроса, необходимо остановиться на крупной реформе в управлении морским ведомством—на создании морского генерального штаба. В последующем все вопросы, связанные с восстановлением флота, рождаясь большей частью в его недрах, осуществлялись при его непосредственном и деятельном участии.

До того времени аппаратом для управления морским ведомством являлся главный морской штаб, организация и деятельность которого, особенно в последнее время перед русско-японской войной, была одной из причин поражения русского флота.

Все дела ведомства сходились к главному морскому штабу, начальник коего имел обязанностью: 1) составление соображений об ежегодной программе плавания судов и плане мобилизации флота на случай военных действий, средствах для обороны берегов и ведения крейсерской войны; 2) охранение дисциплины во флоте и инспектирование экипажей, судов, береговых команд, госпиталей и тюрьм, и 3) наблюдение за ходом военно-морского и строевого обучения личного состава.

Кроме того, начальник главного морского штаба ведал многими вопросами чисто распорядительного характера.

Работа главного морского штаба шла непланомерно, благодаря смешению в нем различных функций и дурной организации. Начальник главного морского штаба был поставлен в условия, при которых он фактически не мог отдаться всецело важнейшим вопросам, решения которых требовала подготовка флота к войне и руководство ею.

Один из морских офицеров, лейтенант Щеглов, отражая общее недовольство деятельностью главного морского штаба, каковое сложилось в командных кругах флота после неудачной войны, подал записку „Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны", имевшую очень крупное влияние на реформу аппарата управления морским ведомством. Он в ней говорит: „нет такого распоряжения, которое бы не исходило от начальника главного морского штаба. Так, напр., высочайшая особа пожелала иметь фотографические снимки пробоин „Новика" и начальник главного морского штаба собственноручно делает соответствующие распоряжения письменно, при чем из того, что слова „прошу сделать скоро, экстренно" трижды подчеркиваются, можно су-

дить, как горячо начальство штаба относилось к этому распоряжению. Когда, вследствие гибели адмирала Макарова, для спешных распоряжений потребовалось возвращение в Петербург с охоты генерал-адмирала, то начальник штаба озабочивается высылкой экстренного поезда на станцию Верещино. В то же время начальника штаба терзают телеграммами о розыске чертежей клеток для броненосцев „Бородино“ и „Орел“, а главный командир „убедительно“ просит начальника главного морского штаба немедленно выслать 4 пульзометра и шланги к ним; на все это начальник штаба собственноручно дает телеграфные ответы, точно так же, как вступает в собственноручную переписку с ведомством православного вероисповедания, испрашивавшего разрешение студентам духовной академии осмотреть Невский и Балтийский заводы...“

„Мог ли, — пишет Щеглов, — начальник штаба при таких условиях сосредоточиться на ходе военных событий? Мудрено ли, что распоряжения военного характера, исходившие из главного морского штаба, были необоснованы и прямо вредны?“.

Существовавший военно-морской ученый отдел главного морского штаба, являвшийся оперативным органом последнего, тонул в общем хаосе разнообразных дел.

Главный морской штаб требовал реформы. Это сознавалось многими офицерами флота, из среды которых был выдвинут проект о создании морского генерального штаба, который должен ведать оперативными вопросами и плановой подготовкой флота к войне, с оставлением за главным морским штабом лишь строевых и распорядительных функций.

Морской министр адмирал Бирилев не сочувствовал этому движению. Проект о создании генерального штаба был подан окольным путем Николаю II, которого убедили в необходимости реформы [1]).

В результате, 2-го апреля 1906 года был образован морской генеральный штаб. Его учреждение сопровождалось следующим рескриптом на имя морского министра:

„Начатые обширные государственные преобразования, направленные к обновлению и преуспеванию дорогого отечества нашего, могут быть с успехом приведены в исполнение лишь при уверенности русских людей во внешней безопасности государства и при сознании неизменного международного положения России, как великой державы. Для достижения этой цели крайне необходимо воссоздание соответственного боевого флота в ряду других вооруженных сил империи и содержание в полной боевой готовности, без которой никакой

[1]) Главным проводником идеи создания морского генерального штаба при дворе был начальник морской походной канцелярии А. Ф. Гейден.

флот не может быть на высоте своего государственного значения.

Все усилия и все затраты, которые будут делаемы государством для постройки и боевой подготовки флота, тем не менее могут остаться тщетными, доколе в деле его устроения не будут положены новые начала, обеспечивающие правильную, целесообразную работу всего морского ведомства. Посему, признавая наиважнейшим для флота безотлагательное и коренное преобразование главного морского штаба, ныне ведающего боевой готовностью морских сил, повелеваем: 1) Выделить ныне же из состава главного морского штаба стратегическую часть и связанную с ней организационную часть мобилизации флота в самостоятельное ответственное учреждение, в ряду других установлений. 2) Морской генеральный штаб имеет предметом своих занятий составление плана войны на море и мероприятий по организации боевой готовности морских вооруженных сил империи. 3) Начальник морского генерального штаба определяется и увольняется именным высочайшим указом правительствующему сенату и высочайшим приказом по морскому ведомству. 4) Начальнику управления морского генерального штаба быть по должности непременным членом совета государственной обороны. 5) Всеподданнейшие доклады морского министерства по управлению морского генерального штаба делать лично начальнику сего управления в присутствии морского министра. 6) Приступить теперь же, в особом совещании, к разработке наказа и временных штатов морского генерального штаба, каковые могут подлежать изменениям по указанию опыта. Да послужит это коренное преобразование одного из главнейших учреждений морского ведомства залогом обновления и стройного развития нашего флота и да укрепит рвение и усердие его личного состава".

1-го мая морской генеральный штаб начал организовываться. Во главе его был поставлен один из выдающихся офицеров того времени—капитан I-го ранга Брусилов.

Запрос морского генерального штаба министру иностранных дел о политических задачах флоту.

Приступая к начальным шагам своей работы, морской генеральный штаб был, прежде всего, озабочен выяснением политических задач флота и обстановки. С этой целью капитан I-го ранга Брусилов написал министру иностранных дел письмо [1]), в котором указывал, что работа вновь образованного морского генерального штаба „требует раньше всего правильной точки отправления, заключающейся в том, что флот следует строить

---

[1]) Письмо начальника морского генерального штаба Извольскому от 24-го июня 1906 года, № 629.

в полном соответствии с заданиями, выполнение которых будет на него возложено. Указать эти задачи может только политика, как главный руководящий элемент страны". Поэтому Брусилов запрашивал, заключается ли главная задача:

„1) В удержании нашего политического положения в Европе и безотлагательном обращении всех сил и средств на создание флота в Балтийском море, считая соседей на нашей западной границе наиболее опасными?

2) Остались ли на Черном море прежние политические задачи, при которых флот имел определенное назначение— закрыть Черное море, заняв верхний Босфор, или задачи флота расширяются и приобретают постепенную важность в зависимости от направления вопроса о черноморских проливах, македонского и, наконец, серьезности нарождающегося панславитского движения, могущих весьма быстро вызвать на очередь решение вопросов Ближнего Востока мечом?

3) На Дальнем Востоке после проигранной войны наше положение настолько изменилось, что необходимы указания относительно задач, какие предположено преследовать на Тихом океане, чтобы в соответствии с этим приготовить безошибочно нужные силы".

Ответ Извольского [1]) не содержал в себе просимых указаний. Он сообщил, что „в сфере отношений между Россией и Англией за последние годы стало замечаться стремление Великобританского правительства достигнуть такого соглашения обеих великих держав, которое устранило бы повод к столкновениям и внезапным недоразумениям".

Указав, что имеются признаки желания Англии договориться с Россией по всем спорным пунктам, министр иностранных дел не дал, однако, прямого ответа начальнику морского генерального штаба, сославшись на необходимость обсуждения вопросов, могущих быть возбужденными на предстоящих переговорах между Россией и Англией в особом междуведомственном совещании ответственных представителей ведомств с участием начальников генеральных штабов.

Не получив указаний из министерства иностранных дел, морской генеральный штаб был свободен в комментариях политической обстановки, и старался самостоятельно подвести политические основания в свои стратегические предположения. Это мы и видим в первом большом докладе начальника морского генерального штаба царю, который был сделан 2-го октября 1906 года о „программе развития и реформ морских вооруженных сил России".

---

[1]) Письмо Извольского Брусилову от 1-го августа 1906 года, № 976.

Программа развития и реформ морских вооруженных сил России. Доклад начальника морского генерального штаба 2 октября 1906 года [1]).

Этот доклад создает определенный рубеж в общем ходе мероприятий и плановых предположений морского ведомства после русско-японской войны. Подводя итог состоянию флота к 1906 году, он намечает следующие перспективы его воссоздания.

„Развитие вооруженных сил страны только тогда может совершаться планомерно, когда необходимость их вызывается удовлетворением потребностей внешней политики".

„При создании нашего флота великим основателем была ясно определена цель и программа создания морских вооруженных сил. Но когда эта программа была исчерпана, то в последующее время никакой твердой идеи развития морских сил не существовало. Правда, были неоднократно попытки определить задачи флота и соответственно им развить морские вооруженные силы, но попытки эти никогда не были доведены до конца, частью по финансовым причинам, частью по отсутствию преемственности взглядов лиц, стоящих во главе военно-морского управления.

Хотя отечество наше упрочило и расширило свои границы благодаря морским войнам, но отсутствие ясной и определенной программы подготовки к войне мы возмещали чрезвычайным напряжением сил в решительные моменты.

Руководители нашей военной политики не понимали тогда, что морская сила государства вырастает медленно и не терпит в направлении своего развития скачков и перерывов, и что поэтому, дабы ускорить рост, нужен прежде всего стройный и предусматривающий ее развитие на десятки лет вперед план ее создания. Такого плана у нас не было.

Вследствие этого, ближайшей задачей морского ведомства в настоящее время является:

1) упорядочить имеемые морские силы и средства,

2) установить цель и программу дальнейшего развития морских вооруженных сил".

Охарактеризовав основные условия организации флота (назначение судов, организация соединений, разделение флота на категории, основы комплектования) и организации подготовки театров военных действий, начальник морского генерального штаба с особенным вниманием остановился на стратегических задачах и путях к воссозданию флота.

Сущность доклада сводилась к следующему:

а) Обзор состояния флотов.

Балтийский флот. „Мысль о необходимости для нас надежной защиты балтийских вод в виду быстрого и плано-

---

[1]) Архив Морискома, дело—отдельный печатный оттиск.

мерного роста флота Германии еще задолго до войны озабочивала морское министерство, которое и наметило соответствующее этой цели кораблестроение. В 1896 году политика наша на Дальнем Востоке потребовала присутствия значительных наших сил в Тихом океане, и под этим влиянием забота о Балтийском море постоянно отходила на второй план. В Балтийском море созидались корабли исключительно для эскадр Тихого океана, которые и уходили по назначению по мере своей готовности.

„Во время войны 1904 года спешно была начата постройка на добровольные пожертвования минных крейсеров, предназначавшихся также для Дальнего Востока, куда уже были отведены все суда, имевшие хотя какое-либо боевое значение. Таким образом, состав и типы судов балтийского флота неизбежно являются как бы случайными".

К 1906 году в балтийском флоте состояли крупные суда:

2 броненосца („Слава" и „Цесаревич").

1 броненосец старой постройки („Александр II").

2 броненосных крейсера („Россия" и „Громобой").

4 крейсера I-го ранга („Олег", „Богатырь", „Диана", „Аврора").

Характеризуя качества линейных судов, начальник морского генерального штаба указал, что все они являются весьма несовершенными и ничтожными в количественном отношении по отношению к нашим возможным противникам. Линейным кораблям не придано, кроме того, никакой организации, а потому „в Балтийском море линейные суда ни в каком отношении не представляют реальной силы".

Приводя состав минных судов:

20 минных крейсеров,
11 миноносцев типа „Сокол",
10 „ „ „Циклон".
40 номерных миноносцев,

он говорит, что „по численности они весьма близки к минному флоту Германии, но в виду отсутствия должной организации, прочного и хорошо подготовленного кадра команд, отсутствия пловучих средств для обслуживания, деликатные их механизмы быстро приводятся в негодность, и в настоящее время все 40 миноносцев должны быть подвергнуты капитальному ремонту".

Точно так же, „располагая 5 подводными лодками, необеспеченными постоянным и полным кадром, нет залога для прочной их организации".

Военные порты и их оборудование. Переходя к портам, начальник морского генерального штаба свидетельствовал, что за последние 10 лет все средства шли на с-у достроение, не уделяя пропорционального количества их на

оборудование портов. В результате портовое хозяйство оказалось в печальном состоянии.

В Кронштадте (главном порте Балтийского моря) из 4-х имеющихся доков для больших кораблей годен только один, и то при нормальной осадке, в случае же аварии и вынужденного увеличения углубления судов негоден и он. Кронштадский завод построен 50 лет назад и за этот период совершенно не следовал развитию техники: мастерские малы, дурно оборудованы, водоснабжение Кронштадта в невозможном состоянии, отсутствуют пожарные организации при доках; в отношении погрузки угля порт удовлетворяется первобытными способами. Вследствие неудовлетворительности освещения ночные работы в порту затруднительны.

„Ко всем недочетам Кронштадтского порта следует прибавить еще один — недостаточную его защиту крепостными сооружениями.

Дальность стрельбы современных орудий дает возможность бомбардировать Кронштадт, что представляет для него величайшую опасность, по причине большого скопления взрывчатых веществ..."

Средства следующего по величине после Кронштадта порта Либавы так же недостаточны, многих необходимых станков нет, нехватает пловучих средств и пр.

Свеаборгский порт рассчитан лишь для обслуживания 10 миноносцев.

Петербургский военный порт также имеет ряд крупных недочетов.

Недостаток снабжения, отсутствие в портах неприкосновенных запасов и прочего, необходимого флоту, приводило начальника генерального штаба к такому же безотрадному выводу, как и при обзоре судового состава.

Черноморский флот. В составе Черноморского флота к 1906 году были следующие суда:

8 броненосцев: „Чесма", „Синоп", „Екатерина II", „Георгий Победоносец", „XII Апостолов", „Ростислав", „3 Святителя", „Пантелеймон" [1]).

2 крейсера—„Кагул" и „Очаков".

1 старый крейсер—„Память Меркурия".

3 минных крейсера: „Капитан Сакен", „Гридень", „Козарский".

13 эскадренных миноносцев.

10 миноносцев.

2 минных транспорта.

6 канонерских лодок.

10 транспортов.

---

[1]) Бывший „Кн. Потемкин Таврический".

В постройке: 2 эскадренных броненосца („Евстафий“ и „Иоанн Златоуст“). 4 минных крейсера (типа „кап. Баранов“).

Приводя перечень судового состава черноморского флота, начальник морского генерального штаба говорил, что, хотя он и составлял по численности почти полную боевую эскадру, но так как создавался в течение большого периода времени, за который военно-морская техника быстро прогрессировала, а наше судостроение не успевало за ней следить, большая часть судов построена по устаревшим чертежам. В настоящее время суда первой постройки настолько отличаются по своей конструкции и вооружению от позднейших, что было бы нецелесообразно ставить их в одну боевую линию. Кроме того, огромный недостаток морской силы на Черном море заключается в отсутствии подводных лодок. Черноморский флот, действуя даже в настоящем своем составе, в связи с подводным флотом, мог бы широко развить оборонительные операции у проливов“.

Что касается портов Черного моря, то доклад генерального штаба рисует их состояние таким же, как и в Балтике.

В Севастополе негодны доки для новых судов, порт плохо оборудован и снабжен, не организована подача запасов на корабли, существующая крепостная защита не обеспечивает безопасности порта.

В Николаеве, который уже 5 лет строил боевые суда, нет никаких современных приспособлений для облегчения и удешевления работы. Канал доведен только до 25 футов глубины, так что приходится достраивать корабли в Севастополе; отсутствуют доки для больших судов и миноносцев.

Начальник генерального штаба объяснял общий упадок черноморского флота тем, что в течение ряда лет, когда все внимание было направлено на Дальний Восток, пренебрегался вероятный противник черноморского флота—турецкий флот и была неправильной организация его управления.

В Тихом океане. На Тихом океане оставались незначительные силы: 2 крейсера („Аскольд“ и „Жемчуг“), 1 канонерская лодка („Манджур“) и 13 эскадренных миноносцев.

Состояние Владивостока для их обслуживания признавалось достаточным.

б) Военно-политическая обстановка.

В этой части доклад генерального штаба касается общих условий, при которых происходило развитие флота, и комментирует военно-политическую обстановку, сложившуюся после русско-японской войны.

„В развитии военного флота были периоды,—говорит доклад,—когда он был в полном забвении, чего никогда не случалось с армией. Эта неустойчивость в принятом курсе

отражалась тяжелым образом и на состоянии флота и на программах судостроения и служила причиной громадного разнообразия в самих типах кораблей, чем русский флот всегда очень невыгодно отличался от однородных флотов сильных морских держав.

Шаткость идеи предопределенного противника, против которого строился и готовился флот, вынудила Россию к самой гибельной операции — перемене противника почти накануне войны. Эта операция стоила нам гибели флота и вместе с тем потери не только международного престижа, но и государственной безопасности.

С лишением флота стало ясно до очевидности и его значение. Положение России вдруг стало критическим. Со всех сторон выступила возможность событий самого грозного свойства, бывших доселе в скрытом состоянии и казавшихся нам парализованным призраком нашего флота.

Утрата флота на Дальнем Востоке повлекла за собой неисчислимые потери и сразу вынудила нас оставить там огромную армию, присутствие коей на время сдержит вожделения противника, но едва ли спасет наше достояние от дальнейших захватов... Флот был единственным защитником Дальнего Востока, идея защиты которого флотом была совершенно правильная и единственно возможная, но не выполненная по непониманию сущности современного флота, не могущего оперировать без надежно оборудованных баз, черпающих свои ресурсы на месте, отсутствия проверки боевой готовности флота непрерывным плаванием и маневрами, имеющими объектом определенного противника.

Война косвенно, а смута непосредственно повлияли на ослабление черноморского флота. Между тем, участие России в решении всех вопросов Ближнего Востока потребует наличности сильного флота в Черном море, отказ же от участия в решении их повлечет еще более тяжелые последствия, нежели поражения на Дальнем Востоке.

Утрата флота на Балтийском море имеет еще более реальное значение, она не только чревата грозными последствиями в будущем при господстве на море могущественного соседа, но и отзывается расстройством самого государственного организма".

„Значение флота в общем состоянии государственной мощи столь огромно, что отсутствие его совершенно изменяет политическую и военно-стратегическую обстановку".

Обрисовав положение военно-морских приготовлений возможных противников, а также возможные враждебные политические комбинации, начальник морского генерального штаба приходит к выводу, что Россия поставлена в условия борьбы на два фронта—восточный и западный.

„Руководительницей на восточном фронте будет Япония, а в случае вмешательства в войну Китая положение наше будет до чрезвычайности трудное, так как должно повести к отступлению России от берегов Тихого океана, так как в случае сосредоточения наших сухопутных сил для защиты Уссурийского края они легко могут быть отрезаны Китаем".

„Руководительницей на западном фронте будет Германия, обладающая кроме могущественной армии еще организованным и сильным флотом".

„Правый фланг нашего западного фронта — Балтийское море с прилегающими к нему Прибалтийским краем и Финляндией—за отсутствием у нас флота, совершенно обнажен вплоть до самой столицы".

„Левый фланг нашего западного фронта прикрывается черноморским флотом. Турция, примкнувшая к коалиции тройственного союза, для отвлечения сил наших от западной границы, может повести наступление на Закавказье. Парализовать это наступление может только флот, ударом в самое чувствительное место Турции, при чем предвидится возможность столкновения нашего флота соединенными силами турецкого, австрийского и румынского флотов".

„Что на всем западном фронте решается судьба России, не может быть сомнений. Колоссальное напряжение существующих сил обоих противников на западной границе доказывает это с полной очевидностью. Поражение здесь грозит самому бытию государства и отсюда ясно, какое громадное значение получит ослабление наших сил на западном фронте и фланге. Стратегические условия Балтийского моря, допускающие глубокий охват правого фланга, столица, лежащая на морском берегу, отсутствие флота на этом море, готовность к наступлению двух флотов и десантов, брожение на окраинах, возможность восстания в Финляндии в случае роковой борьбы прямо указывают, что наш правый фланг, а следовательно, весь западный фронт, находится в грозной опасности".

Оценивая обстановку момента, начальник генерального штаба приходит к заключению, что наш главный противник— Германия. Но не только Германия. Он склонен еще более опасным врагом считать Англию.

Примечание. В докладе приводится историческая справка в развитие этой мысли. „Направляющей рукой была всегда Англия. Для приобретения господства на морях, постоянное стремление Англии состояло в том, чтобы ослаблять флоты всех прочих морских держав. Стремление это обнимает обширное поле действий Англии на всеобщем политическом поприще и имело громадное значение на всех путях к достижению исторических задач". Англия при Петре I трижды присылала флот в Балтийское море, но это не помешало Петру закончить великую северную войну выгодным Ништадтским миром, при содействии созданного им флота. По приобретении нами Крыма, Англия прилагала все усилия, чтобы возбудить против нас Швецию и Турцию,

и давала Швеции субсидию для ведения войны. Лишь решительные победы Ушакова склонили Турцию к выгодному для нас миру 1791 года. Одновременно только Балтийский флот успел спасти Петербург от нападения шведов. В Шведскую войну 1808—09 г.г., закончившуюся присоединением Финляндии, Англия присылала в Балтийское море свой флот с враждебными для нас целями. В 1841 году усилиями Англии Босфор был поставлен под контроль всех европейских держав и Ункиар Исскелесский договор изменен в невыгодную для нас сторону, а в 1854—55 г. Черноморский флот был уничтожен лишь в интересах одной Англии, и по ее настоянию внесена статья, коей Россия лишалась права держать свой флот на Черном море. В русско-турецкую войну Англия оказывала явную помощь Турции. В русско-японскую войну—явное содействие Японии. „Ныне Англия пробует почву для соглашения с нами по самым разнообразным политическим вопросам, а может быть и для союза, имея, повидимому, к тому веские причины". „Три раза Россия была в союзе с Англией, но все три раза этот союз имел одни бедственные последствия. В 1800 году союз кончился тем, что эскадра Ушакова, по причине враждебного отношения англичан, принуждена была вернуться. У союзника нашего, Дании, была разгромлена столица. В 1807 году был снова разрушен Копенгаген, захвачен Датский флот, а потом и русская эскадра Сенявина".

„Англия теперь ищет соглашения с нами, а может быть и союза. Цель его—вызвать обострение отношений наших с Германией и втянуть нас в войну с ней. Англия хочет одновременно потрясти окончательно наше могущество на суше и ослабить своего соперника—Германию—на море. Заручившись согласием Франции и с нами, Англия поставит Германию в тиски. В таком положении Германия не сможет спокойно ждать усиления соседей и будет вынуждена броситься на Россию, как менее готовую, и против которой могут быть сосредоточены и силы ее союзника Австрии.

В этой борьбе Англия, не участвуя лично, пожнет только плоды.

Обострение отношений с Германией грозит нам величайшей опасностью, с Англией же не меняет дела, так как эти отношения были всегда враждебны. Содействия реального, согласно исторического опыта, в наших делах Англия не окажет.

Поэтому все шансы за союз с Германией против Англии. Нам представляется редкий случай воспользоваться тем, что могущественная держава стремится и готовится к борьбе с Англией, и надо всячески способствовать этому. Такой случай был у нас в начале прошлого столетия и теперь мы можем учесть, во что нам обошелся отказ от него. Нам надо стремиться достигнуть того союзом с Германией, чего хочет достигнуть Англия союзом с нами" [1]).

---

[1]) Курсивы наши. *М. П.*

Заканчивая свой обзор военно-политической обстановки, указав на историческую роль флота и задачи его в прошлом, начальник генерального штаба приходил к заключению:

„Исследование будущих задач нашего флота, с развитием которого столь очевидно и столь тесно связано развитие, процветание и могущество нашего отечества, приводит к заключению, что каждый из самостоятельных морских театров войны должен иметь вполне законченную организацию своего флота и располагать в своих базах всеми средствами для самостоятельного существования.

Каждый из трех самостоятельных флотов имеет столь обширные задачи по отношению своих исторически предопределенных противников, что для правильного расчета, на прочном основании своего морского могущества, Россия должна и может примириться с тяжкой необходимостью быть всегда во всеоружии там, где лежат пути к ее мировому назначению.

Великая историческая задача на Ближнем и Дальнем Востоке может быть разрешена только при развитии морского могущества и при помощи сильного боевого флота на Черном море и в Тихом океане, главным противником которого на протяжении двух столетий являлась Англия, которая пользовалась для этого силами наших соседей.

К решению этих задач мы не можем приступить, пока не обезопасим себя на западе созданием флота на Балтийском море, где грозит нам наибольшая опасность.

Для достижения намеченной цели в настоящем и для развития морского могущества в будущем, мы должны быть в дружбе, прежде всего, с нашим западным соседом, чтобы получить возможность всесторонне приготовиться ко времени решительной борьбы".

В следующей части своего доклада начальник морского генерального штаба переходит к возможному содействию флота при обороне, при чем останавливается на всех трех театрах войны, указав, что планы войны будут составлены особо (стратегические основания для этих планов были доложены царю в марте 1907 г.—см. ниже).

„В настоящее время,—говорит доклад,—в виду ничтожности сил, нам не представляется возможным вести какие-либо наступательные операции, а остается одно: использовать наши слабые силы для обороны важнейших пунктов побережья".

Признавая самым важным балтийский театр, начальник морского генерального штаба говорит о необходимости сосредоточить все наши кораблестроительные силы и средства на Балтийском море и поставить себе целью создать на этом море в кратчайший промежуток времени, и во всяком случае

не более 4—5 лет, флот, который был бы в состоянии бороться с германским при оборонительной войне. Что касается черноморского флота, то „по приведении его в порядок он будет представлять достаточную силу и в ближайшем будущем не потребуется его усиление". „Создавать же флот на Дальнем Востоке не представляется в настоящее время возможным".

Относительно судостроительной программы в докладе высказываются основные взгляды: чтобы иметь возможность бороться с германским флотом при оборонительной войне, необходимо создать линейный активный флот, так как минный флот без поддержки линейным флотом не в состоянии оказать германскому флоту сколько-нибудь значительное сопротивление. „Строить важно не отдельными кораблями, но сразу целый тактический организм—эскадру" (4 броненосца, 2 бронированных крейсера, 6 легких крейсеров, 20 эскадренных миноносцев).

„На Балтийском море нам необходимо и достаточно построить теперь одну такую эскадру, и это надо будет выполнить в кратчайший срок—в 4 года. Если это условие соблюдено не будет, то через 4 года одной эскадры будет уже недостаточно и необходимо будет построить две".

Учитывая уже строющиеся и имеющиеся суда, морской генеральный штаб считал необходимым выстроить вновь 4 броненосца, 1 броненосный и 3 легких крейсера и 10 эскадренных миноносцев.

Далее доклад указывал на необходимые мероприятия в отношении оборудования портов, реформы организации и подготовки личного состава и пр.

Этот доклад, значительная часть которого здесь воспроизведена, рисует отправные идеи, которыми руководствовался молодой морской генеральный штаб, принимаясь за свою работу.

„Малая судостроительная программа".

Несмотря на то, что доклад по морскому генеральному штабу от 2-го октября 1906 года был представлен через морского министра, последний, не дожидаясь его результатов, вошел в совет министров с просьбой об отпуске средств на постройку двух линейных кораблей, ссылаясь на совещание 30-го сентября, в котором министр финансов и государственный контролер не возражали против внесения морским министерством соответствующего проекта. Совет Министров признал необходимым иметь по этому делу заключение совета государственной обороны, куда очень скоро, 24-го октября, вопрос и был передан на рассмотрение. Главный мотив, который был выставлен адмиралом Бирилевым в пользу немедленного начала судостроения—опасение оставить заводы без работы.

В представлении совету государственной обороны морской министр указал, что он выступает не с целой программой судостроения, а лишь с этим частным вопросом о постройке двух кораблей, которая является бесспорной, какая бы судостроительная программа впоследствии ни была принята.

Через 2 дня, 26-го октября, записка была поставлена на обсуждение совета государственной обороны. В заседании имели место крупные разногласия. В частности, по поводу того, какой России нужен флот, сухопутные члены совещания указывали, что он должен быть преимущественно минный, морские же доказывали целесообразность линейного.

Председателем совета вел. кн. Николаем Николаевичем был поставлен вопрос: „признается ли возможным обсуждение вопроса о двух проектированных броненосцах без всякой кораблестроительной программы, или же для решения этого вопроса необходима предварительная обстоятельная разработка судостроительной программы для балтийского флота, хотя бы на ближайшее время, с указанием, какая из работ должна быть поставлена в первую очередь и какие в последующие?“

Громадное большинство членов высказалось за невозможность решения вопроса о постройке двух броненосцев, признав необходимость разработки судостроительной программы для Балтийского моря (адмиралы Бирилев и Диков остались при особом мнении, настаивая на постройке этих кораблей, не дожидаясь составления судостроительной программы).

На основании баллотировки, совет государственной обороны постановил: „Не предрешая ныне вопроса о постройке двух броненосцев типа „дредноут“, предложить морскому министру, по соглашению с начальником генерального штаба и с начальником морского генерального штаба, выработать подробно мотивированную судостроительную программу для балтийского флота на ближайшие годы, с указанием очередей последовательного приведения в исполнение предложенных мероприятий“. Постановление оговаривало отдельное мнение Бирилева и Дикова.

По докладе государю, последний положил резолюцию: „согласен с мнением большинства“, о чем морской министр был уведомлен 24-го декабря.

Вследствие постановления совета государственной обороны адмирал Бирилев приказал морскому генеральному штабу составить программу судостроения для Балтийского моря. 19 декабря начальник последнего представил проект „малой судостроительной программы на ближайшее четырехлетие“ с обстоятельной запиской.

По мнению генерального штаба, в программу должна была войти постройка следующих судов:

4 эскадренных броненосца в . 21.000 т.
1 брон. крейсер в . . . . . 18.000 „
3 легких крейсера по . . . . 4.200 „
10 минных судов.

Кроме того, учтены расходы на расширение и оборудование портов.

Однако, поручив морскому генеральному штабу составление программы, адм. Бирилев это же задание дал и главному морскому штабу. Таким образом, два учреждения, функции которых, казалось бы, не должны были перекрещиваться, принялись за ту же работу. Здесь сказалась, с одной стороны, еще не проведенная до конца реформа управления, а с другой—недоверие, которое питали доцусимские деятели, в том числе и Бирилев, к молодому генеральному штабу. Бирилев был явным противником его создания. Учреждение генерального штаба было проведено без его участия, и он всюду, где мог, тормозил его развитие. В данном случае он не склонен был доверить ему разработку столь важного вопроса, как проект судостроительной программы.

Программа главного морского штаба отличалась от программы генерального штаба. Она предусматривала:

4 эскадренных броненосца,
8 легких крейсеров,
12 миноносцев,
4 подводных лодки.

Иначе рассматривались и нужды портов. Стоимость программы главного морского штаба была 149,66 млн.

Но несмотря на расхождение обеих программ, морской министр не счел возможным согласовать их самому и послал о б е п р о г р а м м ы на заключение заинтересованным ведомствам, чем, естественно, дискредитировалось все начинание и демонстрировалась несостоятельность морского ведомства.

Несогласованность программ обратила внимание совета государственной обороны, председатель которого сообщил морскому министру, что в таком виде они рассмотрены быть не могут.

Авторитет Бирилева после его неудачных выступлений с программами судостроения и в особенности в виду противодействия организации и работе генерального штаба, был потерян и вместо него министром был назначен адмирал Диков.

Попытка согласования работы военного и морского ведомств.

Согласно указания совета государственной обороны, судостроительные программы морского ведомства подлежали предварительному согласованию между начальниками сухопутного и морского генеральных штабов.

В виду этого, 9 января 1907 года Брусиловым и ген. Палицыным был составлен и совместно представлен Николаю II доклад, получивший одобрение.

Этим докладом были установлены задачи флота на всех морях.

На Балтийском море „сухопутной армии важно быть уверенной, что морские силы империи в этих водах в состоянии помешать и в крайности затруднить десант восточнее меридиана реки Наровы. Положение сухопутной армии было бы обеспечено, если бы указанная граница, по имеющимся морским средствам, могла бы быть отодвинута западнее к меридиану Ревеля или, еще лучше, к Оланд-Моонзунду".

На Черном море: „обеспечение господства на Черном море требует, чтобы флот был могущественным и характера активного, дабы быть в состоянии исполнить важнейшую в судьбе России задачу—открыть и обеспечить за нею проливы. Эти условия побуждают стремиться к созданию сильного активного флота и к созданию средств для борьбы на Дунае, дабы обезвредить опасность, которая грозит нашему богатому югу от соединенных покушений Австрии и Румынии".

На Дальнем Востоке „в ближайшие годы приходится ограничиться развитием обороны побережья и, главным образом, двух важнейших пунктов: Владивостока и Николаевска на Амуре. Но с такой до крайности скромной ролью флота на Дальнем Востоке можно с горечью мириться лишь временно, так как сохранение в наших руках тихоокеанского побережья и преследование каких-либо дальнейших задач на Дальнем Востоке невозможно без развития морского могущества и наличия сильного боевого флота в водах Тихого океана. Следует иметь в виду, что политическая обстановка вообще может быстро меняться, и это тем более заслуживает внимания, что срок окончания англо-японского союза наступит в 1915 году, а потому к этому времени самой жизнью может выдвинуться настойчивая необходимость иметь к этому сроку готовую и свободную морскую силу, способную двинуться на Дальний Восток".

Решение совета государственной обороны об обороне побережья.

Отклонив постройку двух линейных кораблей, совет государственной обороны обратился к обсуждению вопросов об обороне наших побережий, поводом к чему послужил внесенный в совет вопрос о разграничении прав и обязанностей морских сухопутных начальников при совместных действиях и объединении власти в приморских крепостях [1]).

Постановление совета имело большое принципиальное значение для последующего развития отношений между военными

[1]) Дело Морискома № 3304.

и сухопутными начальниками и в некоторой своей части послужило причиной многих недоразумений на этой почве.

Сущность его заключалась в следующем:

1) Совет находил необходимым при выработке нового положения об управлении войск и при переработке морского устава принять к руководству необходимость общих положений о главнокомандующем и учреждения при нем соответственного органа для управления морскими силами (морской отдел у сухопутного главнокомандующего) или сухопутными силами (сухопутный отдел у морского главнокомандующего); о равенстве в служебной иерархии командующих флотом и армией и о совместных действиях (объединение власти по сравнению должностей, при чем должно быть установлено служебное соответствие должностей обоих ведомств).

2) Постановлено просить обоих начальников генеральных штабов совместно выработать план морской обороны побережья всех русских морей, при чем даны указания („желательно"):

а) распределить военно-морские силы в каждом море на свободно действующие, не имеющие непосредственной задачей обороны берегов, и на предназначенные специально для береговой обороны, поставив последним силам на каждом участке обороны соответственные задачи, в связи с задачами сухопутных сил, предназначенных для той же цели;

б) разработать организацию прибрежного наблюдения в военное время при условии оставления в мирное время пунктов дальнего наблюдения в ведении морского ведомства и пунктов ближнего наблюдения в ведении пограничной стражи;

в) установить отношения в мирное время комендантов каждой из приморских крепостей как к командующему армией, в район которой входит данная крепость, так и к командующему флотом, оперирующему в море, на берегу коего расположена эта крепость, определив эти отношения в зависимости от стратегических задач, возлагаемых на каждую из приморских крепостей.

3) Решено переработать положение об управлении крепостями, при чем были выставлены следующие принципиальные положения (приводим главнейшие):

а) комендант крепости является начальником гарнизона, коему подчиняются береговые флотские части;

б) ему должны быть предоставлены права для более действительного надзора за этими частями;

в) каждая приморская крепость должна иметь свои морские средства обороны, количество и состав коих должны

исчисляться для каждой крепости особо, в зависимости от стратегического значения ее и от местных пограничных условий. Вообще эти средства могут состоять из подвижной минной обороны судов, предназначенных для сторожевой службы и траления фарватеров, для войсковых перевозо-разведочных и посыльных судов и проч.;

г) все морские средства обороны каждой крепости должны принадлежать морскому ведомству и возглавляться морским начальником, подчиненным коменданту крепости;

д) коменданту крепости не должны подчиняться находящиеся на рейде суда, входящие в состав боевых эскадр;

е) если при блокаде или осаде крепости находящийся в ней боевой флот лишен будет возможности предпринятия каких-либо активных действий на море, то и сам флот, а так же все запасы и средства морского ведомства (порты, склады и проч.) должны переходить в полное и непосредственное подчинение и распоряжение коменданта крепости.

Факт невозможности предпринятия флотом каких-либо активных действий на море устанавливается командующим флотом на основании решения совета флагманов и капитанов. Об этом решении немедленно сообщается коменданту.

4) Ряд пожеланий относительно согласования дисциплинарных уставов.

5) „Признать, что приморские крепости должны оставаться в ведении военного министерства".

В изложенных постановлениях совета государственной обороны прежде всего видна тенденция согласовать деятельность как самих ведомств, так и начальников, не в смысле широких плановых мероприятий, а в мелочах и узких вопросах, в пунктах непосредственного соприкосновения деятельности частей флота и армии. Предложение разделить флот на морской и прибрежный, а задачи последнего связать с задачами сухопутных сил на побережье, показательно для взглядов совета. В равной мере характерным является выделение морских средств для крепостей в подчинение последним—что, равно как и помянутое разделение флота на категории, направлено в сторону раздробления морских сил. Удержание приморских крепостей в руках военного ведомства, при полной отчужденности последнего от планов флота, с которыми считаться оно не имело особой склонности, приводило к ряду затруднений в осуществлении планов обороны. Взгляды морского и сухопутного ведомств на назначение отдельных крепостей весьма разнились между собой, и на этой почве происходили между ними постоянные споры и несогласия (см. гл. VII).

Стратегические основания для плана войны на море, одобренные царем 19 марта 1907 года [1]).

Между тем, морской генеральный штаб продолжал работать над составлением соображений кои должны были быть положенными в основу планов войны на море и воссоздания флота.

Одобрение „программы воссоздания и реформы морских вооруженных сил России", а так же установленные совместно с начальником сухопутного генерального штаба задачи флоту (см. выше) дали возможность развить последние в виде „стратегических оснований для плана войны на море", каковые были представлены царю 19 марта 1907 года.

Ими устанавливались определенные идеи решения задач флота на каждом море, исходя из которых намечался состав необходимых сил.

Оставляя в стороне общие соображения, которые аналогичны, в большей своей части, изложенным в докладе морского генерального штаба от 2 октября 1906 года, сущность „стратегических оснований" сводится к следующему:

По балтийскому театру.

Наиболее вероятным врагом считается Германия, обладающая сильным военным и многочисленным коммерческим флотами, способная произвести десант на наше побережье в тыл развертывания армии.

Швеция предполагается вероятным союзником Германии.

В виду слабости нашей обороны и отсутствия сильного флота, „наиболее вероятен удар по столице, так как занятие ее неприятелем сможет ускорить развязку войны".

Отсюда делаются заключения:

1) Россия на Балтийском море никаких наступательных задач не имеет и преследовать их не может, а потому характер войны для нас будет исключительно оборонительный.

2) Создание надежной обороны балтийских вод необходимо закончить скорейшим образом.

3) Впредь до обеспечения обороны Балтийского моря, ближайшей задачей нашей внешней политики, казалось бы, должно быть поставлено поддержание союза с Францией и дружеских отношений с Германией и старание ослабить последнюю вовлечением ее в войну с Англией.

Считая, что решение задачи надежной обороны Балтийского моря может быть достигнуто при посредстве флота, способного в открытом море бороться с флотом Германии,

---

[1]) Из архива Морискома—„Планы войны"

морской генеральный штаб полагал необходимым построить к 1920 году две эскадры, каждая в составе:

8 линейных кораблей,
4 линейных крейсеров,
9 легких крейсеров,
36 миноносцев

и оборудованную базу для нее.

Однако, учитывая задачу для балтийского флота на ближайшие два десятилетия—„лишь задержание противника в преддверии Финского залива", решения ее „следует искать путем посильного использования естественных позиций и природных особенностей Балтийского моря".

Оценивая таковые позиции, морской генеральный штаб пришел к заключению, что район Ревель—Поркаллауд при надлежащем его укреплении может явиться рубежом, на котором флот не допустит прорыва в Финский залив сильнейшего противника. Оборудование шхерных районов северного берега залива, в качестве опорного пункта для миноносцев, расположение последних в районе Або—Моонзунд—Рига для действий в тыл неприятелю создаст еще большую устойчивость обороне.

Намечая развертывание сил в этом районе и учитывая перспективы и обстановку боя здесь, а также и то обстоятельство, что часть германских сил (половина) вероятно будет оставлена против Франции, морской генеральный штаб полагал достаточным для задержания противника при его стремлении форсировать Финский залив ограничиться одной эскадрой, в составе 8 линейных кораблей. „Эта эскадра из 8 новейших кораблей по силе будет равна 8 новейшим германским кораблям, а следовательно германцы будут иметь перевес только числом устаревших кораблей". „Задания для линейных кораблей должны быть таковы, чтобы эту эскадру, в случае нужды, можно было бы послать куда угодно".

Кроме того, признавалось необходимым иметь 180 минных судов (20 отрядов по 9) и 120 подводных лодок (20 отрядов по 6) и для них сеть опорных станций.

Оборудование театра намечалось в виде следующих мер:

1) укрепление Поркаллауда;

2) укрепление Ревеля и устройство в нем базы для флота;

3) приведение главной снабжающей базы — Кронштадта, „в состояние, отвечающее своему назначению" (устройство одного нового дока, углубление, упорядочение существующих портовых средств и пр.).

Наибольшим сроком для осуществления изложенного признавалось 10 лет.

„В виду же крайне опасного нашего положения на Балтийском море создание сил и средств, согласно плану, должно

вестись с таким расчетом, чтобы закончить в 1912 году постройку одного отряда линейных судов, 40 подводных лодок и 90 миноносцев".

По черноморскому театру.

Общая политическая обстановка на Черном море, по мнению морского генерального штаба, выдвигала политические задачи:

1) Оборонительная—„обеспечение внутреннего политического положения на окраинах, прилежащих к побережью Черного моря, преграждение доступа неприятельскому флоту и парализование вмешательства Румынии и Турции в войну России с коалициями".

2) Наступательная—„овладение проливами для обеспечения своих границ и для выхода в Средиземное море".

Для полного решения наступательной задачи признавался необходимым боевой флот способный „после занятия Дарданелл нарушить равновесие морских сил в Средиземном море и не дать неприятельскому флоту вырвать у себя успех". Его состав, кроме уже имеющихся морских сил на Черном море, намечался в размере:

8 броненосцев,
4 броненосных крейсера,
9 легких крейсеров,
36 миноносцев,
26 подводных лодок

и соответственного количества вспомогательных средств.

Такой флот должен был бы быть готов не позже 1919 г.—момента окончания программы германского флота.

„К 1912 году может быть выстроена половина эскадры, которую надо усилить минным флотом и в особенности подводными лодками и минными транспортами с большим количеством мин заграждения. При этих условиях в 1912 году можно более широко выполнить оборонительные задачи, а именно: 1) преградить доступ неприятелю в Черное море и 2) парализовать вмешательство Турции и Румынии в борьбу России с коалициями".

Сужая задания и „возлагая на черноморский флот только главную часть оборонительной задачи, а именно преграждение доступа неприятельскому флоту в Черное море"—морской генеральный штаб считал что „можно на ближайшее десятилетие ограничиться лишь заменой устаревшего минного флота новыми минными судами, ремонтом старых броненосцев, их перевооружением, а также заготовкой большого запаса мин заграждения. К минному флоту должны быть добавлены, кроме того, 4 легких крейсера..."

Для оборудования Черноморского театра намечалось: приведение в должный порядок Севастопольского военного порта, начав с постройки там большого аварийного дока, углубить канал в Николаеве до 30′, построить ряд угольных пристаней в отдельных портах и пр.

По тихоокеанскому театру.

Касаясь тихоокеанского театра, морской генеральный штаб развивал весьма широкие планы по сосредоточению там двух полноценных (по 8 линейных кораблей и пр.) эскадр для борьбы с японским флотом. Эти силы должны были быть собраны в Балтике, а потом уже сделать организованный переход на Восток. Был самым тщательным образом разработан марш-маневр этих сил, при чем по годам были распределены подготовительные мероприятия для оборудования баз в пути (ставился вопрос о приобретении острова в Греческом архипелаге, арендовании участков и оборудовании складов на протяжении всего пути). Между прочим, был поставлен вопрос о необходимости гидрографических изысканий для выяснения проходимости великого северного пути, кругом Сибири [1]).

В итоге морской генеральный штаб предложил 4 варианта судостроительной программы:

Вариант № 1—создание 4 полноценных эскадр (32 линейных корабля), по одной для Балтийского и Черного морей, и двух для Дальнего Востока.

Вариант № 2—трех эскадр: 2 для Балтийского и 1 для Черного морей.

Вариант № 3—двух эскадр: по одной для Балтийского и Черного моря, и

Вариант № 4—одной эскадры для Балтийского моря.

Одобрив доклад, Николай II приказал внести на рассмотрение совета государственной обороны только вариант № 4, составленный для обороны Финского залива.

Дальнейшее движение вопроса о программе судостроения.

2 апреля морской министр вторично вошел с докладом к царю о дальнейшем направлении соображений морского генерального штаба. На этом докладе последним была положена резолюция: „рассмотреть в совете государственной обороны общие основания доклада морского генерального штаба. В основу средств, необходимых для выполнения задач Балтийского флота, должен быть поставлен линейный флот“.

---

[1]) Мы изложили „стратегические основания“ крайне конспективно, опуская многие подробности. Позже, при изложении планов развертывания балтийского и черноморского флотов (главы VIII и IX) нам придется вернуться к ним, так как они содержали в себе основные идеи этих планов.

Согласно этой резолюции, „основания“ были внесены морским министром в совет государственной обороны, с составленным перечнем вопросов, из которых первый был: „правильно ли поставлена задача Балтийскому флоту—оборонять Финский залив и вместе с тем представлять собой свободную морскую силу для поддержания интересов империи во внешних водах,—положенная в основание стратегических соображений морского генерального штаба?“

Заседание совета государственной обороны состоялось 9 апреля. После длительного обмена мнений, проходивших при усилии сухопутных членов совещания придать лишь оборонительное значение задачам флота и вообще при уклоне в сторону сужения его перспектив, совет постановил:

1) „Внесение вопроса о судостроительной программе в законодательные учреждения должно состояться после рассмотрения в совете государственной обороны плана общих потребностей военного и морского ведомств, с выделением в первую очередь наиболее неотложных, вызываемых необходимейшими нуждами государственной обороны“.

2) „Морским генеральным штабом должна быть разработана судостроительная программа линейного флота, предназначенного представлять собою свободную морскую силу России для поддержания интересов империи там, где в том встретится надобность, не связанную исполнением определенных оборонительных задач“.

3) „Одновременно с этим на основании утвержденного государем 4 марта с. г. постановления совета государственной обороны, совместной деятельностью начальников обоих генеральных штабов должны быть разработаны планы обороны морских побережий, руководствуясь которыми, должна быть разработана программа постепенного и последовательного создания морских сил и средств, необходимых для осуществления задач подвижной обороны берегов“.

Дальше этого совет государственной обороны не пошел и вопрос о начале нового судостроения был вновь отложен. 30 апреля морской министр сделал доклад, в котором просил царя разрешить внести на рассмотрение совета министров ходатайство о назначении морскому ведомству определенного кредита на постройку новых судов на время хотя бы не более 4 лет, по 31 миллиону в год, составить программу в пределах этого кредита и по рассмотрении ее в адмиралтейском совете представить государю на одобрение, для испрошения необходимых на ее выполнение кредитов в установленном порядке [1]). На этом докладе Николай II положил резолюцию: „согласен, вопрос этот рассмотреть вне очереди“.

---

[1]) Дело Морискома № 1271.

Тогда министр (3 мая) вошел с представлением в совет министров, который 8 мая рассмотрел это представление и, „как в видах скорейшего возрождения русского флота, так и в целях поддержки отечественных судостроительных заводов", не встретил препятствий к обращению на расходы для немедленного приступа к работам условно отпущенный на этот предмет в 1907 году кредит в размере 2.700 т. р. „Относительно же ежегодного отпуска на ту же потребность в течение 1908—1911 г. г. по 31.000.000, то совет правомочен и готов выразить свое согласие на представление генерал-адъютанту Дикову права заносить соответствующие ассигнования в проекты расходных смет по морскому ведомству на предстоящее четырехлетие. Самый же отпуск таковых кредитов может последовать только в установленном сметном порядке через законодательные учреждения".

6 июня 1907 года была доложена государю составленная морским генеральным штабом „малая" судостроительная программа соответственно отпущенному советом министров кредиту и предоставленному праву морскому министру ежегодно вносить в смету в продолжение 4 лет по 31 млн. рублей на судостроение [1]).

Первоначальный проект малой судостроительной программы предусматривал постройку для Балтийского флота:

2	броненосцев по 21.000 т.
72	Миноносцев 100 т.
30	Подводных лодок 80 т.
	Оборудование м. станций
2	легких крейсеров по 4.000 т.
18	миноносцев по 700 т.
6	подводных лодок по 400 т.
3	транспорта по 2.500 т.
10.000	мин заграждения

Всего на сумму 126 млн. рублей.

Эта программа была утверждена, но потом в самом генеральном штабе она встретила возражения со стороны отдельных работников, в частности, против большого числа минных судов в зачет линейных, вследствие чего вновь была переработана.

Новая переработанная программа получила название „распределение ассигнований на судостроение".

Она заключалась в следующем:

Ассигновано всего на 1907—11 г.г.—126,7 млн. р.

[1]) Дело Морискома № 1271.

1) Достройка начатых броненосцев, крейсеров и миноносных судов и портовых средств—21,7 млн. р.[1]).

2) Постройка вновь:

Для Балтийского моря.

4 броненосца по 21.000 тонн.
Плавучая база.
3 подводных лодки по 80 тонн.

Для Черного моря.

14 эскадренных миноносцев по 700 тонн.
3 подводных лодки по 450 тонн.
Всего 126,7 млн. руб.

Примечание. В конце декабря 1907 года председателем совета государственной обороны, была составлена записка, касающаяся всех отраслей государственной обороны, и была им разослана всем лицам, стоящим во главе управлений и ведомств, так или иначе соприкасавшихся с вопросами последней.

Записка морскому министру была прислана при особом рескрипте, в котором великий князь писал, что „наша живая сила—армия, флот и весь организм обороны государства находится в грозном по своему несовершенству состоянии, и безопасность государства далеко не обеспечена". Это вызвало в нем потребность высказать свое мнение по этому вопросу. Относительно флота в записке сказано: „последние тяжелые годы нашей войны показали, что самая слабая сторона нашего флота—это живая сила. Во флоте одинаково, как и в сухопутной армии, живая сила—главное. Следовательно, прежде всего надо выяснить причины, почему живая сила флота не на должной высоте, ее исправить, довести до желаемого состояния и дать ей устройство соответственно боевым и техническим потребностям флота. По мере накопления соответственной живой силы должно идти и кораблестроение. Согласно тех сумм, которые государство может тратить на флот, должно быть определено, какие цели и в каких морях флоту поставлены. Какие задачи наиболее обеспечивают успех действий флота в каждом море и при наличии каких средств. При этом нужно классифицировать моря по их важности в смысле обороны государства и тем задачам, которые в каждом море флоту по силам. В соответствии с этим должна быть создана на несколько лет судостроительная программа для каждого моря. Очевидно, стратегическая оценка морей должна быть сделана совместно сухопутными и морскими штабами и ими же определены задачи флота в каждом море" [2]).

Затем указывался метод совместной работы обоих штабов для создания общей программы...

На это морской министр ответил, что деятельность морского ведомства как раз протекает в том направлении, какое указывается его запиской...

---

[1]) Кредит в 21,7 млн. р. предусматривал достройку броненосцев „Андрей Первозванный", „Император Павел I", „Иоанн Златоуст" и „Евстафий", крейсеров—„Баян", „Адмирал Макаров", „Рюрик" и „Паллада", 2-х подводных лодок, 4-х канонерских лодок, минных транспортов „Амур" и „Енисей" и 4-х минных крейсеров по 600 тонн, заложенных во время русско-японской войны.

[2]) Дело Морискома № 3304.

Выработанная генеральным штабом программа („распределение ассигнований на судостроение“) 1 февраля 1908 года разбиралась в совете министров [1]). В заседании принял участие и председатель совета государственной обороны.

Председатель совета министров Столыпин при открытии заседания обратил внимание на необходимость точного выяснения отношения правительства к предстоящему рассмотрению сметы государственной думой, среди членов которой замечается явно отрицательное отношение к смете морского ведомства; в особенности в части, касающейся судостроительной программы, при чем затрагиваются вопросы об общем плане обороны страны, а следовательно, наличия единой согласованной программы по военному и морскому ведомству.

Обсудив вопрос о необходимости точного обоснования не только морской, но и военной сметы, совет министров отметил, что „в настоящее время в распоряжении правительства не имеется определенного и согласованного по всем частям государственного управления, а прежде всего по военному и морскому ведомствам, оборонительного плана государства и соображенной с сим планом, имеющим охватить деятельность всех министерств, программы развития вооруженных сил империи. На скорейшее выполнение означенной задачи следует обратить самое серьезное внимание, ибо без такого плана и программы все проектируемые по военному, морскому и другим соприкосновенным ведомствам начинания не будут иметь прочной основы и надлежащей планомерности, желательных во всех государственных мероприятиях и сугубо необходимых в ныне предстоящем России исключительно важном деле возрождения ее военно-морской мощи“.

Это постановление совета министров было рассмотрено Николаем II 2 марта 1908 года, который написал резолюцию: „общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный, на одно или два десятилетия. По его утверждении он должен быть неуклонно и последовательно приводим в исполнение“.

Таким образом, смета морского ведомства в совете министров не подверглась никаким изменениям и поступила в бюджетную комиссию государственной обороны государственной думы.

Отклонение государственной думой кредитов на судостроение.

Думская подкомиссия составила по этому поводу обширный доклад, в котором подвергла критике деятельность морского ведомства вообще. Обращаясь к судостроительным предположениям морского ведомства, подкомиссия усмотрела, что „не все испрашиваемые на упомянутый кредит ассигнования представляются обоснованными в оди-

[1]) Дело Морискома № 1403.

наковой мере. Морское министерство предполагает приступить к сооружению как линейных кораблей, так и ряда судов мелкого типа. Несомненно, что интересы флота требуют нахождения в его составе как крупных, так и мелких боевых единиц; несомненно, что только эскадра, состоящая из крупных судов, может считаться действительно боеспособной; так же точно несомненно, что для развития полной ее силы и для возможности ее действия при всяких обстоятельствах она должна быть снабжена достаточным количеством судов как специального назначения, так и вспомогательных. Но при условиях настоящей минуты возникает серьезное сомнение в достаточной подготовленности нашего морского ведомства к выполнению первой части задачи — усилению линейного флота России.

Опыт недавней войны засвидетельствовал, что вся организация как центральных, так и местных установлений морского ведомства нуждается в коренном преобразовании. Только глубокая реформа административных и технических учреждений министерства способна обеспечить действительно плодотворную работу ведомства вообще, а в деле судостроения в частности.

Если бы кредиты на судостроение были ассигнованы до реформы морского ведомства, то позволительно предположить, что осуществление новой судостроительной программы оказалось бы в тех же неудовлетворительных условиях, в которых находилось судостроение до последнего времени. Это обстоятельство обусловливает, в свою очередь, крупный недочет, сказывающийся отсутствием при самом испрошении судостроительных кредитов какого бы то ни было законченного плана судостроения, согласованного с общим планом обороны государства.

Все это, вместе взятое, даже при условии полной готовности судостроительных заводов к принятию соответственных заказов, не обеспечивает, повидимому, необходимой производительности ассигнований на постройку крупных эскадренных боевых судов и заставляет предполагать более целесообразным отложить подобные сооружения впредь до осуществления вышеуказанных преобразований и представления в законодательные учреждения подробной финансовой программы восстановления морской обороны страны.

При наличии настоящих условий большую целесообразность возможно усмотреть в немедленном ассигновании на суда специального назначения и вспомогательные, как-то: на миноносцы и подводные лодки и на необходимые для них суда-базы. Сравнительно небольшая цена каждого отдельного такого судна и возможность относительно скорой постройки их устраняет для них опасность быть неготовыми к минуте столкновения. Подводное плавание, делающее в настоящее

время большие успехи в виду быстрого усовершенствования типов судов настоятельно требует того, чтобы не отстать, не останавливаться в деле дальнейшей постройки нашего подводного флота...“

Комиссия приняла следующие постановления, которые и были утверждены на заседании думы:

1) Признать наличие дееспособного флота необходимым для соответствующей обороны государства.

2) Признать, что планомерное и целесообразное воссоздание флота возможно: а) лишь после коренной реорганизации морского ведомства и б) при условии предварительного утверждения в законодательном порядке финансовой судостроительной программы, охватывающей продолжительный период времени.

3) Кредиты на сооружение линейных кораблей на 1908 год отклонить.

4) Кредиты на окончание уже начатых судов, а также все кредиты на артиллерию утвердить.

5) Кредиты на сооружение миноносцев, плавучей базы и подводных лодок утвердить.

6) Обратить внимание морского министерства на необходимость окончания вышеуказанных строющихся и предназначенных к постройке судов в кратчайший срок.

7) Обратить внимание морского министерства на настоятельную необходимость:

а) использования всего навигационного времени для плавания судов активного флота;

б) в частности нахождения черноморского флота в кампании не менее 10 месяцев в году.

Повеление о постройке 4 линейных кораблей для Балтийского моря[1])

Правительство не согласилось с постановлением государственной думы и внесло смету в государственный совет, который поддержал его точку зрения. Кредиты на судостроение были внесены в роспись согласно статьи 13 правил о рассмотрении государственной росписи.

Морское министерство продолжало разрабатывать проекты кораблей (они оказались дороже, нежели те, которые были предусмотрены в программе), представило их 19 октября в совет министров. Проекты были одобрены последним и утверждены Николаем II, который приказал приступить к постройке 4 линейных кораблей.

Таким образом, после 4 лет борьбы, многих докладов, споров, совещаний и советов морское министерство получило „наконец“ кредиты на новое судостроение. 30 июня 1909 г. были заложены наши первые линейные корабли типа „дредноут“: на Балтийском заводе—„Петро-

[1]) Дело Морискома № 1403.

павловск" и „Севастополь", на заводе нового адмиралтейства—„Гангут" и „Полтава".

В том же 1909 году произошло событие, имевшее чрезвычайное значение для флота: 12 августа был упразднен совет государственной обороны, деятельность коего, а особенно председателя, вел. кн. Николая Николаевича, была всецело направлена к затруднению осуществления постройки флота.

Общий обзор внутренних реформ морского ведомства в период 1905—1909 г. г.

Помимо изложенной деятельности морского ведомства по установлению задач флота и выработке программ нового судостроения, в период 1905—1909 г. г. в его недрах шла большая работа по упорядочению общей постановки дела и использования опыта русско-японской войны.

Не имея возможности остановиться подробно на изложении всех мероприятий, которые были сделаны в этом отношении, отметим лишь главнейшие:

1) Центральный аппарат управления был реформирован. Убран безответственный глава ведомства генерал-адмирал и восстановлена должность морского министра; учреждение морского генерального штаба внесло ясность и планомерность в работу ведомства. С этого времени начинают тщательно разрабатываться планы войны и подготовки к последней. Функции главного морского штаба ограничены сферами ведения личным составом флота и строевой распорядительной деятельностью ведомства. Технические и хозяйственные учреждения реформированы, состав их обновлен.

2) На флотах произведена крупная реформа управления, имеющая определенную тенденцию—сосредоточить всю власть в руках старшего плавающего адмирала, стоящего во главе флота. До русско-японской войны и первое время после командование флота в морях производилось с берега (главным морским штабом и главными командирами портов), плавающий флот не имел прочной организации. Теперь интересы боевого флота, возглавляемые плавающим начальником, были поставлены на первый план. Командующие морскими силами получили инициативу в деле их подготовки.

3) До реформы корабли плавали только летом (кроме находящихся в заграничных водах), на зиму они кончали кампанию, команды перебирались в береговые экипажи, судовая жизнь останавливалась. Этот порядок прекратился: число месяцев плавания было увеличено, команда постоянно оставалась на кораблях, подготовка не прекращалась и зимой.

4) Цензовая система прохождения службы офицерами была упразднена. На высшие посты получили возможность продвигаться способнейшие.

5) Реформирована подготовка командного состава. Увеличена практика плаваний. В частности, был образован специальный отряд судов для плавания с корабельными гардемаринами, который ежегодно на зиму уходил за границу.

6) Флот получил определенную и обоснованную организацию в отношении разделения его на отряды и группы; пересмотрены правила служб на судах и права отдельных начальников.

7) Боевая подготовка флота была поставлена в рамки, продиктованные опытом войны.

8) Военное образование офицеров требовало особенной заботы. До сих пор оно было пренебрегаемо. Существовавшая морская академия готовила лишь специалистов техников, военные науки преподавались в качестве второстепенных предметов и по содержанию своему не отвечали современным условиям. В этот период был учрежден в академии военно-морской отдел (соответственно военной академии генерального штаба); военные науки начали разрабатываться, к их изучению был привлечен командный состав. Равным образом, была реформирована постановка учебного дела в прочих учебных заведениях морского ведомства.

9) Наконец, следует отметить пробуждение инициативы и самодеятельности в среде командного состава флота и в кругах, близких к нему. Образовывались общества и кружки, ставившие целью изучение военно-морских вопросов, взаимную информацию и пропаганду идей флота в широких слоях населения („Лига обновления флота", „Российский морской союз", „Общество офицеров флота", „Общество ревнителей военно-морских знаний", „Петербургский военно-морской кружок" и пр.). Эти общества, обладавшие значительным количеством членов, весьма содействовали оздоровлению флота. Некоторые из них имели свои печатные органы.

Заключение. Заканчивая изложение периода деятельности морского ведомства в 1905—1909 г.г., резюмируем:

1) Четыре года после русско-японской войны ушли полностью на внутреннюю реформу морского ведомства. Были определены задачи флота, намечены пути его воссоздания. Но реально морские силы за это время увеличены не были; в постройке находились суда, заложенные еще до окончания войны; осуществление же новых судостроительных программ встречало ряд препятствий.

2) Прекращение судостроительной деятельности в момент небывалого ослабления флота приводило к все возраставшему неравенству морских сил России, сравнительно с таковыми ее возможных противников. Русский флот был уничтожен и судостроение приостановлено как раз в то время,

когда Германия приближалась к окончанию намеченной ею еще в 90-х годах программы.

Острота потери флота в русско-японскую войну могла быть значительно преуменьшена новым судостроением. Последствием этой войны было появление нового типа линейного судна („дредноута"), которое отвело на второй план существовавшие ранее. Не только Россия, но и все государства должны были обновлять состав своих флотов. 1906—1909 г.г. были критическими в судостроении вообще. Тем тяжелее должен был сказаться перерыв в судостроении для России в тот момент. Поскольку потом возник вновь вопрос о конкуренции с Германией—он явился для России уже безнадежным, по крайней мере в течение ряда многих лет.

3) Среди препятствий, которые встречало морское ведомство, помимо общих причин, связанных с недостатком ресурсов государства, внутреннего положения последнего, падения престижа ведомства и пр., приходится особенно выделить противодействие совета государственной обороны, а так же известный антагонизм, создавшийся между руководящими кругами ведомств военного и морского.

Военное министерство исходило только из интересов прибрежной обороны, ему были чужды идеи использования морской силы в качестве активного средства войны. В частности, один из влиятельнейших руководителей военного ведомства, великий князь Николай Николаевич был в числе ярых противников активного флота, что, несомненно, сказывалось на его развитии в течение всего рассмотренного периода.

4) Попытки согласовать работу обоих ведомств путем создания единого плана восстановления вооруженных сил царской России не дали положительного результата и их фактическое влияние свелось лишь к задержке проведения программ усиления флота.

5) Обнаружившаяся шаткость позиции морского министерства обусловливалась, прежде всего, неясными политическими директивами флоту. Выше было приведено письмо начальника морского генерального штаба министру иностранных дел, в котором он испрашивал политические задания, но таковых не получил. Морской генеральный штаб, произвольно комментируя политическую обстановку, учитывал Англию в качестве наиболее опасного противника, предлагая содружество с Германией и втягивание ее в войну с первой.

Николай II одобрил эти взгляды, а в то же время министерство иностранных дел, несомненно также с его одобрения, подготавливало соглашение с Англией.

Отсутствие определенных политических директив, естественно, влекло за собой неясность принимаемых стратегических решений, вселяя неуверенность в практические мероприятия по подготовке к войне.

6) Таковая беспочвенность чувствуется в работе морского генерального штаба в первые годы его существования. „Стратегические основания“ 1907 года предлагают „на выбор“ 4 варианта судостроительной программы, из коих первый и последний вчетверо разнятся между собой. Соответственно различны и задачи флота. Одобренная царем „малая программа“ тотчас самим же генеральным штабом, ее составившим, опротестовывается и выдвигается другая, основанная на противоположном принципе. Отсутствие масштаба, отсутствие вполне прочных идей—результат неимения вышеупомянутых политических директив, с одной стороны, а с другой—следствие оторванности ведомства от работы других министерств.

7) Совет государственной обороны, совет министров, позже государственная дума и, наконец, сам Николай II указывали не необходимость общего плана обороны государства, который бы установил задачи вооруженных сил и нормировал их развитие. Это являлось лишь общим пожеланием, не более того. Военное и морское ведомство не могли согласовать работу между собой, хотя было создано специальное учреждение, которое должно было объединять их (совет гос. обороны), министерство иностранных дел не могло дать определенных политических задач, министерство финансов не входило близко в задачи флота, и пр.

В таких условиях протекала вся деятельность морского ведомства, стремившегося в общем выполнить систематически задачу первейшего значения для государства—обеспечения его морской обороны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Судостроительные программы в период 1909—1912 г.г. и их осуществление.

Переработка программы „развития и реформ морских вооруженных сил России". Десятилетняя программа судостроения (1910—1920 г.г.). Рассмотрение государственной думой сметы морского министерства на 1910 год. Возникновение вопроса о судостроительной программе для Черного моря, в связи с заказом Турцией новых кораблей. Разработка морским генеральным штабом программы „усиленного" судостроения балтийского флота и законопроекта о флоте. Доклад морского генерального штаба о необходимости передать часть заказов на заграничные судостроительные заводы. Представление морским министерством программы усиленного судостроения в государственную думу. Утверждение ее думой. Начало постройки судов. Ведомость готовности судов к 1914 году. Заключение.

1909 год ознаменовался закладкой 4 линейных кораблей для балтийского флота, чем было положено начало его воссозданию.

Однако, политические события быстро следовали одно за другим, идя к неминуемой развязке—мировой войне. Чувствовалось, что до ее начала осталось немного. Успеть создать сильный флот за этот период уже было невозможно.

Руководимое морским генеральным штабом, морское ведомство делало громадные усилия, чтобы, в предвидении неизбежной войны, ускорить постройку нового флота.

Состав министерства был обновлен, аппарат реформирован, и деятельность всего последующего периода 1909—1912 г.г. имеет совершенно иной характер, нежели ранее. В особенности его достижения упрочились после назначения морским министром адмирала Григоровича (1911 г.), пользовавшегося доверием и авторитетом в глазах общественных слоев, благодаря чему ему удалось добиться крупных ассигнований на восстановление морских сил.

Переработка „программы развития и реформ морских вооруженных сил России"[1]).

Изменившаяся к 1909 году политическая коньюнктура, произведенные в морском ведомстве реформы, уже наметившийся сдвиг в отношении постройки новых судов, выработанный (в первом приближении) план войны и накопившийся опыт требовали введения коррективов в программу развития и реформ морских вооружен-

[1]) Архив Морискома, дело № 1403.

ных сил царской России, составленную в 1906 году при возникновении морского генерального штаба, который теперь подготовлял новую программу создания флота.

Эта программа намечала мероприятия по воссозданию флота на десятилетний срок, 1910—1920 г.г.

При ее составлении морской генеральный штаб исходил из того, что к 1909 году главным фактором общего политического положения на море—является морское соперничество Англии и Германии. Все прочие державы, в зависимости от своих экономических интересов и вызываемых ими политических стремлений, учитывались ориентирующимися на одно из двух вышеназванных государств.

Призрак японского наступления на дальневосточные окраины еще довлел: положение России оценивалось как бы сжатым в тиски—с одной стороны тройственным союзом, с другой—англо-японской коалицией.

В анализ политической обстановки вкладывалась основная мысль: для достижения „исторических задач" на юге и востоке надо прежде всего обеспечить себя с запада, со стороны Германии. „Рассмотрение современного международного положения России и ее роли в мировой политической обстановке с достаточной очевидностью доказывает необходимость готовиться к борьбе с тройственным союзом и, как подготовку к этой борьбе, выясняет наши ближайшие политические цели... Лишь чувствуя себя обеспеченной на западе, Россия стремилась к решению исторических своих задач на юге и востоке, но при всякой угрозе с запада она оставляла их до восстановления безопасности с этой стороны. Даже теснимая на юге, она кое-как кончала дело, заключала невыгодный мир и сосредоточивала все силы для упорной борьбы на западе".

„После столетнего перерыва Россия снова видит себя необеспеченной с запада и снова вынуждена остановить решение задач на юге и востоке, пока не решена задача на западе".

Обрисовав положение на востоке, указав на необходимость и с этой стороны готовиться к сосредоточению сил против японцев, генеральный штаб, считаясь с условиями современной стратегической обстановки, все же полагал возможным ограничиться здесь удержанием „в наших руках до последней крайности Владивостока, как огромной важности опорного пункта в Тихом океане и базы нашего будущего флота".

В характеристике политической обстановки в Европе морской генеральный штаб считал на первых порах важным поддержание дружеских отношений с Германией и Англией, в то же время обостряя их разрыв. „Поединком Англии и Германии мы можем достигнуть разгрома германского морского могущества, всеми мерами избегая участия в этой борьбе,

которую Россия, в случае привлечения Японии к тройственному союзу, будет вынуждена вести одновременно на два фронта".

Переходя к возможной войне против тройственного союза, морской генеральный штаб считал, что „при превосходстве морских сил Германии на Балтике и Австрии на Черном море вся тяжесть борьбы ложится на наши сухопутные силы, что, при медленности мобилизации, ставит их в исключительно тяжелые условия..."

„Главным театром по существу явится сухопутный и участь войны решится на суше".

Указав на значение Балтийского и Черного морей, как прикрывающих фланги пространного западного фронта, морской генеральный штаб ставил флоту широкую стратегическую задачу: „чтобы Германия была принуждена считаться с нашей волей, недостаточно считать себя в безопасности от ее покушений, но надо иметь возможность грозить ей наступлением. Наступление наше на сухом пути, помимо превосходства в союзных силах, встречает ряд трудноодолимых препятствий, в виде сильно укрепленных линий, не позволяющих и думать о каком-либо проникновении армии к Берлину. Преодоление этих препятствий возможно лишь высадкой обходных десантных корпусов. Только совокупными усилиями сухопутных и морских сил, направленных к единой стратегической цели, может быть успешно решена колоссальная стратегическая задача, при нашей борьбе с тройственным союзом".

„Основная и первенствующая задача флота на Балтийском море состоит в достижении преобладания на море для обеспечения столицы и всего побережья и возможности предъявить свою волю главнейшему противнику, перенеся войну на его территорию". „Сохранение преобладания на Черном море и борьба с тройственным союзом составляют основную задачу черноморского флота".

Таким образом, флоту ставится задача—не только оборона, но и наступление, борьба за обладание морем, что значительно расширяет цели, намеченные в период 1905—1906 гг. Но это являлось заданием лишь для будущего флота. Для существовавшего в действительности, при учете соотношения сил, задачи черноморского и балтийского флотов были формулированы так:

„Задачей флота на Балтийском море является наивозможное удаление пункта неприятельской высадки от Петербурга и замедление самой высадки".

„На Черном море задача флота состоит в удержании обладания Черным морем, а в случае невозможности—в наибольшем замедлении высадки десанта на херсонское побережье".

Десятилетняя программа судостроения.

Устанавливая идеи боевых операций флота в случае возможной войны и подсчитывая количество сил, на то потребных, морской генеральный штаб предложил новую программу, охватывавшую 10-летний срок 1910—1920 г.г.

	Балтийское море.	Черное море.	Тихий океан.
Линейные корабли	8	3	
„ крейсера	4	—	
Легкие крейсера	9	3	
Эск-миноносцы	36	18	18
Шхерные миноносцы	36	—	9
Минные заградители	—	—	6
Подводные лодки	20	6	12
Канонерские лодки	—	—	4
Потребное ассигнование	843,4 м. р.	113,2 м. р.	168,8 р.

Всего 1125,4 м. р., а за вычетом ассигнованных на 1909 год—1092,4 м. р.

3 августа 1909 года для обсуждения этого проекта состоялось заседание особого совещания под председательством Столыпина при участии министров — финансов, военного, морского (адм. Воеводский), иностранных дел—начальника генерального штаба и начальника морского генерального штаба (адмирал Эбергард).

На совещании представленная морским генеральным штабом программа встретила ряд возражений.

Военный министр Сухомлинов высказал мнение, что раньше чем создавать флот, надо укрепить Кронштадт, а затем следует только приступить к постройке минных судов и подводных лодок, на которых мог бы учиться личный состав флота; создание базы Ревель—Поркаллауд трудно осуществимо; в работах штабов до настоящего времени нет никакого единства, которое должно быть основанием программы развития вооруженных сил империи.

Начальник генерального штаба Мышлаевский еще более критически отнесся к проекту, считая смету преуменьшенной. Указав на необходимость связать работу морского управления с работой генерального штаба, так как работа обоих ведомств расходится и пр., он протестовал против выбора базы в Ревель-Поркаллаудском районе, что „навязывает новые задачи для сухопутных войск". Относительно Черного моря им была также подчеркнута несогласованность идей на примере того, что „сухопутное ведомство упраздняет Очаков, а морское—развивает Николаев", им защищаемый.

Министр финансов также указал на несогласованность деятельности ведомств, на недостаточную формулировку задач

флота: „предусматриваются противниками все, а потому, если это так, то единственным исходом должно явиться что-нибудь в роде добровольного самопогребения на кладбище"; расходы, вызываемые программой, он считал разорительными для государства, находя программу недостаточно разработанной для внесения в государственную думу. „Задача флота должна быть поставлена скромно, и непременно в согласии с задачей сухопутной армии".

Представители военного ведомства указали, что для такого согласования потребуется не меньше нескольких месяцев, но оно может быть достигнуто очень скоро, если морское ведомство откажется от позиции на линии Ревель—Поркаллауд; если же оно будет настаивать на этой идее, то соглашение представляется трудно осуществимым.

Резюмируя прения, Столыпин счел необходимым, чтобы оба генеральных штаба договорились в самом непродолжительном времени, и высказал, что в основном вопрос ясен и представляется в следующем виде:

„1) На Балтийском море флоту должна быть поставлена задача задержки неприятельского десанта и защита столицы.

2) На Черном море флот должен быть во всякое данное время сильнее турецкого.

3) На Дальнем Востоке задача флота аналогична с задачей флота на Балтийском море, но в меньшем масштабе".

Следующее заседание того же совещания состоялось 21 августа, к каковому времени был представлен совместный доклад обоих начальников генеральных штабов, в котором военное ведомство соглашалось с точкой зрения морского по вопросу обороны Балтийского моря.

Усмотрев, что между военным и морским ведомствами не существует более принципиальных разногласий, совещание признало необходимость сократить кредиты, испрашиваемые программой, и в этом смысле дало указания морскому министерству.

15 ноября 1909 года морской генеральный штаб представил сокращенную программу, предусматривавшую постройку к 1919 году следующих судов [1]):

	Балтийский флот.	Черноморский флот.	Флотилия Тихого океана.
Линейных кораблей	8	—	—
Броненосных крейсеров	4	—	—
Легких крейсеров	4	—	—
Эскадренных миноносцев	18	9	—
Подводных лодок	12	6	6
Заградителей	—	—	6
Канонерских лодок	—	—	4

[1]) Архив Морискома, дело № 1403.

Взамен сокращенных судов в Черноморском флоте были внесены суммы на перестройку и перевооружение линейных кораблей: „Три святителя", „XII апостолов" и „Георгий Победоносец". Кроме того, уменьшены кредиты на оборудование портов, заводов, заготовление неприкосновенных запасов и проч.

Таким образом, стоимость программы выразилась:

Для Балтийского моря	660,2 м. р.
„ Черного моря	70,0 „ „
„ Тихого океана	52,7 „ „
Всего	776,9 м. р.
А за вычетом средств отпущенных в 1909 году	743.9 „ „

Следующее заседание особого совещания для рассмотрения этой программы состоялось 1 декабря 1909 года, но в несколько ином составе (вместо Сазонова — Извольский, вместо Мышлаевского—новый начальник генерального штаба Гернгросс; кроме того, участвовал помощник военного министра ген. Поливанов) [1]).

После больших прений председатель сообщил, что морское и военное ведомства вместе могут рассчитывать получать на чрезвычайные расходы 90 мил. рублей в год, а потому к следующему заседанию было предложено установить соглашение между ведомствами по распределению этой суммы.

По этой причине программа была сокращена в третий раз, на сумму 45,9 мил. рублей (сокращение коснулось оборудования театров, заводов, неприкосновенных запасов и судостроения для Тихого океана, сокращенного на три заградителя и две подводных лодки). Но и это не вполне удовлетворило совещание, которое постановило затребовать от военного и морского министерств записки, поясняющие представленные ими программы, а от министерства финансов — записку о финансовой стороне их выполнения.

24 февраля 1910 года эти записки рассматривались советом министров, который, удовлетворившись их содержанием, постановил [2]):

1) „Внести в государственную думу представление: а) об отпуске в течение ближайшего десятилетия на единовременные расходы для усиления нашей государственной обороны 1.413 м. р., в том числе 750 по военному ведомству и 690 по морскому, с тем, чтобы по-годное распределение указанных сумм было произведено по возможности равномерно, без сколько-нибудь значительного превышения расходов отдельных лет сравнительно со средней годовой их нормой (около

[1]) Дело Архива Морискома, № 1372.
[2]) Архив Морискома, дело № 176.

141,3 мил. руб.); б) о способах подкрепления средств казны для покрытия означенных издержек, подлежащих включению в отдел обыкновенных расходов государственной росписи.

2) Упомянутые в отделе первом ассигнования вместе с текущими по сметам морского и военного ведомств отпусками должны исчерпывать, при условии нормального течения государственной жизни и отсутствии каких-либо крупных нововведений в военной технике, все расходы казны на военные и морские надобности в ближайший 10-летний период, не считая одного естественного повышения расходов сих ведомств, вследствие постепенного возрастания цен, равно возникновения таких, в зависимости от развития армии, потребностей, которые не могут быть покрыты за счет соответственных сбережений по сметам военного министерства и не вызывают более или менее значительных дополнительных ассигнований"...

25 марта 1910 года Николай II утвердил это постановление, написав на докладе: „Согласен. Программу выполнить обязательно в 10-летний срок".

10 марта того же года председателем совета министров было направлено в государственную думу представление „о единовременных расходах в течение ближайшего 10-летия на нужды государственной обороны и об источниках для покрытия сих расходов". При представлении было высказано, что эти расходы предусматривают лишь самое необходимое из числа намеченных мероприятий, далеко не исчерпывая всех подлежащих удовлетворению в ближайшее время нужд сухопутной и морской обороны.

Таким образом, были даны задания новой, так называемой „большой" судостроительной программы, потребовавшей более года на прохождение всех ведомственных инстанций ранее своего поступления в государственную думу. Однако, последняя, занятая другими вопросами, а затем вследствие перерыва сессии не могла их рассмотреть в 1910 году. Вопрос откладывался.

Рассмотрение думой сметы морского министерства на 1910 год [1].

Представление судостроительной программы совпало с рассмотрением государственной думой сметы морского ведомства на 1910 г. Проведение этой сметы в думе является показательным для характеристики ее отношений к морскому ведомству. Целый ряд обличительных речей был направлен по адресу последнего, при чем совершенно открыто высказывалось недоверие (вполне справедливо) к главе ведомства, адмиралу Воеводскому. Между тем, морское ведомство уже начало постройку 4-х линейных кораблей для Балтийского моря. Их размеры и типы, вследствие круп-

[1]) Архив Морискома, дело № 3341.

ного сдвига в технике кораблестроения вообще, значительно отличались от предыдущих судов, требуя большого дополнительного оборудования отечественных заводов; задержка в постройке и опоздание против назначенных сроков были неизбежны. Но государственная дума не отнеслась объективно к этому вопросу. Рассматривавшая его комиссия думы высказалась в своем докладе:... „оказывается, что в настоящее время смета постройки еще окончательно не выработана, производительность же заводов морского ведомства, на которых сооружаются как эти суда, так и существенные их части, такова, что они не в состоянии выполнить в срок постройку означенных кораблей. Поэтому отпущенные уже на постройку суммы не только не израсходованы, но и не могут быть в течение 1910 года полностью использованы. Посему одному, не касаясь неоспоримого, кажется, ныне положения что до переоборудования заводов ведомства и до разработки и утверждения финансового плана судостроения ведомство не в состоянии довести до благополучного завершения никакого судостроительства, казалось бы правильным на 1910 г. не ассигновывать на постройку судов никаких сумм..."

Лишь с большим трудом удалось морскому министерству смягчить позицию государственной думы, дав разъяснения и заверив, что планы расширения заводов будут в ближайшее время представлены, что неассигнование денег дезорганизует постройку и пр.

23 марта смета поступила на рассмотрение общего собрания Думы, которое после больших прений и некоторых сокращений утвердило кредиты [1]). Переход к постатейному чтению был сделан после следующего заявления: „высказывая пожелание о том, чтобы морской министр испросил высочайшее повеление о назначении сенаторской ревизии хозяйственного управления морского министерства, государственная дума переходит к обсуждению отдельных номеров проекта государственной росписи расходов на 1910 год по морскому министерству".

Новая же судостроительная программа в 1910 году не обсуждалась.

Возникновение вопроса о судостроительной программе для Черного моря в связи с заказами Турцией новых кораблей [2]).

Весной 1910 года в морском генеральном штабе были получены сведения о покупке Турцией в Англии трех строющихся для Бразилии новых линейных кораблей типа „дредноут". Это могло самым радикальным образом изменить соотношение сил на Черном море, почему морской министр тотчас сделал доклад царю о необходимости соответственно усилить черноморский флот.

[1]) Архив Морискома, дело № 8982.
[2]) Архив Морискома, дело № 483 и 722.

20 июля Столыпин написал морскому министру письмо, в котором указал на особое направление, какое приняли в последнее время события на Ближнем Востоке, в связи с постройкой железнодорожных линий в Малой Азии, подъемом национальных чувств и стремлением Турции к увеличению своих военных сил. Кроме того, он сообщал о полученных из вполне достоверных источников сведениях о заказе турецким правительством в Англии в 32-х месячный срок военных судов, более сильных, чем лучшие из наших кораблей в Черном море, о заказе в Германии одного большого крейсера и о склонности Турции примкнуть к тройственному союзу. При этом Столыпин высказал, что правительство к изложенному не может отнестись безучастно, а потому полагает, что России необходимо срочно приступить к мероприятиям, могущим уравновесить военное положение на Черном море.

Получив это письмо, морской министр уже 26 июля вошел к царю с докладом, в котором представил свои соображения о целесообразности: 1) постройки для присоединения к трем линейным кораблям типа „Иоанн Златоуст“ одной новой бригады из трех линейных кораблей новейшего типа и 2) перенесения на текущий год сроков начала постройки намеченных большой судостроительной программой 10 миноносцев и 6 подводных лодок. Морской министр испрашивал повеления теперь же внести в совет министров законопроект об ассигновании, независимо от большой судостроительной программы, потребных кредитов.

На это последовала резолюция царя о согласии.

О результатах доклада 4 августа морской министр сообщил Столыпину письмом, в котором приводил соображения, какими руководствовалось морское ведомство при составлении программы развития морских вооруженных сил империи, и подчеркивал, что „выполнение частной задачи усиления нашего черноморского флота, хотя и признанной председателем совета министров срочной, не должно затормозить общей программы“ и не ослабить нас на Балтийском море.

Со своей стороны, Столыпин поднял вопрос об одновременном перевооружении броненосцев Черного моря и об усилении их.

Слухи о новых предположениях морского ведомства по усилению черноморского флота дошли до печати и встретили критическое отношение со стороны некоторых газет („Московские Ведомости“, „Речь“), которые настаивали на необходимости предварительного обследования ведомства, раньше чем отпускать ему кредиты.

Начало постройки линейных кораблей для Черного моря.

23-го сентября 1910 года морское ведомство вошло в совет министров с представлением „об ассигновании средств на усиление черноморского флота", в котором оно ссылалось на первоначальные свои соображения по усилению черноморского флота, каковые были отвергнуты рядом предшествовавших совещаний из-за признания первенствующего значения предварительной организации обороны Балтийского моря и в виду невозможности осуществить полностью всю программу усиления флота из-за финансовых соображений.

Указав на изменение политических обстоятельств на Черном море и принимая во внимание, что главные силы Турции составят новые линейные корабли, оно находило необходимым построить 3 корабля, которые составят вторую бригаду, в дополнение к ныне существующей в Черном море, и перенести сроки постройки 9 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок уже по внесенному законопроекту в государственную думу на первый год по программе развития морских вооруженных сил.

Местом предполагаемой постройки новых судов для Черного моря избирался Николаев, как глубоко расположенная база в противоположность открытому и не имеющему достаточно места для верфи Севастополю, который должен было сделаться ремонтным и снабжающим портом. Имевшихся в Николаеве средств было совершенно недостаточно для столь крупного судостроения, почему нужно было прежде всего оборудовать элинги и судостроительные мастерские, организовать заново заводы, на что также требовались соответственные ассигнования.

Журнал совета министров 17 января 1911 г. был представлен в государственную думу, которая согласилась на отпуск потребных средств для срочного усиления черноморского флота.

Таким образом, в конце 1911 года были заложены три линейных корабля нового типа для Черного моря: „Екатерина II"—на заводе „О-ва Николаевских судостроительных верфей", „Император Александр III" и „Императрица Мария" — на заводе „Русского Судостроительного О-ва" [1]).

Разработка морским генеральным штабом программы усиленного судостроения балтийского флота и законопроект о флоте.

Возвращаемся к вопросу о судостроительных программах балтийского флота.

Программа судостроения, внесенная в государственную думу 25 марта 1910 года, до 1911 г. ею не рассматривалась.

Все внимание было поглощено сначала рассмотрением сметы морского ведомства на 1910 год, затем срочным усилением черноморского флота.

---

[1]) Архив Морискома, дело № 9100.

Теперь, имея заложенными новые суда в Черном и Балтийском море, морское ведомство опять обратилось к проведению большой программы.

12 марта 1911 года морской министр представил царю доклад по морскому генеральному штабу, в котором указывал, что осуществление внесенной десятилетней программы в государственную думу находится в связи с финансовыми мероприятиями, проведение в жизнь и результат по которым можно ждать не ранее 2—3 лет, между тем программа, имеющая в виду создать на Балтийском море правильно сложенную и организованную морскую силу, не может быть приостановлена еще на несколько лет.

„Было высказано опасение, что так как суда устаревают, медленность судостроения приведет к тому, что они могут оказаться несовершенными уже на стапеле; в особенности критической в этом отношении является постройка минных и подводных судов, срок службы которых меньше, чем больших кораблей. Если допустить, как указывал министр, замедление осуществления судостроительной программы на 3 года, то в 1915 и 1916 году балтийский флот окажется лишенным минных и подводных судов, а также крейсеров. Состав его будет заключаться только в 6 линейных кораблях (4 новых и 2 типа „Андрей Первозванный“) и одном броненосном крейсере („Рюрик“); все же остальные суда по срокам службы и типам явятся совершенно непригодными для операций“.

В случае признания зависимости выполнения существующей судостроительной программы от предположенного плана финансирования и отложения ее осуществления до 1913 или 1914 годов приходилось бы „отказаться от самой программы, признав ее в таком случае не достигающей цели, и приступить к немедленному выполнению судостроения, отвечающего минимальным требованиям, предъявленным с военной стороны к вооруженной морской силе и определяемым существующим положением балтийского флота“.

Минимальная потребность в новом судовом составе, которая обеспечивала бы оперативную способность морской силы, исходя из предполагаемого наличия новых судов в 1915—16 г.г., морским министром определялась в следующем виде:

4 броненосных крейсера,
4 легких крейсера,
36 миноносцев,
12 подводных лодок.

Все эти корабли должны были, по его предположению, вступить в строй в 1915 году, к каковому сроку признавалось необходимым оборудовать соответствующую операционную базу, обеспечивающую развертывание флота, которое при существующей базе (Кронштадт) не могло быть выполнено.

На этом докладе 19 марта 1911 г. Николай II написал: „программу пересмотреть" [1]).

Морской генеральный штаб не переставал работать над составлением программ судостроения, и уже 4 апреля морским министром был представлен новый доклад о состоявшемся пересмотре программ, а 22 апреля была доложена Николаю II программа усиленного судостроения балтийского флота на 1915—16 г.г. и предложен законопроект о флоте с объяснительной запиской.

В этом докладе испрашивалось:

1) Рассмотреть в совете министров программу усиленного судостроения в связи с общим планом развития морских вооруженных сил, изложенных в законопроекте о флоте для ее скорейшего осуществления, начиная с 1911 года.

2) Совместно с министром финансов разработать финансовую сторону законопроекта о флоте для внесения его в совет министров.

Николай II задержал этот доклад у себя до 25 апреля и вернул его министру с резолюцией „согласен" и сказал: „отлично исполненная работа; видно, что стоят на твердой почве; расхвалить их от меня". (Приказ по морскому генеральному штабу 25 апреля 1911 г.).

Доклад морского министра от 4 апреля 1911 года сопровождался представлением: 1) программы усиленного судостроения балтийского флота, 2) объяснительной записка к этой программе и 3) законопроекта о флоте — также с объяснительной запиской.

Программе были предпосланы следующие выводы:.

1) Наличный состав балтийского флота не является оперативно-способным.

2) В случае войны с Германией последняя имеет возможность использовать с полным успехом против России свои устарелые суда, не имеющие серьезного значения на других европейских театрах.

3) Положение флота при отсутствии нового судостроения ухудшается с каждым годом как в отношении качественном, так и в смысле соизмеримости с ежегодно увеличивающимися силами иностранных флотов.

4) Вступление в строй строющихся единиц не изменяет существующей обстановки, так как целесообразное их использование в бою при одновременной устарелости других судов, входящих в состав оперативно-способного соединения, является невозможным.

5) Наше политическое значение с точки зрения соглашения или союзов с великими державами, располагающими морскими

[1]) Архив Морискома, дело № 176.

силами, умаляется, а в некоторых случаях теряет всякую ценность.

6) Продолжение такого положения вещей недопустимо даже в смысле достоинства великой державы.

Выход представлялся, по мнению морского ведомства, один: „усиленной деятельностью исправить потерянное в бездействии время, устранить проистекающие из сего последствия и создать реальную морскую силу в ближайший срок, практически определяемый четырьмя годами (1911—1915 г.г.), для чего следует установить типы судов, число их и срок для создания; установить, в связи с новым судостроением, потребность в вооружении оперативной базы ко времени готовности этой эскадры; определить сроки закладок и готовности предназначенных судов к постройке; определить сроки перечисления судов из одних частей в другие, выхода в капитальный ремонт и исключения из списка судов, потерявших свое значение, и пр.". „Согласовать усиленное судостроение с законопроектом о флоте, которым должно обеспечить планомерное развитие флота".

Объяснительная записка к программе 1911—1915 года содержала основную мысль: предполагаемая к постройке на Балтике морская вооруженная сила имеет задачей борьбу с германским флотом и создание такой обстановки, которая могла бы вывести вопрос о безусловном обладании Балтикой Германией в положение спорного.

„Борьба с германским флотом есть главное и единственное назначение долженствующего быть на Балтике российского флота. Балтийское море является единственным главным театром, определяемым внешней политикой России, где вооруженная морская сила может непосредственно служить ее основанием и без наличия которой существование России, как великой державы, не может иметь значения. Признание невозможности создать такое основание подчиняет государственную волю внешнему влиянию, и создает недопустимые для великой державы положения, граничащие с нарушением не только неприкосновенности, но и целости тех территориальных частей, господство над которыми создалось и опирается на вооруженную морскую силу".

Таковы были общие положения, которые морской генеральный штаб старался внедрить в сознание государственной думы, для которой, в конечном счете, эта записка была предназначена.

Указав на необходимость флота вообще, записка переходила к сравнению сил наших и возможных противников, останавливаясь прежде всего на Германии. Ее главные силы находились в Северном море, „но, по мнению морского генерального штаба, это сосредоточение оказывается возможным

только до создания на Балтике такой силы, с которой германскому флоту придется считаться. Одно наличие оперативно-способной эскадры на Балтике расстроит все политические комбинации Германии, так как основание этих комбинаций — господство на Балтийском море этим совершенно нарушается"... „Только тогда получит реальное значение какое-либо соглашение России с Англией и увеличивается такое же с Францией"...

Таким образом, выдвигался новый мотив, которого раньше не было в плановых предположениях морского генерального штаба: усилив флот на Балтике, лишить возможности Германию сосредоточить все ее морские силы против Англии. Это было вероятным следствием уже заключенного соглашения с последней.

Далее в записке говорится: „военно-морская политическая обстановка, определяемая судостроением Германии, Австрии и Турции, указывает на 1914—1915 г.г. как в высшей степени угрожающие, а потому 1915 год должен быть принят за срок, к которому должна быть сформирована современная эскадра на Балтике".

Разработанный морским генеральным штабом „закон о флоте" являлся попыткой воспроизвести в России такой же порядок какой был в отношении судостроения в Германии. Опыт проведения судостроительных программ, неустойчивость принимаемых решений, шаткость точек зрения на флот и пр. были достаточно убедительны, чтобы введением „закона о флоте" положить этому предел, обязав законодательные учреждения, раз утвердив программу на много лет вперед, затем считать кредиты забронированными. Проект закона о флоте устанавливал определенный состав флота по годам, с указанием сроков закладки новых кораблей равно и порядок замены устаревших судов.

Полный состав предположенных проектом закона о флоте, балтийских морских сил, не считая судов вспомогательных, выражался в следующих цифрах:

	Линейные корабли.	Броненосные крейс.	Легкие крейсера.	Эскадренные миноносцы.	Подводные лодки.
Активный флот.					
1-я эскадра	8	4	8	36	12
2-я эскадра	8	4	8	36	12
Резервный флот.					
3-я эскадра	8	4	8	36	12
	24	12	24	108	36

Проектом устанавливались следующие сроки службы судов.

	Всего службы (лет).	Из них в активном флоте.
Для линейных кораблей	22	16
„ броненосных крейсеров	22	16
„ легких крейсеров	18	13
„ эскадренных миноносцев	17	12
„ подводных лодок	14	10

Необходимость передать часть заказов на заграничные судостроительные заводы [1].

2 мая 1911 года переработанная программа усиленного судостроения вместе с законопроектом о флоте была внесена в адмиралтейств-совет, а морскому техническому комитету было предложено составить расценку ее стоимости. Однако, до октября последний своих расчетов закончить еще не мог.

5 октября морской генеральный штаб вошел с докладом к морскому министру, в котором подверг критике уже произведенную часть подсчетов, и указал, что стоимость линейных судов и легких крейсеров отечественной постройки такова, что за границей можно было бы на ту же сумму построить силу на 50% большую по тоннажу. Это явление морской генеральный штаб объяснял покровительственной системой собственным заводам, „тем более недопустимой, что сроки выполнения у наших заводов являются неизменно выше заграничных, без всякой гарантии и практической ответственности за опоздание". Что касается казенных заводов, „то они не только не в состоянии регулировать цен частных заводов, но всегда ставят расценки выше их..."

Поэтому штаб предлагал следующие мероприятия:

1) Теперь же испросить кредит на подготовку двух стапелей для броненосных крейсеров на Балтийском и Адмиралтейском заводах, независимо от того, будут ли даны сейчас заказы на эти крейсера или нет.

2) Рассмотреть финансовые исчисления программы и, если понизить стоимость судов до нормальных размеров, определяемых заграничными ценами, не представится возможным, то постройку 4 броненосных крейсеров передать на английские и итальянские судостроительные заводы.

3) То же самое сделать в отношении легких крейсеров.

4) Дать заказ за границу вместо одного—двух дивизионов эскадренных миноносцев и вместо трех—шести подводных лодок.

5) Ограничиться постройкой в России в период 1914—1915 г.г. двух дивизионов миноносцев и пяти подводных лодок.

---

[1]) Архив Морискома, дело № 176.

6) Войти в совет министров с докладом о неприемлемости расценок, предъявляемых отечественными судостроительными заводами, и о необходимости отказаться, хотя бы на пять лет, от покровительства отечественному военному судостроению и выполнить усиленную программу, хотя бы путем постройки судов на иностранных заводах.

Для подкрепления своего доклада морской генеральный штаб собрал сведения о стоимости постройки судов заграницей. Им была составлена нижеследующая таблица сравнительной стоимости постройки одной тонны водоизмещения в разных государствах.

	Россия.	Англия.	Германия.	С. А. Ш.	Италия.
Линейного корабля	1.532	913	846	876	1.090
Броненосного крейсера	1.720	943	817	—	1.060
Легкого крейсера	1.840	—	910	—	—

Что касается миноносцев, то германские фирмы дали их стоимость (без артиллерии) в 1.147 рублей за тонну против 1.567—наших заводов.

На этом докладе имеется резолюция морского министра адм. Григоровича: „Я уверен в отказе на заграничные заказы. Надо помириться, что 1911 год пропал для постройки судов, что я и раньше говорил... Нельзя было рассчитывать при закрытии сессии Государственной Думы, чтобы разрешение законопроекта прошло в 1911 году ранее конца года. Даже если бы закон об усиленном судостроении и был внесен в октябре, то ранее 1912 года денег, вероятно, не дали бы. Поэтому не следует падать духом, а принять все меры к скорейшему обоснованному подсчету усиленной программы, считая ее с 1912 года по 1916 год, и внести в законодательные учреждения в ближайшую сессию законопроект, а его скорейшее проведение будет сделано. Что касается легких крейсеров, то их постройка за границей может быть сделана еще до 1914 года. Я очень прошу товарища морского министра с морским генеральным штабом ускорить это дело. Григорович 5/X 1911 г.“.

Представление морским ведомством в совет министров программы усиленного судостроения [1].

Наконец, по обосновании финансовой стороны 19 го ноября 1911 года программа была представлена в совет министров. 15-го декабря она была рассмотрена, но совет министров, ознакомившись с ее содержанием, не высказал сразу своего мнения, а постановил образовать особое совещание из высших представителей различных ведомств под председательством морского министра для предварительного о ней суждения.

После нескольких заседаний означенного совещания, в котором программа была детально рассмотрена, она вновь вернулась в совет министров, который 18-го февраля 1912 года высказал следующее мнение (по журналу заседания совета министров от этого числа):

1) Совет министров не встретил препятствий предоставить морскому министру право испросить в законодательном порядке необходимые на осуществление программы средства в размере, исчисленном морским ведомством.

2) Относительно начального срока отпуска потребных кредитов совет министров полагал, что если предположения морского ведомства получат утверждения в настоящем году, то для выполнения новой судостроительной программы средства должны быть позаимствованы морским ведомством из ассигнованных на 1912 год на другие строительные надобности, с тем, чтобы это позаимствование было погашено из сметы 1913 года.

3) Рассматривая цифровые данные, совет министров нашел, что общий итог в течение шестилетия 1912—1917 г.г., за вычетом уже ассигнованных на 1912 год, выразится суммой 1.292,7 м. р., или составит в среднем 258,5 м. р. в год, что превышает смету 1912 года на 84%, а смету 1911 года на 179%. „По сему видно, что по своим финансовым результатам новая программа судостроения существенно отличается от программы 1910 года, так как согласно ее, ассигнования на развитие наших морских вооруженных сил в течение 10-летия исчислялись в сумме около 698 м. р., а за вычетом обычно отпускаемых по сметам кредитов на новое судостроение и на устройство портов размер добавочного ассигнования выразился бы примерно суммой 550 м. р.“.

По мнению совета министров, это возрастание расходов объясняется, главным образом, расширением заданий в новой программе, сравнительно с таковой 1910 года. Поэтому было признано желательным, чтобы морское ведомство в представлении, имеющем быть внесенным в Государственную Думу, изложило соображения, которые заставляют его заменить старую программу новой, более обширной.

---

[1]) Архив Морискома, дело № 196.

4) Кроме того совет министров обратил внимание морского ведомства на неудобство ссылаться в представлении на законопроект о флоте, так как проект этого закона может получить окончательное утверждение в порядке военно-морского законодательства лишь по разрешении в общем законодательном порядке потребных на осуществление предъявленной программы средств.

5) Было высказано пожелание, чтобы представление было предварительно согласовано с министром финансов и государственным контролем.

Представление морским ведомством программы усиленного судостроения в Государственную Думу 5 марта 1912 года [1].

5 марта 1912 года программа усиленного судостроения была представлена в государственную думу и в Государственный совет.

Морское ведомство просило:

I) Определить стоимость выполнения представленной судостроительной программы в 502.744.567 р.

II) Предоставить морскому министерству потребные в текущем году средства на приступление к выполнению указанной в отделе I судостроительной программы, в составе предусмотренных на другие строительные надобности ассигнованных по смете министерства на 1912 год.

III) Для возмещения сделанных позаимствований по смете морского министерства по 1912 год и на продолжение работ по выполнению той же программы предоставить морскому министерству вносить в его финансовые сметы:

На 1913	год	114.000.000 руб.
„ 1914	„	102.000.000 „
„ 1915	„	102.000.000 „
„ 1916	„	102.000.000 „
„ 1917	„	82.744.567 „
	Всего .	502.744.567 руб.

Бюджетная комиссия государственной думы признала предположения морского министерства в общем правильными, указав, что составленный план обороны морских границ должен быть осуществлен полностью и в кратчайшее время, во всяком случае не позже 1916 года, указанного ведомством как конечный срок. К этому же сроку, по мнению комиссии, безусловно должны быть закончены фортификационные работы по обороне ревельского района.

Относительно финансовой стороны вопроса комиссия сочла неправильным предложенный морским ведомством способ изыскания источников для приступа к работам в 1912 году

[1]) Дело Морискома № 196.

в виде позаимствования из кредитов, ассигнованных на другие надобности и предложило таковые получить из свободной наличности государственного казначейства...

Комиссией, между прочим, были приведены сведения об отпущенных, начиная с 1908 года, и имеющих быть отпущенными до 1917 года включительно средствах на судостроение:

1) Постройка 4-х кораблей типа „Севастополь“ для балтийского флота	147.464.858 руб.
2) Постройка судов для черноморского флота	102.000.000 „
3) Дополнительные потребности по артиллерии и минной части для означенных судов .	34.120.008 „
4) Судостроение по представленной программе 1912—1916 г.г.	502.744.507 „
Итого . .	786.929.433 руб.

В счет этих сумм отпущено по 1912 г. 133.677.813 руб.

6-го июня 1912 года, наконец, состоялось рассмотрение Государственной Думой представления морского министерства о программе судостроения, которая была принята большинством 197 голосов против 89-ти.

Таким образом, были получены кредиты для осуществления большой или, как было принято называть ее, „усиленной“ судостроительной программы, по которой флот, к 1916—1917 г.г. должен был быть доведен до значительных размеров.

Согласно отпущенных кредитов были начаты работы по сооружению новых судов.

Распределение заказов и времени закладки судов видны из следующей таблицы:

Наименование судов.	Наименование верфи.	Время закладки.
ДЛЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ.		
Линейные крейсера.		
„Бородино“	СПБ Адмиралтейский завод.	6/XII—1912 г.
„Наварин“		
„Измаил“	СПБ. Балтийский завод.	
„Кинбурн“		
Минные крейсера.		
„Муравьев-Амурский“ .	Германия, завод Шихау в Эльбинге.	10/X—1913 г.
„Адмирал Невельский“ .		

Наименование судов.	Наименование Зерфи.	Время закладки.
Легкие крейсера.		
„Адмирал Грейг"	Ревель, Русское общество изготовления снарядов и боевых припасов.	
„Светлана"		
„Адмирал Бутаков" . .	СПБ. Путиловский завод.	16/XI—1913 г.
„Спиридов"		
9 миноносцев типа „Гогланд"	Завод Цизе в Риге.	23/XI—1913 г.
8 миноносцев типа „Орфей"	СПБ. Металлический завод.	29/XII—1912 г.
8 миноносцев типа „Лейтенант Ильин"	Путиловский завод.	16/XI—1913 г.
6 миноносцев типа „Гавриил"	Русское общество в Ревеле.	24/XII—1913 г.
5 миноносцев типа „Громоносец"	Завод Бекера в Ревеле.	27/X—1913 г.
4 подводных лодки . . .	СПБ. Балтийский завод.	
8 подводных лодок . . .	Завод Леснера в Ревеле.	8/IV—1913 г.
ДЛЯ ЧЕРНОГО МОРЯ.		
Легкие крейсера.		
„Адмирал Нахимов" . .	Русское судостроительное общество в Николаеве.	18/X—1913 г.
„Адмирал Лазарев" . . .		

Грандиозные начинания морского ведомства, приступившего, наконец, к осуществлению постройки судов по программе, охватывающей планомерное развитие флота, т.-е. то, к чему оно стремилось после русско-японской войны, однако, оказались на деле бесцельными.

Несмотря на то, что царское правительство фактически утвердило всю грандиозную программу судостроения и оборудования театров (см. главу VIII), отпустив громадные средства, оно, не считаясь с тем, что вновь выстроенные суда создадут совершенно иное соотношение сил, начало войну (или не уклонилось от нее), не дождавшись готовности боевого флота, вступив в борьбу, не имея в строю ни одного современного корабля.

Состояние готовности строящихся судов к моменту начала войны видно из следующей таблицы:

По программе 1909 года.

Наименование судов.	Степень готовности к концу 1914 г.	Когда вступили в строй.
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ.		
Линейные корабли.		
„Севастополь“	Заканчивались.	Зимой 1914—15 г.г.
„Гангут“		
„Полтава“		
„Петропавловск“		

По программе 1911 года.

ДЛЯ ЧЕРНОГО МОРЯ.		
Лин. корабль „Императрица Мария“	64,9%	Весной 1915 г.
„Император Александр III“ . .	53,2%	Летом 1917 г.
„Екатерина II“	33,6%	В конце 1915 г.
Крейсера.		
„Адмирал Лазарев“	14,2%	
„Адмирал Нахимов“	14,4%	
Миноносцы.		
„Беспокойный“	5 Окончены.	
„Гневный“		
„Дерзкий“		
„Пронзительный“		
„Громкий“		
„Поспешный“	около 88%	
„Пылкий“	82%	
„Быстрый“	2 Окончены.	
„Счастливый“		

Программа 1912 года.

Наименование судов.	Степень готовности к концу 1914 г.	Наименование судов.	Степень готовности к концу 1914 г.
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ.		„Кап. Кроун“	13%
Линейные крейсера.		„Орфей“	54%
		„Гром“	54%
„Наварин“	20%	„Забияка“	59%
„Бородино“	30%	„Победитель“	59%
„Измаил“	43%	„Летун“	4%
„Кинбурн“	38%	„Десна“	4%
		„Самсон“	—
Легкие крейсера.		„Азард“	—
		„Гавриил“	50%
„Адм. Бутаков“	1,7%	„Михаил“	31%
„Адм. Спиридов“	1%	„Владимир“	33%
„Светлана“	2,5%	„Константин“	45%
„Адмирал Грейг“	2,5%	„Сокол“ ?	—
		„Лейт. Ломбард“	—
„Муравьев-Амурский“	С началом войны остались в Германии, достроены для германского флота.	„Богланд“	33,5%
„Адмирал Невельский“		„Гренхамн“	48%
		„Стирсуден“	8%
		„Патрас“	9%
		„Хиос“	2%
Миноносцы.		„Тенедос“	2%
„Лейт. Ильин“	67,7%	„Рымник“	2%
„Кап. Зотов“	51,7%	„Смоленск“	2%
„Кап. Белли“	69%	„Кульм“	26%
„Изыльметьев“	62%	„Громоносец“	86%
„Лейт. Дубасов“	61%	„Автроил“	79%
„Кап. Керн“	49%	„Брячеслав“	65%
„Кап. Кинсберген“	45%	„Прямислав“	67%
		„Федор Стратилат“	1%

Подводные лодки в количестве 18—в разной степени готовности.

Как видно из этого перечня, большинство судов к 1914 г. находилось еще в первоначальной стадии постройки.

К концу 1914 г. заканчивалась бригада линейных кораблей „Севастополь", другая же линейная бригада крейсеров типа „Измаил" была только начата, между тем вступление ее в строй удваивало бы силы балтийского флота.

Часть этих судов была достроена во время войны, но значительное число осталось недостроенным вовсе.

Заключение. Период деятельности морского ведомства, рассмотренный в настоящей главе, является последним, в течение которого его мероприятия в отношении создания морских сил имели реальное значение для мировой войны. Как мы указали, задуманной программе 1912 года не суждено было осуществиться в полной мере, она лишь частично была выполнена к началу войны, частично во время ее, наиболее же ценная часть (линейные крейсера) осталась неосуществленной вовсе.

Подводя итоги изложенному в настоящей главе, следует отметить:

1) Факт запоздания программы явился следствием чрезвычайной громоздкости путей проведения намеченных мероприятий в жизнь. С осени 1909 г. до весны 1912 г. вопрос не выходит из стадии обсуждений, переписки и волокиты. Более двух лет, несмотря на то, что политические события и весь курс внешней политики определенно вели к войне, тратится на бесполезные переговоры. В ряде записок, кои мы лишены возможности привести за недостатком места, 1914 и 1915 годы определенно указывались как моменты вероятного боевого столкновения.

Анализ политической и в особенности экономической обстановки, спешные перегруппировки обеих враждебных империалистических групп, грандиозное развитие маринизма и империализма, боевое напряжение вооруженных сил—все это ясно указывало, что Европа накануне войны.

Неоднократные предупреждения вызывали лишь платонические отклики, но не двигали вопроса о скорейшем осуществлении нужных мероприятий.

2) Задачи, которые ставились флоту в течение рассмотренного периода, постепенно видоизменялись. По мере приближения к развязке вырастал масштаб их.

Сначала это были исключительно оборонительные задачи (1905 г.), затем, сохраняя оборонительный смысл (1906—1909 гг.), они предусматривали вынесение обороны к устью Финского залива, наконец, были сменены стремлением к выполнению

активных стратегических маневров, связанных с наступлением. В 1910—11 гг. мы уже встречаем план довести флот до такой силы, чтобы он мог угрожать десантом в тыл и фланг вероятного противника и мог бы бороться за обладание морем с германским флотом.

Это расширение задач флота было справедливо отмечено в заседании совета министров, его приходится поставить в связь с состоявшимся соглашением с Англией (1909 г.) и выяснившейся группировкой политических сил в предвидении мировой войны. Главный противник—Германия—связан на Северном море. Это меняло общее стратегическое положение и на Балтийском.

3) Интересы черноморского флота отходят на второй план; задача преобладания на этом море попрежнему озабочивает морское ведомство, но оно уже не содержит определенной идеи—стремления к Босфору, которая была вложена в основание черноморского флота. Главные интересы—на Балтике; к Черному морю внимание было обращено лишь потому, что Турция начала усиливать флот. Это побудило царскую Россию начать здесь новое судостроение. Тенденции обороны преобладают.

4) В приведенных выдержках и извлечениях из документов мы находим стратегическое обоснование (авторитетное—поскольку мог почитаться авторитетным морской генеральный штаб) нашего стремления к войне с Германией: обеспечить себя с запада, чтобы иметь развязанными руки ни юге и востоке.

Призрак новой войны с Японией еще довлеет в стратегических соображениях морского генерального штаба.

5) Однако, в политических стремлениях еще нет уверенности. Морской министр жалуется на отсутствие указаний из министерства иностранных дел. Глава последнего неизменно присутствует на ответственнейших заседаниях, в которых обсуждались общие политические предпосылки к программам морского ведомства, но его авторитетного слова не слышно, его влияния не заметно. Морской генеральный штаб сам, как и ранее, комментирует обстановку: он ставит задачи и, не имея принципиальных возражений, поправок или критики, проводит их в жизнь [1]).

---

[1]) В характеристике деятельности морского генерального штаба пропущена одна интересная для настоящего времени особенность его работы. Каждый анализ обстановки в большинстве записок офицеров генмора базируется на изучении экономических условий. Материалами для стратегических решений являются данные бюджетов, экономической конкуренции, финансовых возможностей и пр. Это до некоторой степени заменяло отсутствующие указания министерства иностранных дел.

Ред.

Настойчивость, с которой морское ведомство прививало свои идеи как государственной думе, так и правительству, заслуживает быть отмеченной [1]).

6) Не рассматривая специально вопроса об отношениях морского и военного ведомств, необходимо отметить, что в изложенном периоде эти отношения приняли несколько иной характер, нежели тот, который был им присущ ранее. Пока существовал (до 1909 года) совет государственной обороны, явно враждебно относившийся к флоту, военное ведомство имело возможность непосредственно влиять на его развитие и планы, и при этом влиять всегда в смысле обращения таковых исключительно к задачам обороны побережья. Лишь с большим трудом удавалось бороться против этой тенденции. Голоса Сухомлинова и Мышлаевского на заседании совета министров 3 августа 1909 г. были типичными выразителями мнения военного ведомства.

Но потом военное ведомство постепенно отстранялось от влияния на развитие флота, на выяснение его задач. Это привело к другой крайности—к почти полному разрыву в работе обоих ведомств. Согласованные лишь в самой общей части, но не координированные по существу, их стремления фактически не шли параллельно,

Результатом этого было то, что военное ведомство, рассуждая только с точки зрения сухопутных приготовлений, не учитывало нашей неготовности на море, столь явной, сколь о том могли свидетельствовать сроки готовности судов.

7) Морскому ведомству не удалось провести „закона о флоте“, достигнуть которого оно стремилось. Этот закон обеспечил бы планомерное развитие флота на много лет вперед.

Поскольку при этом были широки замыслы морского ведомства, можно заключить из следующей таблицы—плана о пополнении судового состава балтийского флота в период 1910—1930 гг.

---

[1]) За весь период 1907—1913 г.г. морской генеральный штаб, помимо выполнения своих специальных функций, является главным органом пропаганды флота.

Состав балтийского флота к 1 января каждого года (по проекту закона о флоте).

Года.	Линейные корабли.		Броненосн. крейсера.		Крейсера.		Эскадренные миноносцы.		Подводные лодки.	
	Действующ.	Резервные.	Действующ.	Резервные.	Действующ.	Резервные.	Действующ.	Резервные.	Действующ.	Резервные.
1909	2*	—	1*	—	3*	3*	36*	36*	—	—
1910	2*	—	1*	—	3*	3*	36*	36*	—	—
1911	2*	—	1*	—	6*	3*	36*	36*	—	—
1912	4*	—	1*	—	6*	3*	36*	36*	—	—
1913	4*	—	1*	—	4*	3*	36*	36*	—	—
1914	4*	—	1*	—	4*	3*	36*+9	36*	3	—
1915	4*+4	—	1*	—	3*+4	4*	36*+18	36*	6	—
1916	2*+4	2*	4	1*	4	3*	36*+27	36*	9	—
1917	2*+4	2*	4	1*	8	3*	36	36*	12+3	—
1918	8	4*	4	1*	8	3*	36	36*	12+3	—
1919	8	4*	4	1*	8	3*	36+9	36*	12+6	—
1920	12	4*	4	1*	12	3*	36+18	36*	12+9	—
1921	12	4*	4	1*	12	3*	36+27	—	12+12	—
1922	12	4*	8	1*	16	3*	36+36	—	24±3	3
1923	12	4*	8	1*	16	3*	72	—	24±3	6
1924	16	2*	8	1*	16	3*	72+9	9	24±3	9
1925	16	2*	8	1*	16+4	4*	72+9	18	24±3	12
1926	16+4	2*+4	8	1*	16	4*	72+9	27	24±3	12±3
1927	16	2*+4	8	1*	16+4	8	72+9	36	24±3	12±3
1928	16	2*+4	8+4	4	16	8	72	36	24±3	12±3
1929	16	2*+4	8	4	16	8	72+9	36*±9	24±3	12±3
1930	16+4	8	8	4	16+4	8±4	72+9	36*±9	24±3	12±3

Примечание. Цифры со звездочкою—существующие корабли.
Цифры, набранные жирным шрифтом—корабли, вступающие в строй вместо переходящих в резерв.
Цифры, набранные курсивом — корабли, переходящие в резерв на замену выбывающих вовсе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Планы развития морских сил России в период непосредственно перед войной.

(1912—1914 г. г.).

Предположения морского генерального штаба о разработке планов войны на 1918 год. Возникновение вопроса о спешном усилении черноморского флота в связи с предполагаемой покупкой Турцией двух дредноутов. Записка министра иностранных дел Сазонова 23 ноября 1913 г. Доклад морского генерального штаба о срочных мерах для усиления черноморского флота. Предположения морского министерства о приобретении за границей линейных кораблей для Черного моря. Заседание у министра иностранных дел 8 февраля 1914 года. Русско-французская морская конвенция. Общение русского и французского морских генеральных штабов.

После проведения в законодательных учреждениях судостроительной программы 1912 года, получения кредитов на развитие портов, баз и на оборудование театра военных действий (см. гл. VII), морское ведомство было освобождено от необходимости доказывать право флота на существование. Перед ним раскрылись новые перспективы, в связи с использованием крупных сил, которые должны были влиться в его состав.

Казалось, они были предрешены планами, обусловливавшими создание флота. Но, по мере усиления и получения новых средств, планы обычно не остаются теми же. Так, в обзоре восстановления флота в период 1881—1904 г. г. мы видим, что уже в середине 90-х годов, как только вступили в строй новые суда—задачи обороны в Балтике сменились активными целями на Дальнем Востоке; когда обширные судостроительные программы были близки к завершению, была поставлена новая и более широкая задача одновременного преобладания и в Тихом океане и на Балтике (1903 год).

После крушения всех планов, после неудачного исхода русско-японской войны, флот имел весьма скромные задачи по обороне Балтийского моря. Но теперь, когда было положено прочное начало его будущему развитию, естественно, возник вопрос о новых задачах, об использовании флота в более широких целях нежели те, которые ему ставились в период его слабости.

Хотя большая часть мероприятий, о которых мы будем говорить в настоящей главе, осталась неосуществленной, но они представляют общий интерес для суждения о масштабе и характере идей, уже насаждавшихся, но прерванных мировой войной.

Предположения морского генерального штаба о разработке планов войны на 1918 год [1].

7 ноября 1913 года морской генеральный штаб докладывал морскому министру, что „в настоящее время окончательно выяснилось счастливое и отличное начало воссоздания отечественного флота, вследствие чего центральной работой морского генерального штаба должна явиться разработка проектов дальнейших мероприятий, вытекающих из положенного удачного начала флота".

Этих крупных мероприятий намечалось два:

„1) Надо так подготовить все возможные в будущем операции нашего флота, чтобы при какой политической и стратегической обстановке ни началась бы война, нынешний флот выдержал бы испытание с честью и удачей.

2) Надо так обеспечить будущее нашего военного судостроения, чтобы при всяких обстоятельствах оно сохранило бы тот широкий размах и ту рациональную систему, которые мы видим столь удачно осуществленными в ныне положенном его начале.

Первым вопросом является определение задач флота в 1918 году, получающего такую силу, что, кроме прежних скромных операций по обороне отечественных берегов, необходимо иметь и общую стратегическую операцию флота, имеющую в виду более широкую и плодотворную цель сверх обороны своих берегов, также и охрану свободы морских путей России. Очевидно, было бы нерационально строить военный флот на суммы, переходящие за миллиард рублей, для защиты побережья Финского залива от десанта двух немецких корпусов, весьма проблематического с точки зрения серьезного стратегического расчета. (Курсив наш. *М. П.*).

„Задач по обороне морских путей—было и остается три:

1) Из Атлантического океана в Балтийское море.
2) В Тихий океан из Японского моря.
3) В Средиземное море из Черного.

Выполнение первой задачи по причине подавляющего превосходства германского флота остается для русского флота еще надолго непосильным: выполнение второй, по

---

[1]) Архив Морискома, дело № 735.

совокупности политических и стратегических задач настоящего времени не может быть поставлено на очередь. Остается лишь одна активная задача—обеспечить свободу морского пути из Черного моря в Средиземное.

Выполнение этой задачи, повидимому, согласно существующей международной политической конъюнктуры неотложно, так как окончательное решение „восточного" вопроса, вероятно, произойдет в ближайшие годы и тогда (каким бы ни оказалось это решение в отношении России) флот наш должен быть готов к военным действиям в Черном и Средиземном морях, дабы морское ведомство не заслужило снова тяжелого упрека в том, что, выстроив большой флот, оно не сосредоточило его в нужном месте и не подготовило к той стратегической операции, опираясь на которую, политика смогла бы с честью и с удачей провести Россию сквозь все тревоги и затруднения, которые неизбежно свяжутся с решением „восточного" вопроса.

Следовательно, нам необходимо, имея в виду общий состав нашего флота в 1918 году, к этому времени подготовить возможные его активные операции совместно в Черном и Средиземном морях.

Такая подготовка включает в себе после судостроения еще следующие работы:

1) Создание и организацию личного состава для нового флота.

2) Создание, оборудование и организацию его оперативной базы (для данной операции).

3) Оборудование будущего театра военных действий в инженерном отношении и прочие происходящие отсюда мероприятия.

4) Создание средств снабжения и его организацию на данном театре военных действий для данной операции".

Вся эта программа, по предположению морского генерального штаба, должна была быть выполнена к 1918 году.

„Вторым неотложным вопросом является вопрос о следующей программе судостроения, ибо, если мы хотим обеспечить новому флоту дальнейшее после 1917 года судостроение, то нужно уже теперь поднять этот вопрос в высших правительственных учреждениях, ибо совершенно нельзя поручиться, что через год-другой, в силу тех или других обстоятельств, вторая наша программа судостроения не встретит серьезных препятствий и осложнений при проведении в законодательных и правительственных учреждениях, и за хорошим началом создания крупного русского флота не последует новая остановка его развития, каких в его прошлом бывало так много".

Поэтому морской генеральный штаб просил следующих директив:

1) Возможно ли положить в основание разрабатываемых планов войны, имеющих в виду строющийся флот, а также и тот, который будет строиться после 1917 года, как руководящую мысль всей нашей военно-морской подготовки на ближайшие годы, общую стратегическую идею о готовности нашего балтийского и черноморского флотов к операциям не только по обороне своих берегов, но и к активной совместной операции в Средиземном и Черном морях, для обеспечения, при всяких обстоятельствах, морского пути России из Черного в Эгейское море?

2) Должно ли положить в основание начатой разработки новой программы судостроения только что указанную общую идею—активного, а не только оборонительного флота России?

3) Должно ли представить соображения морского генерального штаба для всеподданнейшего доклада по этим вопросам?

„При этом следует указать,—писал морской генеральный штаб,—что по сношении с министерством иностранных дел выяснилось, что сосредоточение всех наших военно-морских усилий в Черном и Средиземном морях дало бы России более веский голос при решении „восточного" вопроса. И что такая наша стратегическая мера была бы очень желательна нашему союзнику—Франции, подкрепление флота которой в Средиземном море нашей средиземноморской эскадрой против соединенного флота Австрии и Италии вполне отвечает желанию французского главного морского штаба".

На этом докладе морским министром была положена резолюция „вполне одобряю и прошу работать в указанном направлении. И. Григорович".

Согласно этой директивы, в морском генеральном штабе начались подготовительные работы в соответствии с намечающимся новым курсом нашей военно-морской стратегической мысли.

Среди документов того времени мы находим характерный черновой проект доклада, содержание которого, несомненно, приходится связать с определенным течением в министерстве иностранных дел (оформившемся в известном проекте Базили).

В виду особого интереса, мы считаем нужным привести основные мысли этого проекта, являвшегося весьма показательным для оценки тенденций нашего генерального штаба перед мировой войной.

Автор возвращается к задаче флота, формулированной в 1881-м году, где за Черным морем и его флотом признавалось первенствующее значение. Собираются все аргументы для доказательства, что и при современной обстановке главная задача русского флота—обеспечить выход в Средиземное

море. Делается ссылка на слова адмирала Дубасова, некогда им сказанные: „России нужен не Босфор, а Босфор и Дарданеллы, т.-е. свободный выход из внутреннего Черного моря—на мировой простор". „В свое время мы должны обладать обоими проливами", „идея эта так давно и так глубоко лежит в русском сознании и она так проста в своем выражении, что всякое отступление от нее будет представлять опасность, и она всегда явится выражением того, что справедливо признается для России исторической заповедью".

Политическая обстановка, предвидимая при захвате царской Россией Босфора и Дарданелл военной силой в случае серьезных осложнений, грозящих окончательно решить восточный вопрос, рисуется такой:

1) Франция не окажет помощи, но и не воспрепятствует захвату и может быть о нем предупреждена заранее.

2) Англия будет противиться, но, поставленная перед свершившимся фактом военного захвата, примирится с ним, и тем легче, чем лучшее стратегическое положение Россия будет занимать, при условии некоторых с ее стороны обязательств, гарантирующих торговое движение в Франции проливах.

3) Тройственный союз будет противиться, и в нем особенно решительно—Австрия.

При этом учитывается вражда Англии и Германии, что могло создать обстановку, при которой они будут сговорчивее с третьими державами.

Далее приводится такая схема:

Политика.	Стратегия.
1) Определенно, впредь до конечного решения задачи, нерушимо принимается для всех дипломатических усилий России следующая политическая цель:	1) В полной зависимости от принятой политической цели, целью всех морских стратегических усилий России ставится:
В ближайшие годы—1918—1919 г.г. овладеть Босфором и Дарданеллами.	В ближайшее пятилетие—1913—18 г.г.—вполне приготовить серьезную морскую силу, ее базу и всю ее операцию, необходимую для военного захвата проливов при изъясненной выше политической и стратегической обстановке.

2) Добиться отмены международных постановлений (парижских конвенций и пр.) о закрытии турецких проливов для военных судов, т.-е. утвердить международное право всякой державы проводить свои военные суда из Средиземного в Черное море и обратно. Однако, только отмены конвенций, но отнюдь не установление „нейтрализации" проливов, которая фактически отняла бы у России надежду когда-либо занять подобающее и необходимое ей г о с п о д с т в у ю щ е е положение.

3) Войти в самые дружеские сношения с Грецией, порта которой явятся необходимой для нашего флота базой при его действиях в Средиземном море.

Эти дружеские отношения с Грецией надлежит довести до заключения с ней военной конвенции о совместных действиях при нашем возможном захвате Босфора и Дарданелл и о соответствующем развитии некоторых греческих портов в качестве базы нашего флота, при русской, конечно, финансовой поддержке.

4) Политически подготовить захват проливов посредством:

а) Предварительного о том соглашения с Францией.

2) Сосредоточить весь русский флот, т.-е. балтийский и черноморский, в Эгейском море в течение 15—18 г.г.

При этом, оборона балтийского побережья должна быть возложена на армию и на Ревель—Поркаллаудскую крепость вместе со всем (балтийским и черноморским) резервным флотом, который будет в 17-м году в составе 8 довольно сильных линкораблей с соответственными прочими частями.

3) Оборудовать в Эгейском море театр и базу своему флоту в пределах, допустимых международными постановлениями вообще и союзом с Грецией в частности. Здесь придется держать для нашего флота плавучую базу, которая будет стоять в греческих портах.

4) Стратегическая подготовка захвата проливов посредством:

а) Сосредоточения к 1918—1919 г.г. русской эскадры в 12 дредноутов со всеми соответствующими другими частями флота (крейсеры, миноносцы, транспорты и пр.).

б) Сближения с Италией и перемещения ее в сферу тройственного согласия, дабы при военных действиях, хотя бы в первое время, она не выступила активно против нас.	б) Подготовка в Черном море десантной операции для окупации берегов Босфора и Дарданелл...
в) Если возможно, предварительное соглашение с Англией и во всяком случае тесная с ней дружба до решения нашей задачи, дабы Великобритании было бы труднее двинуться против нас.	в) Подготовка на случай войны наступательной операции сосредоточенного русского флота против австрийского и других, которые окажутся на его стороне.

Изложенный проект находился в периоде обработки в стенах морского генерального штаба, когда, силою событий, вопрос о Босфоре был поставлен на очередь.

Возникновение вопроса о спешном усилении черноморского флота в связи с предполагаемой покупкой Турцией двух дредноутов [1]).

Это новое дело возникло из двух писем министра иностранных дел морскому министру в декабре 1913 года, в которых он прилагал копии своего всеподданнейшего доклада от 23 ноября и копию донесения посла в Константинополе от 14 ноября с указанием на положенную Николаем II резолюцию: „продолжаю считать первейшим условием спокойного развития юга России—безусловное преобладание ее черноморского флота над турецким, поэтому нам предстоит необходимость чрезвычайных усилий для достижения и в будущем этого преобладания на Черном море".

Посол в Константинополе сообщил о новых военно-морских вооружениях Турции. Эти вооружения не ограничивались заказанными в Англии дредноутами. Турецкое правительство стремилось, кроме того, к приобретению строящихся в Англии для южно-американских республик двух дредноутов покупке в Италии трех военных судов. Посол указывал, что финансовое положение Турции не помешает ей все-таки найти деньги для покупки судов, что затруднение в отсутствии личного состава также сможет быть устранено путем укомплектования иностранными командами и что необходимо считаться в самом недалеком будущем с усилением турецкого военного флота и преобладанием его на Черном море. „Такое преобладание совершенно недопустимо, так как неминуемо нанесет сильный удар нашему политическому преобладанию над Турцией".

---

[1] Архив Морискома, дело № 735.

Приводя далее выдержку из письма морского министра от 21 апреля 1911 года Сазонову, в котором говорится, что „несмотря на меры, намеченные морским ведомством, к ускорению нашего судостроения на Черном море, надлежит иметь в виду неизбежность временного преобладания на нем турецких дредноутов, постройка коих в Англии возможна в течение двух лет", посол указывает на необходимость найти средства к возможному сокращению срока неизбежного временного преобладания на Черном море турецких дредноутов, так как уже является опасность, что таковое может быть длительным.

Записка министра иностранных дел Сазонова 27 ноября 1913 года [1].

Донесение посла побудило министра иностранных дел Сазонова подать особую записку царю, содержание которой здесь мы приводим в значительных выдержках, связывая его как с сказанным в начале этой главы, так и с изложенным в главе III вопросом о стремлениях к захвату Босфора в предыдущую эпоху 90-годов.

В своей записке Сазонов писал: „События на Балканском полуострове, создавшие неустойчивое и непрочное положение на всем юго-востоке Европы и в мало-азиатской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу—определить наше собственное отношение к условиям новой политической обстановки. При ликвидации балканской войны туркам удалось получить границы, обеспечивающие их столицу от болгар, но в то же время увеличилась опасность морского наступления со стороны Греции.

Военные поражения Турции в связи с расшатанным внутренним положением и печальным состоянием ее государственных финансов создали во всех европейских кабинетах убеждение в том, что на возрождение этого государства нельзя слишком полагаться, что долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению.

В связи с таким настроением все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распадения Оттоманской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях в Малой Азии. Этим объясняется усилившаяся деятельность Германии, Италии и даже Австрии, доселе не имевшей интересов в Малой Азии, создать и упрочить основание для политических притязаний в будущем дележе Оттоманской империи.

Правда, нельзя не оговориться, что окончательное крушение Турции уже возвещается на протяжении двух столетий, но если внешние условия для Турции сложатся благоприятно, она еще долго может влачить существование, обосновывая свою относительную безопасность на чужих раздорах и со-

[1]) Архив Мориском, дело № 531.

ревнованиях; но против решительного удара извне Турция не найдет сил для отражения; хотя желание мира как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, поручиться за прочность общего положения в Европе невозможно. Эта неуверенность усиливается нынешним неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате бухарестского мира.

Вышеуказанные условия создают для России сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место. Не оставляя этой главной и первостепенной задачи, мы не можем, однако, закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас, а от них, так как мы не можем не задаваться мыслью о необходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, связанных для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценке всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения.

За последнее время вопрос о проливах осложнился новыми условиями, которые, с одной стороны, усилили экономическое значение проливов для России, а с другой—осложнили политические и стратегические трудности на пути к завладению ими.

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается в сущности довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов; Турция представляется слишком слабым государством, неспособным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией. Но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаться вопросом, допустим ли для нас переход проливов в полновластное обладание другого государства.

Проливы в руках сильного государства—это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладить государство, способное оказать сопротивление требованиям России? И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее проливами, обладало бы само по себе силой великой державы, оно неизбежно приобретает эту силу из-за исключительных географических условий. Владеющий проливами — имеет ключи для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах.

Не создаст ли эта неизбежность резкого антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции, и Россией?

Недопустимость для нас полновластного утверждения нового государства на проливах подала повод к предполо-

жению о возможности избегнуть такого положения созданием нейтрализации проливов, со срытием на них укреплений и с запрещением возводить новые. Едва ли подобная комбинация может быть признана удовлетворительной. Правовая норма действительна лишь в мирное время, в военное же время самое отсутствие укреплений будет только способствовать захвату проливов, а потому нам было бы необходимо такое же усиление наших военно-морских сил в Черном море, которое дозволило бы нам в любую минуту предупредить занятие проливов всякой иной державы".

Дальше Сазонов ссылается на приготовления России к захвату Босфора в 90 годах: „С тех пор прошло 18 лет; между тем, когда заходит вопрос о деятельности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить.

В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем перевезти два корпуса, при чем приготовления заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной, иными словами, она просто оказалась неосуществимой.

В настоящее время приходится говорить не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но и о необходимости чисто оборонительных средств против морской программы, осуществляемой в настоящее время Турцией".

„На основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится придти к заключению, что в период 1914—15 годов турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии"...

„После громадных средств, израсходованных в течение ряда лет на создание мощной силы в бассейне Черного моря, Россия не может мириться с положением, при коем ее морское превосходство над Турцией может оказаться необеспеченным. Россия не может остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что он не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем".

„Государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться".

„Предстоит выяснить, что может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море. Какие мероприятия потребуются со стороны военного и морского ведомств для ускорения мобилизации, в связи с оборудованием новых путей сообщения и доведением наших транспортных средств до должных размеров? Какие задачи могут в соответствии с этими средствами быть намечены, и

в какое время? Возможно или нет поставить в качестве заданий нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства?"

„Указанные вопросы ставят на очередь обсуждение следующих мероприятий: 1) По ускорению мобилизации достаточной численности десантного корпуса. 2) По оборудованию потребных путей сообщения. 3) По приведению черноморского флота в положение, при коем он превосходил бы силы оттоманского флота и мог бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через проливы для их временного или постоянного занятия, если это потребуется. 4) По увеличению наших транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям десантной операции.

Последний вопрос тесно связан с ростом нашего хлебного вывоза из Черного моря, доселе обслуживаемого, главным образом, иностранными торговыми судами; он стоит в тесной связи с мероприятиями по оживлению нашего товарообмена через порты Черного моря. Министерству торговли и промышленности надлежит указать, что может быть сделано в этом направлении для осуществления государственной задачи увеличения наших транспортных средств в Черном море".

В ряде мероприятий по усилении средств обороны в бассейне Черного моря и на границах Турции Сазонов с особым вниманием останавливался на так называемой перевальной железной дороге на Кавказе...

„...Вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений. Последние, если можно судить по внешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможном, но далеко необеспеченном союзе с Англией, или же „де юре"—желательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае общеевропейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а может быть и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии—создать условия для возможно большего сближения с Румынией.

В неустойчивости нынешнего положения на Балканах—два фактора играют главную роль: первый из них—Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехом сербов и румын и отношением к этому единоплеменников в пределах Габсбургской монархии; второй фактор—это невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями бухарестского договора.

Оба эти государства либо могут сплотиться в общей цели вновь перекроить Балканы, либо оказаться в противоположных лагерях, если Болгария получит надежду иным путем вернуть себе Македонию.

Предоставленные сами себе, балканские государства неизбежно обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России, как руководящей активной силы".

Свою записку министр иностранных дел заканчивал испрошением подвергнуть эти вопросы обсуждению в особом совещании для принятия тех или иных решений, с которыми могут быть сообразованы как внутренние мероприятия, так и направление внешней политики. Николай II с этим согласился.

К докладу была приложена справка о состоянии наших и турецких вооруженных сил (повидимому, составленная по данным морского генерального штаба), сущность которой сводится к следующему:

Года.	РОССИЯ.			ТУРЦИЯ.		
	Артиллерия.	Броня.	Скорость хода.	Артиллерия.	Броня.	Скорость хода.
1913 год.	**Эскадра в составе 4-х линейных кораблей.**			**Эскадра в составе 2-х линейных кораблей.**		
	16—12″ 16— 8″	9″	16 узлов.	12—11″	11″	17 узлов.
1914—1916 гг.	Без перемен.			Вступают в строй 2 линейных корабля типа „дредноут" („Решад").		
				20—14″	12″	21 узел.
1917 год.	Вступают в строй 3 линейных корабля типа „дредноут".			Вступают в строй следующие 2 новых линейных корабля.		
	36—12″	12″	21 узел.	20—14″	12″	21 узел.

Примечание. Взяты только линейные силы, не считая судов других классов.

М. П.

Из сравнения сил вытекало:

1) В 1913 году русский флот господствует на Черном море, оставаясь, несомненно, сильнее турецкого.

2) В период 1914—16 годов господство на Черном море принадлежит Турции, так как новый турецкий дредноут „Решад“ один окажется сильнее русского черноморского флота, вследствие превосходства хода и бронирования, а главное — артиллерии. (Современная 14″ артиллерия против наших 12″ устаревающих орудий, средняя же артиллерия бессильна против брони „Решада“). Кроме того, приходилось считаться с возможностью еще большего усиления турецкого флота приобретением готовых кораблей. В этом направлении Турцией уже делались неоднократные попытки, в частности имелись сведения, что она заинтересована в покупке бразильских и аргентинских дредноутов, при чем нельзя быть уверенными, что финансовые затруднения помешают туркам усилить свой флот новыми судами.

3) В 1917 году, если только предположить, что Турция новых кораблей не купит, в Черном море установится некоторое преобладание русского флота, но оно будет незначительным, вследствие того, что 36—12″ орудий русских дредноутов будут противопоставлены 20—14″ пушкам двух турецких, артиллерия которых, вследствие большого калибра, будет в известных условиях иметь преимущество.

Ко всем этим соображениям приходилось прибавить невозможность для царской России и, наоборот, полную возможность для Турции в любое время увеличить свой флот на Черном море приобретением заграничных судов и введением их через проливы.

Не приходилось также упускать из виду и другое преимущество Турции, а именно: возможность, заказывая суда в Англии или Германии, получать новые корабли в 2 года, тогда как для сооружения судов на черноморских верфях — требовалось около 4 лет.

Доклад морского генерального штаба о срочных мерах для усиления черноморского флота.

Упомянутая записка министра иностранных дел послужила поводом для морского генерального штаба сделать 19 декабря доклад морскому министру, что „в настоящее время уже нет сомнений, что Турция купила линейный корабль „Рио де Жанейро“, строящийся в Англии, благодаря чему следует ожидать появления летом 1914 года на Черном море турецкой бригады в два дредноута, тогда как русская бригада будет готова лишь в 1916 году.

Указывая на последствия, которые это влечет для России на черноморском театре, морской генеральный штаб полагал необходимым:

1) Теперь же собрать совещание для выяснения срочных мер, могущих ускорить, хотя бы на несколько месяцев, окончание постройки черноморских дредноутов.

2) Обратиться в министерство иностранных дел с представлением о необходимости дипломатическим путем воздействовать в том смысле, чтобы задержать, хотя бы на несколько месяцев, отправление в Турцию строящихся в Англии турецких дредноутов „Решад“ и „Рио де Жанейро“.

3) Теперь же сделать попытку купить для России два готовых дредноута за границей у одного из южно-американских государств, обыкновенно охотно идущих на такого рода сделки, и привести их в Черное море.

Министерство иностранных дел высказалось, что такое нарушение конвенции о проливах оно не считает безусловно невозможным, и что, при известных условиях, оно бы, попробовало решить такую задачу. В данном случае Россия могла бы дать свое окончательное согласие на оставление в Константинополе миссии генерала Сандерса при условии ввода в Черное море двух купленных кораблей.

Если бы оказалось невозможным купить их у южно-американских государств, то их следовало бы заменить кораблями Балтийского флота „Андрей Первозванный“ и „Павел I“, но это тяжело отразилось бы на дальнейшем развитии Балтфлота.

4) Ко всем вышеизложенным мероприятиям должна быть прибавлена разработка нового плана операций, которая предусматривала бы посылку в 1914—15 годах, при определенных политических и стратегических условиях, балтийского флота в Средиземное море для действий против Турции. Если бы его действия в Эгейском море и у берегов Малой Азии и Дарданелльского пролива и не оттянули бы на время войны турецкой бригады из Черного моря в Средиземное, то, во всяком случае, хотя бы в моральном отношений, а отчасти и в материальном, господство турецкого флота на Черном море до некоторой степени компенсировалось бы господством нашего в Эгейском.

5) Сверх того, несомненно, необходимо, имея в виду позиционный бой у Босфора русского флота с турецкими дредноутами, ускоренным способом построить для Черного моря заградители, а также большое число миноносцев, что позволило бы осуществить серьезную, стоящую блокаду устья Босфора при наличной стратегической обстановке.

На этом докладе морской министр положил резолюцию: „прошу обсудить первое предположение“.

Со своей стороны, командующий морскими силами Черного моря адмирал Эбергард прислал 27 декабря морскому министру рапорт, в котором доносил о весьма трудном положении черноморского флота в связи с покупкой Турцией

„Рио де Жанейро“ и предстоящей в мае готовности дредноута „Решад“.

Он считал, что лучшей мерой было бы перевести в Черное море одновременно с появлением турецких дредноутов, или двух сверх-дредноутов, которые могут быть куплены в Англии из числа строящихся для южно-американских государств, или всей бригады четырех кораблей типа „Севастополь“, заканчивающейся постройкой для балтийского флота. Кроме того, он просил, принять самые решительные меры для быстрого усиления черноморского флота: экстренное перевооружение существующего судового состава черноморского флота; использовать наше право иметь двух стационеров в Константинополе и послать туда из Балтики броненосный крейсер „Рюрик“, а канонерскую лодку, которая там находится, заменить крейсером типа „Баян“. Для ускорения постройки линейных кораблей, миноносцев и подводных лодок в Черном море, взять выделывающие механизмы, станки, пушки и пр. для судов Балтийского моря. Кроме того, немедленно купить столько подводных лодок, сколько может быть прислано в Севастополь в середине 14-го года.

В ответном своем докладе морскому министру по существу рапорта командующего морскими силами Черного моря морской генеральный штаб доносил, что „больше вероятности за то, что в 1914 году Турция еще не будет располагать указанными дредноутами, тем не менее некоторые шансы остаются за то, что они могут появиться в турецких водах и раньше. Поэтому большинство мер, предлагаемых адмиралом Эбергардом, следует считать правильными, но они не являются какой-либо неожиданностью, так как относительно главных из них морским генеральным штабом уже было доложено и они одобрены“. Таким образом, главные из просимых мер уже принимаются, а именно:

„1) Вопрос о покупке за границей готовых линейных кораблей для Черного моря, изложеный 19 декабря 1913 года, получит окончательное разрешение в ближайшие дни.

„2) Вопрос о проведении в Черное море бригад наших кораблей типа „Полтава“ поставлен в письме министру иностранных дел от 22 декабря 1913 года. Он поставлен в том смысле, что морское министерство предполагает провести эту бригаду дредноутов в Черное море для усиления в 1915 году черноморского флота с тем, что для балтийского флота срочно будет выстроена новая бригада линейных кораблей. На это письмо ответ министра иностранных дел еще не получен.

„3) Относительно принятия экстренных мер для ускорения постройки черноморских дредноутов уже отдано распоряжение об обсуждении срочных мер, и повидимому в ближайшие дни выяснится возможность ускорить их готовность на 6 месяцев.

О желательности дополнения этих мер ускорением постройки миноносцев и подводных лодок морской генеральный штаб полагает, что тревожное политическое положение дает основание для экстренных расходов и мер, не предусмотренных ранее, и поэтому считает желательным обсудить этот вопрос.

„4) Что касается нашего права иметь в Константинополе два стационера и использования для этой цели сильных боевых кораблей, то, в случае одобрения этой меры министром иностранных дел, можно было бы сначала поставить один из крейсеров Балтийского моря с тем, чтобы потом заменить его, так же как и другой стационер, более сильным кораблем. Если будут куплены готовые корабли за границей, а провести их в Черное море не окажется возможности, то отправление их в качестве стационеров в Константинополь было бы единственным существенным способом усилить черноморский флот. Вообще говоря, такого рода мера понадобится лишь тогда, когда будут передаваться Турции ее новые линейные корабли, т.-е., вероятно, в 1915 году.

„5) В отношении пятой важной меры, предлагаемой командующим морскими силами Черного моря, о дальнейшем усилении черноморского флота, также уже были сделаны шаги в смысле представления царю доклада от 21 декабря 1913 года, по которому было получено разрешение на постройку в Черном море до 1915 года пяти линейных кораблей, с соответственным числом крейсеров и миноносцев".

Предположение морского министерства о приобретении за границей линейных кораблей для черноморского флота [1].

Согласно этого доклада, морской министр послал письма одинакового содержания министрам иностранных дел и финансов, в которых, излагая стратегическую обстановку, могущую сложиться на Черном море, вследствие усиления турецкого флота, указывал, что „все это заставляет изыскивать всевозможные меры для ослабления тяжелых последствий временного господства турок на Черном море, к числу каковых может быть применена покупка заканчивающихся постройкой в 1914—1915 г.г. заграничных дредноутов. Во исполнение этого, предполагается в ближайшее время войти с всеподданнейшим докладом на отправление уполномоченных от морского министерства лиц на судостроительные заводы в Англию и в С. Америку для немедленного заключения условий на покупку четырех дредноутов, предполагавшихся к продаже южно-американскими государствами: двух чилийских—„Адмиралте Латорре" и „Адмиралте Кохрен", заканчивающихся постройкой в 1915 году, и двух арген-

[1]) Архив Морискома, дело № 735.

тинских—„С.-Морено“ и „Ривадавия“, заканчивавшихся постройкой также в 1915 году.

Приближенная стоимость каждого исчислялась в 35 миллионов рублей.

„Хотя в настоящее время,—писал министр,—Турция и ведет переговоры об их покупке, но есть возможность их перекупить для России, при энергичных с ее стороны по этому делу действиях, при условии исключительного порядка изыскания потребных денежных средств, а также сохранения дела в секрете до его завершения“... „После приобретения этих кораблей, если нам удастся разрешить дипломатически трудную задачу проведения их в Черное море, то тем самым преобладание турок в этом море будет раз и навсегда устранено, так как Турции не удастся тогда изменить его в свою пользу...“

„...Если же провести в Черное море эти корабли оказалось бы невозможным, то они, во всяком случае, будут в ближайшие тревожные годы весьма полезны России в Балтийском море, а в особенности в Средиземном, где смогут составить, вместе с потребным числом крейсеров и миноносцев балтийского флота, наш средиземноморский отряд, который сможет взять на себя стратегическую задачу, при всякой политической обстановке компенсировать преобладание турецкого флота над нашим в Черном море...“

На эти письма был получен тотчас (7 января) ответ от министра иностранных дел, в котором он всецело присоединялся к высказанному мнению о необходимости оградить преобладание нашего флота над турецким.

Министр же финансов запросил разъяснений относительно возможности провода этих кораблей, ссылаясь также на то, что иностранные корабли будут отличаться по типу и вооружению от русских, что, наконец, морским министерством при проведении программы 1912 года было заявлено, что в течение ближайшего времени не предполагается делать какие-либо изменения в принятых программах и усиливать далее флот...

Когда морской министр, изложив всю историю вопроса, разъяснил министру финансов стратегическую обстановку на Черном море, последний, не встречая возражений против представления в совет министров вопроса о приобретении аргентинских дредноутов, поставил вопросы:

1) Какие потребуются добавочные судовые средства для образования средиземноморского отряда и откуда эти суда будут взяты: не потребуется ли добавочного ассигнования сверх 70 миллионов на расходы по приобретению этих судов, а также какие суммы потребуются к ассигнованию на посылку личного состава в Америку для привода предназначенных к покупке двух дредноутов?

2) Каким образом будет дислоцирован русский отряд в Средиземном море в случае войны, когда порты не только воюющих, но и нейтральных держав будут для него закрыты, и не повлечет ли это обстоятельство за собой оставление отрядом Средиземного моря вскоре же по открытии военных действий против Турции?

По существу затронутых вопросов генеральным штабом был сделан доклад, сущность которого была сообщена министру финансов в начале февраля 1914 года. Сообщалось, что необходимые крейсера и миноносцы могут быть взяты из состава балтийского флота. По второму вопросу разъяснялось, что, вследствие соглашения русского и французского генеральных штабов (см. ниже), Россия в настоящее время может иметь для своего флота в Средиземном море французскую базу. В военное время можно будет воспользоваться этой базой, потому что в ближайшие годы невозможно предполагать войну России с Турцией без вмешательства великих европейских держав. „Войны России с Турцией или же не будет вовсе, или Россия будет на нее уполномочена своими союзниками, или война будет общеевропейской. Во всех трех случаях мы можем воспользоваться французской базой для нашего флота".

„Но даже если представить себе невероятный в настоящее время случай военных действий русского флота против Турции, без всякого участия европейских держав, то и тогда мы сможем иметь базу в Средиземном море, опираясь на греческое или болгарское его побережье. Одно из них, по заявлению министерства иностранных дел, во всяком случае будет предоставлено нам при войне с Турцией".

В дальнейшем этот вопрос не получил развития в виду войны, но до самого начала ее мысль о покупке за границей дредноутов для усиления черноморского флота не оставляла морское министерство и оно возвращалось к ней не раз.

Программа нового усиления черноморского флота [1]).

Озабоченное усилением черноморского флота морское ведомство, получив предварительно согласие Николая II, 17 марта 1914 г. вошло в совет министров с представлением о постройке новых судов. В его объяснительной записке указывалось:

„... Количество судов, постройка которых должна быть произведена спешно, определяется следующим образом:

а) Турция уже имеет два дредноута (фактически они были только заказаны и строились еще, но в строй не вошли. *М. П.*) и строит еще третий. Для того, чтобы противопоставить этим судам силу, способную бороться с ними с надеждой на успех, необходимо сейчас же начать строить, в дополнение к уже

[1]) Архив Морискома, дело № 180.

строющимся—четвертый линейный корабль, с условием иметь его в строю к началу 1917 года.

б) Для того, чтобы крейсеры могли выполнить свое назначение, освещать нужные районы моря и защищать линейные корабли от атак миноносцев во время сражения, их должно быть не менее четырех. Поэтому в дополнение к строящимся двум необходимо заложить еще два того же типа.

в) Для успешности минных атак необходимо иметь известное число миноносцев, при чем каждая группа должна состоять из определенного числа миноносцев. По этим соображениям необходимо сейчас начать постройку восьми эскадренных миноносцев.

г) Подводные лодки должны быть увеличены в числе таким образом, чтобы для активной деятельности имелось их не менее двенадцати, т.-е. надо заложить еще шесть".

(Кроме того, испрашивалась постройка специального дока для испытания подводных лодок).

Все эти постройки требовали нового ассигнования в 110 милл. рублей.

Этот проект был одобрен Думой и Государственным Советом и утвержден Николаем II 24 июня 1914 года. В том же году состоялась и закладка первых судов [1]).

Следует еще упомянуть о несостоявшейся продаже наших старых черноморских судов Болгарии (одного старого броненосца „Георгий Победоносец" и резервного дивизиона миноносцев). Вопрос этот уже получил все санкции, но в виду изменения политической обстановки был отменен.

Заседание у министра иностранных дел 8 февраля 1914 года [2])

Выше была приведена записка Сазонова, послужившая непосредственным поводом для усиления черноморского флота. Для обсуждения этой записки 8 февраля 1914 г. он, по повелению царя, собрал совещание из представителей военного и морского министерств и некоторых чинов министерства иностранных дел (присутствовали: адмирал Григорович, начальник генерального штаба Жилинский, посол в Константинополе Гирс и др.).

На этом совещании обсуждалось положение на Черном море и был выдвинут вновь вопрос о десантной операции.

Приводим выдержки из журнала совещания:

В начале совещания Сазонов указал, что в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется мало вероятным, но что нельзя, однако, поручиться за сохранение даже в недалеком будущем существую-

---

[1]) Были заложены: линейный корабль „Император Николай I", 2 крейсера и 8 миноносцев.

[2]) Отдельный оттиск протокола—из архива Морискома.

щего положения вещей на Ближнем Востоке. По этому поводу Сазонов высказал твердое убеждение, что если в силу событий проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и в Дарданеллах. Заметив, что успех этой операции в значительной степени зависит от скорости ее выполнения, он указал на необходимость предусмотреть, помимо действий морских сил, еще и десантную операцию.

По предложению Сазонова, члены совещания высказали свои мнения:

Начальник генерального штаба указал, что для завладения проливами нужны значительные силы. Намечены для этой цели 7-й и 8-й корпуса Одесского военного округа, при чем первый эшелон, высаживающийся одновременно, не должен быть меньше 30—50 тыс. человек, иначе он будет легко подавлен.

На обращенные к Сазонову вопросы, кто будет противником, кроме турок, последний дал разъяснения, что против операции захвата проливов могут еще выступить Греция или Болгария, но в силу их исторической вражды и взаимного противоречия интересов, есть много шансов, что если одно из этих государств окажется противником России то другое станет на ее сторону и что они, таким образом, будут парализовать друг друга. На вопрос, может ли Россия расчитывать в таком случае на поддержку Сербии, Сазонов ответил, что нельзя предполагать, чтобы действия русских против проливов происходили бы без обще-европейской войны, и что надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои силы против Австро-Венгрии. Охарактеризовав отношение Румынии к предполагаемой операции еще не вполне определившимся, Сазонов указал, что Германия и Австрия никаких войск в направлении к проливам не пошлют, и что лишь в худшем случае Италия может выслать туда десантный отряд, хотя ей опасно будет оголять свою границу с Францией.

Генерал Жилинский, присоединившись к убеждению, что борьба за Константинополь вряд ли будет возможна без обще-европейской войны, высказал мнение, что трата войск на экспедицию против проливов и даже самая возможность этой операции зависит от общей конъюнктуры начала войны. Намеченные для этой цели южные корпуса могут быть двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае эти войска должны быть направлены на западную границу, ибо успешная борьба на запад-

ной границе решит благоприятно и вопрос о проливах. Так как по плану войны, составленному на случай войны на западном фронте, войска из внутренних округов должны будут войти в состав действующих на нем армий, то, к сожалению, не представляется возможным заменять на этом фронте намеченные для десантной операции южные корпуса другими частями изнутри империи, дабы корпуса эти могли при всяких обстоятельствах быть направленными на Константинополь.

Когда посланник в Константинополе Гирс высказал, что для операции можно было бы назначить расположенные на Кавказе корпуса, то начальник генерального штаба возразил против этого, заявив, что „в случае десантной операции на проливах нашей задачей должно быть не допустить сосредоточения остальных корпусов у Константинополя и оттянуть их к кавказской границе".

Мнение Жилинского было поддержано и развито генерал-квартирмейстером Даниловым, который, не допуская возможности использовать для экспедиции кавказские корпуса, высказал, что, по его убеждению, „независимо от трудности выполнения задачи по захвату Константинополя, лежащего в глубине Босфора, сколько бы у нас ни было войск, даже гораздо больше, чем теперь, мы всегда должны будем предусматривать необходимость направить все наши силы на запад против Германии и Австрии. Мы должны стремиться к обеспечению успеха на главном театре войны; с победой на этом театре к нам придут благоприятные решения и во всех частных вопросах".

Против этого возражали представители морского генерального штаба, заявив, что „Россия должна именно одновременно с операциями на западном фронте занять военной силой Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых это необходимо России". Они указывали, что если войск не хватает, то надо создать три новых корпуса специально для этой цели. Однако, сухопутные представители это последнее предположение признали невозможным.

Затем произошел обмен мнений относительно ускорения мобилизации и готовности частей Одесского военного округа, о транспортных средствах на Черном море, о перевальной железной дороге на Кавказе и прочих вопросах, связанных с темой совещания.

В результате было признано желательным проведение следующих мер:

1) Составить первый эшелон для намеченных в константинопольскую экспедицию десантных войск из 13 и 15 дивизий и 4-й стр. бригады, которые должны быть доведены до 84-рядного состава рот.

2) В артиллерийских частях Одесского военного округа ввести усиленную запряжку в мирное время, предусмотренную для пограничных округов.

3) Совместными усилиями министерств финансов, торговли и промышленности и морского принять самые срочные действительные меры к усилению наших транспортных средств на Черном море, в частности, чтобы правительством были бы заключены с субсидируемыми пароходными обществами соглашения об увеличении их флотов, и при том судами, как в отношении типа, так и в отношении оборудования удовлетворяющими специальным условиям перевозки войск.

4) Морскому ведомству в ближайшем будущем изыскать способ сократить срок, потребный для перевозки к проливам первого эшелона десантной армии в размере одного корпуса, до 4—5 дней с момента отдачи о том приказа.

5) В возможно скором времени усилить Черноморский флот второй бригадой наиболее современных и мощных дредноутов.

6) В возможно скором времени закончить сплошной двухколейный путь от Тифлиса через Карс и Сарыкамыш к Караургану; провести перевальную дорогу; кроме того, необходимо проведение линии от станции Михайлово через Боржом до Карса (с веткой на Ольты) и желательно сооружение частными предпринимателями линии от Батума до Карса.

Таким образом, широкие предположения министерства иностранных дел свелись к мерам хотя и необходимым, но совсем не того порядка, какой был бы нужен для действительной подготовки десантной экспедиции. Отношение к этому вопросу, высказанное представителями военного ведомства, было недостаточно определенное. С одной стороны, они соглашались на нее, с другой—как только речь заходила о необходимых для этой цели войсках, то они заявляли о невозможности уделить их специально для указанной цели.

Эта последняя перед мировой войной попытка поставить вопрос о босфорской операции практического значения для подготовки к мировой войне не имела, во-первых, по причине различного отношения ведомств, а, во-вторых, до начала войны оставалось слишком мало времени, чтобы успеть создать что-либо за этот срок.

Русско-французская морская конвенция. Общение русского и французского морских генеральных штабов.

Большинство мероприятий, изложенных в настоящей главе, остались неосуществленными к моменту начала войны, являясь планами и перспективами для будущего.

К их числу надлежит отнести также и шаги, которые делались морским ведомством в отношении установления связи, обмена мнений и соглашений с союзниками. Как видно ниже, эти соглашения были связаны, главным образом, с предположениями морского ведомства, относящимися к моменту, когда

должны были быть выполнены судостроительные программы, так как ведомство в большей степени учитывало обстановку, которая сложится к тому моменту, нежели те действительные стратегические условия, которые надо было предвидеть в ближайшие годы.

Поэтому, достигнутые соглашения реального значения для мировой войны на море почти не имели, кроме общесоюзных отношений, установившихся в силу политических договоров. Их обзор приходится сопоставить с общей деятельностью министерства в последние годы перед войной и в связи с общим расширением задач флота, по мере проведения программы его развития.

В 1892 году между Россией и Францией была заключена военная конвенция, предусматривавшая согласованные действия русской и французской армии в случае войны с Германией. С того времени имел место постоянный обмен мнений между русским и французским генеральными штабами, при чем периодически вносились поправки и изменения в планы войны, сообразно обстановке момента.

Помянутое соглашение имело чисто сухопутный характер. О действиях на море не говорилось ничего, и в то время когда военное командование находилось в стратегическом контакте, действия и намерения флотов ни в какой мере не были связаны между собой какими бы то ни было соглашениями.

Такое положение продолжалось до 1911 года, когда возник вопрос о необходимости договориться и о действиях союзных флотов.

Обстоятельства, при которых зародилась эта идея, свидетельствуют, что оба морских генеральных штаба не были слишком озабочены установлением связи. Она выявилась как бы случайно, по собственной инициативе русского военно-морского агента во Франции [1]).

Последний жил в отеле, куда въехал только что сдавший портфель морского министра Франции адмирал Лаперер. В частном разговоре с ним русский агент коснулся вопроса о желательности более близкого контакта между флотами, для согласования их действий в случае войны. Лаперер сказал по этому поводу, что он „старался показать русскому правительству свою готовность идти на это, но русское министерство не подало даже малейшего признака желания"...

На основании этого разговора военно-морской агент донес в морской генеральный штаб, что вполне возможно подготовить почву к соглашению с французским морским командованием.

---

[1]) По работе б. военного морского агента во Франции Карцова „Военно-Морская конвенция России с Францией". Истор. отд. м. штаба № 1464.

Через несколько месяцев, в октябре 1911 года, он получил ответ начальника морского генерального штаба: „общение морских генеральных штабов, или вернее соглашение между ними, считал бы не только желательным, но и необходимым, когда бы у нас был закон о флоте—утвержденная на определенный срок судостроительная программа. Ныне это было бы отклонено французами при первом же шаге. Только наличие реальной силы или указание на срок ее готовности могут подвинуть дело; вступать же в сношения для выяснения нашей слабости на море—неполитично".

Таким образом, французы считали, что русское морское министерство не склонно к соглашению, последнее же сомневалось в том, как принял бы подобное предложение французский генеральный штаб. Уже из того, что ответ агенту на его донесение пришел из Петербурга с запозданием в несколько месяцев, можно заключить, что там этому не придавали большого значения.

Осенью 1911 года начальник морского генерального штаба адмирал Эбергард получил другое назначение и его сменил адмирал Ливен, который иначе отнесся к этому вопросу. Приняв доклад приехавшего в Петербург морского агента во Франции, он признал совершенно необходимым вступить в сношения с французами по ряду вопросов, которые были намечены, именно: обмен секретными сведениями об иностранных флотах; выработка способов связи, общего шифра для сношений, свода сигналов на случай совместных действий флотов; „выяснение и разбор морской обстановки в связи с военно-сухопутной, имея главной руководящей целью содействие успеху на сухопутных фронтах"; „недопущение французским флотом подкрепления турецкого флота частью австрийского или итальянского".

Разработанный морским генеральным штабом доклад был доложен царю, который приказал начать переговоры о заключении военно-морской конвенции с Францией.

После предварительных переговоров в июле 1912 года начальник русского морского генерального штаба прибыл в Париж. К его приезду почва для соглашения с французским морским генеральным штабом была уже подготовлена и, после нескольких заседаний, оба начальника морских генеральных штабов подписали проект военно-морской конвенции, следующего содержания:

1) Флоты обеих держав должны действовать в том же случае, в каком будут действовать армии.

2) С этой целью согласование действий должно подготовляться в мирное время, для чего начальники морских генеральных штабов уполномочиваются обмениваться всякими сведениями, обсуждать стратегические задачи, разрабатывать

вопросы совместных действий и вообще всего, касающегося возможных операций.

3) Начальники обоих генеральных штабов должны обязательно раз в год видеться для обсуждения этих вопросов и о результатах их свидания должны составляться протоколы.

4) „Срок конвенции истекает одновременно с конвенцией военно-сухопутной".

Не дожидаясь ратификации этой конвенции, начальники морских генеральных штабов предприняли обсуждение ряда вопросов, связанных с ролью обоих флотов, в случае вооруженного столкновения в Средиземном море с державами тройственного союза.

Обмен мнений коснулся двух предположений:

1) когда Россия оставляет без перемены силы, которыми она располагает в районе Средиземного моря, т.-е. в Черном море, и не ожидает подкрепления из Балтийского;

2) когда Россия посылает эскадру из Балтийского моря в Средиземное.

По первому предположению пожелания русского морского генерального штаба сводились к тому, чтобы французский флот заблокировал итальянский и австрийский флоты при их стремлении придти на помощь Турции. Выяснилось, что такая блокада вполне соответствует планам французских морских сил.

Затем был затронут такой вопрос: должен ли французкий флот следовать за итальянским и австрийским, в случае, если они, решившись на действия в Черном море, направятся туда? В принципе было признано желательным, чтобы морские силы противников не могли бы дойти до Дарданелл, не выдержав предварительно в море боя с французским флотом. Однако, начальник французского генерального штаба оговаривался, что в случае, если англо-французское соглашение возложит на французский флот другую задачу, то он видит себя обязанным выполнить ту, которую ему укажут обстоятельства момента, и что было бы важно этот вопрос изучить совместно с британским адмиралтейством.

Был также рассмотрен случай, когда Австрия действует в согласии с Турцией против России, в то время, как Италия занимает относительно Франции „наступательное или просто сомнительное положение". Признано, что роль французского флота будет зависеть от обстоятельств, но что его расположение в Бизерте, откуда он мог бы угрожать австрийцам, будет служить некоторой гарантией для прорыва последних к Дарданеллам.

В конечном счете, заключение по первому предположению вылилось в следующее:

„Сосредоточение французских морских сил в Бизерте с самого начала войны, в виде угрозы и оказываемого им давле-

ния на противника, представляло бы стратегическую меру, наиболее полезную для России. Обстоятельства потом укажут, в какую сторону должны быть направлены действия флота Франции, имея в виду:

а) французские интересы в западной части Средиземного моря,

б) необходимость для России сохранить господство на Черном море,

в) специальное положение, могущее создаться для Франции в Средиземном море, вследствие ее соглашения с Англией".

При обсуждении второго предположения, т.-е. случая, когда Балтийская эскадра будет переведена в Средиземное море, возник вопрос о базировании ее на французский порт — Бизерту. Французы не высказали против этого никаких принципиальных возражений, кроме общего указания о необходимости получения полных сведений о потребностях русской эскадры, что является для порта новым заданием, требующим освещения.

Перейдя к другим вопросам, начальник русского морского генерального штаба высказал, что русский сухопутный генеральный штаб желал бы, чтобы французский флот произвел демонстрацию против берегов Швеции, дабы отвлечь ее военные силы от Финляндии, что освободило бы русские корпуса от шведской границы. На это французы заявили, что, при существующем положении, они полагают такую задачу совершенно невозможной, так как их флот сосредоточивается в Средиземном море, а на севере оставляются только оборонительные силы для действия в Ламанше. Было признано желательным этот вопрос обсудить с британским адмиралтейством, в виду того, что их флот сосредоточен в Северном море.

Резюмируя обмен мнений, по поводу стратегической обстановки в случае обще-европейской войны, адмирал Ливен высказался так: „Франция обеспечивает свободу действий в Средиземном море; Англия обеспечивает свободу плавания в Северном море; Россия—обеспечивает свободу плавания на Черном море, если в этом последнем она будет иметь дело только с Турцией. Что же касается Дальнего Востока, то морские силы, содержимые там Францией и Россией, в местах, очень отдаленных друг от друга, слишком слабы, чтобы создать возможность совместных действий обоих государств".

Далее совещание начальников морских генеральных штабов рассмотрело вопросы связи (в частности об устройстве мощных радиостанций, обеспечивающих непосредственную радиосвязь русского и французского командований), шифров

и обмена секретными сведениями. Последний вопрос был нормирован специальной конвенцией [1]).

Обе конвенции, вскоре после их подписания, были ратифицированы.

Ознакомившись с протоколами совещания начальников морских генеральных штабов, министр иностранных дел Сазонов остался ими недоволен. Он сообщил морскому министру, что, не встречая особенных возражений, он, однако, находит, что протокол „страдает в некоторых своих частях недостаточной определительностью, и может, при известных условиях, подать повод к различному толкованию". Поэтому, принимая во внимание, что вновь заключенная морская конвенция предусматривает периодические обмены мнений между обоими начальниками морских генеральных штабов, он находил желательным, чтобы последующие обмены мнений имели бы своим предметом более точное изложение, как состоявшихся постановлений, так и последующего их развития. Кроме того, Сазонов считал нужным, „чтобы взгляды русского начальника морского генерального штаба, предварительно заявления его французскоиу товарищу, были бы обсуждаемы министром иностранных дел и председателем совета министров".

Таким образом установилось общение русского и французского морских генеральных штабов. Нельзя сказать, чтобы достигнутое соглашение содержало бы в себе вполне отчетливые указания на взаимные обязательства договорившихся в отношении стратегических мероприятий на море; Сазонов был прав, — указав на неясность текста конвенции. Однако, в отношении обмена сведениями они были вполне точны.

Действительно, в последующие годы Россия получила от французов много ценных сведений, как в отношении техники, так и о флотах враждебных государств.

---

[1]) Текст конвенции об обмене секретными сведениями имел следующее содержание:

„1) Начиная с 1/14 сентября 1912 года начальники русского и французского морских генеральных штабов будут обмениваться всеми сведениями относительно своих собственных флотов, и регулярно каждый месяц письменными сведениями, которые обе стороны будут в состоянии узнать относительно флотов, война с которыми должна быть предусматриваема; в некоторых специальных случаях могут быть употребляемы шифрованные телеграммы.

2) Чтобы избегнуть разглашения этих справок, необходимо принять нижеследующий порядок передачи: всякий вопрос о сведениях относительно французского флота, интересующий русский флот, будет направлен русским морским агентом в Париже начальнику французского морского генерального штаба, и обратно, всякий вопрос о сведениях относительно русского флота, интересующий французский флот, будет направлен французским морским агентом в Петербурге начальнику русского морского генерального штаба. Этот способ будет единственный из всех других, т.-е. принципиально нельзя было спрашивать непосредственно у морских агентов сведений, касающихся их собственных флотов".

В 1913 году в Россию приехал начальник французского генерального штаба адмирал Ле-Брис для очередного обмена мнений с русским начальником генерального штаба.

В ряде совещаний, имевших место, были, в общем, подтверждены соглашения прошлого года и выдвинуты некоторые новые вопросы, а именно:

1) В виду могущего представиться случая, когда обстановка потребует от русского флота прохода проливов, найдено полезным, чтобы оба генеральных штаба изучили бы, каким образом французский флот, не отвлекаясь от выполнения своей роли в Средиземном море, мог бы координировать свои действия с русским черноморским флотом для обеспечения стратегического сосредоточения в Средиземном море обоих союзных сил.

2) Решено организовать совместную разведывательную службу [1]) для выяснения приготовлений к войне и вооружений флотов тройственного союза.

3) Было признано желательным, чтобы Россия построила мощную радиостанцию на Балтийском море для лучшей связи с Францией.

Наконец, начальник французского генерального штаба разрешил командировку во Францию русских морских офицеров для ознакомления с военно-морской техникой и, в частности, с постановкой дела подводного плавания.

Следующее свидание начальников морских генеральных штабов имело место в 1914 году.

В эту поездку новых, принципиального характера, соглашений выработано не было.

В результате, перед мировой войной соглашение в важнейших его пунктах, а именно, в отношении согласования операций французского и черноморского флотов, дальнейшей разработки не получило и ограничивалось лишь общими пожеланиями, которые были высказаны и запротоколены в 1912 году.

Помимо общения генеральных штабов, следует отметить поход русской балтийской эскадры во Францию в 1913 году, который не имел специально политической миссии, но прием, оказанный французами, как бы подчеркивал солидарность обоих флотов в предстоящей войне.

Что касается Англии, то отношения с ней устанавливались общими политическими соглашениями; такой непосредственной связи, как с французским морским генеральным штабом, у русского генерального штаба и британского адмиралтейства не было. Эта связь наладилась лишь с началом войны. Русская эскадра в 1913 году также посетила и Англию; перед самой войной с ответным визитом в Кронштадт приходила англий-

[1]) Агентурную.

ская эскадра адмирала Битти. Установилась атмосфера доверия, но конкретных стратегических обязательств по поддержке русского флота английским заключено не было.

Во время войны англичане и французы значительно содействовали России, оттягивая на себя большую часть сил германского флота. Но это было не столько результатом договоренности, сколько вытекало из самой стратегической обстановки и прямых задач их флотов. При этом, в частности на Балтийском море, русские никогда не были гарантированы от сосредоточения против них германского флота и план кампании (см. гл. VIII, „план 1912 года") был построен на предположении, что русский флот должен противостоять всем силам германского флота, не рассчитывая на поддержку англичан.

Заключение. Этой главой мы заканчиваем обзор развития морских сил царской России и эволюции задач русского флота.

Прежде всего необходимо отметить, что последние годы исследованного нами периода являются как бы возвращением к тем идеям, которые были положены в основание плана воссоздания флота в 1881 году: тогда задача черноморского флота по овладению проливами была признана главнейшей, и теперь, накануне мировой войны, на первый план выдвигаются идеи, связанные с той же босфорской проблемой. С этой точки зрения, дальневосточная политика, приведшая к войне с Японией, продолжительная конкуренция с Германией на Балтийском море, а потом планы создания здесь мощного флота для борьбы с последней явились как бы отклонением от основной линии, соединяющей начальный и конечный моменты процесса создания русских морских сил в течение 30 лет.

Перед самой войной в морском генеральном штабе получают преобладание идеи, весьма разнящиеся от тех, которые направляли развитие балтийского флота после 1905 года. Ставятся иные цели, меняется вся стратегическая ориентировка, выдвигаются задачи по сосредоточению всего флота в Средиземном море. Этот поворот идей можно сопоставить с таковым же в 1903 году накануне войны с Японией, когда возникла мысль о перемене сосредоточения.

Это не было случайным. Идея такого поворота была вложена в первоначальные планы воссоздания морских сил после поражения на Дальнем Востоке. Еще в 1906 году считалось возможным использовать флот не только для обороны Балтийского моря. По мере того, как осуществлялись программы судостроения, активная идея все более созревала и оттесняла оборонительные тенденции. В предположениях морского генерального штаба 1912 года тот самый десант, которому должен был противостать балтийский флот, и который являлся как бы официальным доводом в пользу создания русских морских

сил, тотчас был признан „проблематичным“, как только морское ведомство стало твердо на ноги и появилась уверенность в благополучном завершении судостроительных программ. Тогда раскрылись иные горизонты использования флота.

К 1914 году русский флот был очень слаб, новые суда начали вступать в строй позже. Но планы морского генерального штаба охватывали дальнейшие перспективы, при чем таковые разрабатывались, как это можно установить по документам, в тесном контакте с министерством иностранных дел. По ним мы можем судить о том, куда бы направилась русская морская политика и стратегия под давлением империализма, если бы мировая война не спутала всех карт и не прервала работу по разработке намечавшихся планов.

Примечание. Рост флота и размах судостроения России показан в таблицах и диаграммах. См. приложение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Оборудование театров Балтийского и Черного морей.

Балтийский театр. Выбор новой базы для балтийского флота. Состояние приморских крепостей Балтийского моря. Создание Ревель. Поркаллаудского укрепленного района. Портостроение на Балтийском море. Черноморский театр. Состояние приморских крепостей. Портостроение на Черном море.

Несмотря на то, что оборудование театров самым тесным образом связывалось с воссозданием флота, оба эти вопроса не имели параллельного развития. Главные усилия направлялись на новое судостроение, нужды же театров оставались на втором плане. Необходимо отметить, что морское ведомство отдавало себе отчет в важности этого вопроса. Уроки русско-японской войны, в отношении оборудования театра и баз флота, забыты не были: в программе „восстановления морских вооруженных сил России“ было намечено широкое оборудование театров. Но ряд затруднений в ассигнованиях и другие причины, о которых будет сказано в настоящей главе, неизменно задерживали осуществление необходимых мероприятий.

Лишь по проведении судостроительной программы 1912 г., когда было приступлено к ее осуществлению, была, наконец, утверждена программа портостроения и сооружения укрепленной базы для балтийского флота.

Столь позднее начало работ по оборудованию театра не могло, конечно, дать результатов к началу мировой войны. Судостроение опоздало, но в еще большей степени опоздало оборудование театров. Это должно было тяжело сказаться на боевых действиях русского флота.

I. Балтийский театр.

Выбор новой базы для балтийского флота.

В главе II настоящего труда мы охарактеризовали развитие вопроса о выборе базы для балтийского флота в период до русско-японской войны. Создание ее в Либаве после того,

как было утрачено господство в Балтике, потеряло свое стратегическое значение и флот вернулся опять к положению, в каком он был до 1889 года, т.-е. к Кронштадту (отчасти роль передовой базы мог выполнять Свеаборг).

В 1907 году „стратегическими основаниями для плана войны" была формулирована идея „борьбы флота с противником на заранее укрепленной водной позиции", при чем тогда же было намечено в будущем перенести его базирование на Ревель.

В одном из совещаний, имевших место в том же году в связи с восстановлением флота, начальник морского генерального штаба в ответ на возражения о целесообразности отдать предпочтение Моонзунду высказал: „Ревель избран в предположении, что наш флот будет слабейшим. Если слабейший флот будет в Моонзунде, то неприятель закидает все три выхода минами, а пока мы будем их вылавливать для выхода, блокирующий неприятель успеет сосредоточиться... и наш слабейший флот будет обречен на гибель. При устройстве артиллерийского заслона на линии Ревель—Поркаллуд и базы в Ревеле Финский залив будет безусловно оборонен, так как неприятелю представится четверной заслон: артиллерийская преграда, несколько линий минного заграждения, защищаемого артиллерийским огнем, линейный флот, с тыла—большое количество судов, действующих из Моозунда и Абосских шхер. Если же неприятель будет блокировать Ревель, то в тыл ему будут действовать миноносцы Барезунда. Для невозможности взять Ревель с тыла он должен быть укреплен и на сухопутном фронте..."

Несмотря на то, что помянутые „стратегические основания" были уже одобрены, и, таким образом, вопрос о Ревеле являлся как бы предрешенным, тем неменее он продолжал дебатироваться почти до 1911 года, когда был, наконец, раз, решен в положительном смысле.

Приморские крепости Балтийского моря. Между тем, существовавшие приморские крепости Балтийского моря были в очень дурном состоянии, Военное ведомство, в руках которого было сосредоточено веденние ими, не заботилось о поддержании их вооружения на уровне современных требований; средства, которые отпускались на береговую оборону, уходили на Либаву; прочие крепости получали самые значительные суммы на их улучшение.

Что касается морского министерства, то оно до русско-японской войны было целиком поглощено созданием флота для Дальнего Востока, а на Балтийском море—интересовалось только Либавой.

Таким образом, крепости Кронштадт, Свеаборг, Усть-Двинск и Выборг „влачили существование", не будучи обновляемыв в течение многих лет.

В результате к 1906—1907 г.г. состояние их было таково:

1) Кронштадтская крепость явно устарела, сильно отстав от вооружения морских судов, ее вероятнейших противников. Орудия не были в состоянии предохранить порт и рейды от бомбардирования с моря, конструкции самих укреплений с современной точки зрения уже являлись неудовлетворительными.

2) Свеаборгская крепость представляла собой музей отживших образцов орудий и построек и по своей слабости не могла иметь сколько-нибудь серьезного боевого значения.

3) Усть-Двинская крепость была не в лучшем состоянии, нежели Свеаборг.

4) Либава, по своему стратегическому положению, для обороны Финского залива значения не имела, хотя, будучи недавней постройки, она располагала современным вооружением.

5) Приморские укрепления Выборга давно потеряли всякое боевое значение.

После русско-японской войны военное ведомство предприняло пересмотр вопроса о приморских крепостях, при чем в основу решения был положен принцип: уменьшить число крепостей и хотя бы важнейшие из них привести в надлежащее состояние, усилив их вооружение.

Соответственно этому было решено: Свеаборг и Усть-Двинск—упразднить, Либаву оставить в прежнем состоянии, понизив ее в разряд крепостей III класса, все усилия употребить на улучшение обороны Кронштадта.

Но такое решение ни в какой мере не могло удовлетворить морское ведомство, которое протестовало против упразднения Свеаборга и Усть-Двинска, считая, что: а) „так как вопрос о Свеаборге находится в тесной связи с вопросом о выборе места новой базы для флота и созданием обороны Финского залива и его устья, то необходимо оставить крепость в настоящем состоянии до разрешения последнего вопроса"... и б) „в Усть-Двинске предположено устроить минную станцию, каковая требует защиты".

Вследствие возражений морского министерства вопрос о крепостях был внесен в совет государственной обороны, который постановил (27 июня 1907 г.) [1]):

1) Крепость Усть-Двинск упразднить, оборону устья Двины возложить на минные средства морского ведомства, сохранить батареи Больдераа и Мюльграбен, возложив на них обеспечение минной станции.

2) Признать, что крепость Свеаборг не имеет стратегического значения; сохранить в крепости лишь укрепления,

---

[1]) Архив Морискома, дело № 3304.

могущие иметь значение по отношению к современному политическому положению Финляндии.

3) Крепость Либаву упразднить, подготовив морские сооружения к уничтожению во время войны.

Несмотря на то, что это постановление 6 июля было утверждено царем, морской генеральный штаб не согласился с принятым решением относительно Свеаборга, которое противоречило утвержденным „стратегическим основаниям" плана войны, где предполагалось развертывание флота в будущем перенести в район Ревель — Свеаборг. Указывая, что „нет основания упразднять те укрепления, которые в недалеком будущем придется создавать", генмор настаивал на следующих доводах:

1) Хотя Свеаборг и утратил значение для линейного флота, тем не менее он остается весьма важной морской позицией.

2) Расположение в Свеаборге отряда минных судов в значительной мере облегчает группировку наших морских сил.

3) Современная слабость укреплений Свеаборга не позволяет оборудовать этот порт для минного флота; с упразднением же укреплений морское ведомство будет вынуждено вовсе отказаться от дислокации здесь минного отряда.

Спор между военным и морским ведомствами принял острые формы. В конце концов, последнее добилось приказания царя Свеаборг не только не разоружать, но, наоборот, даже усилить его приморский фронт.

Точка зрения военного ведомства является весьма показательной как для характеристики совместной деятельности, обоих министерств, так и для позиции совета государственной обороны, который игнорировал требования флота, хотя последние, как видно, базировались на утвержденные директивы.

Таким же образом оно долгое время отрицательно относилось к идее создания ревельского укрепленного района, и лишь после долгой борьбы морское ведомство получило его согласие.

Береговая оборона весьма страдала от разногласий. Положение осложнялось тем обстоятельством, что все приморские крепости были в руках военного ведомства, которое рассматривало их под своим углом зрения, нисколько не сообразуясь с планами действий и развертывания флота. Морское же министерство, будучи самым тесным и непосредственным образом заинтересовано в развитии приморских крепостей, являвшихся, прежде всего, опорными пунктами для флота, было устранено от ведения ими. В результате—до 1912 года усиливался только Кронштадт, значение коего признавалось бесспорным, прочие же крепости Балтийского моря почти ничего не получали для своего усиления.

Создание Ревель—Поркалаудского укрепленного района [1]).

Вопрос о постройке ревельской крепости долгое время продолжал оставаться в неопределенном состоянии, и только в середине 1911 года было получено приказание Николая II о срочном внесении этого вопроса на обсуждение крепостного комитета генерального штаба. Результатом этого было, что в сентябре того же года военным ведомством была организована изыскательная партия для обследования ревельского района в целях устройства там крепости (в партию был приглашен представитель от флота).

Со своей стороны, морское ведомство также образовало свою изыскательную партию для определения мест временных установок, в случае надобности, береговых 6″ и 8″ батарей для защиты минной позиции.

Таким образом, оба ведомства, и морское, и сухопутное начали самостоятельные шаги по подготовке к строительству ревельской крепости.

К ноябрю было выработано комиссией военного ведомства, согласованное с морским генеральным штабом, „стратегическое назначение“ ревельского укрепленного района, получившее утверждение царя 16-го ноября. Оно заключалось в следующем:

„1) Ревельский укрепленный район должен содействовать нашей эскадре, маневрирующей в районе Ревель—Поркаллауд, в ее задаче воспрепятствовать прорыву противника вглубь Финского залива.

2) Укрепленный район должен состоять из 2-х участков: а) ревельского и б) поркаллаудского.

3) Укрепления Ревеля должны защищать с моря от бомбардировки, взятия открытой силой и внезапных нападений на базу эскадры на о-ве Карлос (на ревельском рейде); обеспечить флоту свободный выход из порта и возможность развертывания перед боем; частью береговых батарей допускать обстрел, хотя бы дальним огнем, Балтийского порта.

4) Укрепления у Поркаллауда, пополняя собой назначение ревельского участка, в отдельности должны:

а) прикрывать расположенные к востоку от меридиана Поркаллауда базы минного флота, необходимого для завершения успеха эскадры,

б) препятствовать к проникновению в шхерные проходы между мысом Поркаллауд и о-вом Макилото (Сх. № 10).

5) Оба участка, в их общей совокупности, имеют назначением фланкировать промежуток между ними, при чем фронтальная оборона, а также контр-атаки в случае охвата противником одного из участков, выполняются маневрированием эскадр.

---

[1]) Архив Морискома. Дело № 201

6) Непосредственное обеспечение укреплений от захвата противником с моря и с суши возлагается на особо назначенные для сего части.

7) Широкое обеспечение доступов к базе флота с суши лежит на обязанности полевой армии".

По этим заданиям был составлен проект ревельской крепости, который был закончен вчерне лишь к началу марта 1912 года.

Между тем, не только морское министерство, но и государственная дума были озабочены скорейшим проведением вопроса. Последняя, при проведении судостроительной программы (6-го июня 1912 года), вынесла такое постановление: „Государственная Дума признает, что сооружение флота неразрывно связано с устройством ревельского порта и укреплением Ревель-Поркаллаудского района, и что, в виду неразрывной связи этих двух факторов обороны государства, правительству следует безотлагательно внести в законодательные установления законопроект об ассигновании необходимых средств для устройства военного порта и укрепления Ревель-Поркаллаудского района с расчетом их готовности, в главных частях, одновременно с сооружением флота, не позднее 1916 года".

30-го мая 1912 года военное министерство внесло, наконец, в совет министров, для представления в государственную думу, законопроект об отпуске средств на оборонительные работы. Однако, в виду конца срока сессии законодательных учреждений законопроект был отклонен, с указанием внести его после нового созыва их.

Таким образом, в 1912 году военное министерство кредитов не добилось.

Постройка ревельской крепости должна была быть согласована с постройкой порта-базы для флота. В то время как вопрос о первой проходил по линии военного ведомства, портостроение шло по линии морского. Когда проведение кредитов на крепостное строительство было отложено, морской генеральный штаб вошел (20 июня 1912 г.) с докладом морскому министру относительно предстоящего представления законопроекта о портостроении, при чем указывал, что „остается неясным должен ли законопроект об отпуске средств на продолжение работ ревельского порта (см. ниже) итти самостоятельно только по морскому министерству, вне законопроекта военного ведомства по отпуску средств на устройство Ревель-Поркаллаудской крепости, или же вместе с последним, и если с последним, то придется вновь вступить в сношение с военным ведомством". Адм. Григорович положил резолюцию: „надо общий законопроект" [1]).

---

[1]) Архив Морискома, дело № 222.

Однако, первые шаги по согласованию обоих законопроектов вскоре были прерваны, так как весь вопрос получил совершенно другое направление.

Поводом для этого послужил поданный командующим морскими силами Балтийского моря адмиралом Эссеном рапорт морскому министру (5-го августа 1912 года) [1]), в котором он категорически ставил вопрос о „не выясненных в настоящее время взаимоотношениях между морскими и сухопутными начальниками, вследствие неразрешенного вопроса о высшем управлении морскими крепостями..." „Так как сооружение крепости Ревель является делом решенным, этот вопрос необходимо окончательно разрешить, передав приморские крепости в ведение морского ведомства..." Адмирал Эссен указывал, что, по его мнению, если во главе приморской крепости будет находиться сухопутный генерал, то от него, „как от не понимающего истинного назначения крепости исключительно как базы для флота, будут исходить излишние требования и стеснения, которые могут свести на нет все труды по воссозданию и обучению флота и подготовке укрепленной позиции"... „В таком случае, лучше совершенно отказаться от мысли создать свою морскую мощь, раз с самого начала придется встретиться с борьбой за свою самостоятельность и с отстаиванием своих прав, непроизводительно тратя на это свою энергию..."

Рапорт адмирала Эссена являлся отражением спора между морским и военным ведомствами, никогда не прекращавшегося, но теперь обострившегося: о подчинении приморских крепостей. Моряки требовали их передачи в руки морского ведомства, так как их использование теснейшим образом связывалось с действиями флота; они совместно решают задачу обороны важнейших направлений от флота противника; их вооружение, подготовка, методы управления огнем, организация и пр. должны быть вполне согласованы между собой, требуя единого руководства в бою, при подготовке и обучении в мирное время; двойственность организации была здесь недопустима. Морское ведомство обладало более мощным техническим аппаратом, чем армия, ему было более доступно оборудование крепостей последними достижениями в области техники, в особенности артиллерийской.

Наконец, моряки вполне сознавали, что успех обороны побережья, возможность выполнения флотом возложенных на него по планам операций—всецело зависели от состояния приморских крепостей, обеспечивающих базы флота. Еще были свежи впечатления гибели флота в Порт-Артуре,—передача для его укрепления артиллерийского вооружения с боевых судов. Не были забыты также уроки Севастополя, кото-

[1]) Архив Морискома, дело № 201.

рый не был в состоянии обеспечить флоту возможность действовать в открытом море.

В условиях обстановки, предшествовавшей мировой войне, на Балтийском море вопрос этот принимал особую остроту в связи с постройкой Ревеля, который должен был быть опорой для основных боевых действий флота.

Военное ведомство не выдвигало принципиальных возражений против доводов моряков, но, не надеясь на силу сопротивления тогда еще слабого флота, полагало себя ответственным за оборону побережья, считая, что таковое будет выполняться, главным образом, средствами армии, и не желало поэтому отдавать приморские крепости в руки другого ведомства. Однако, для него вопрос о приморских крепостях был второстепенным, и оно обычно не относилось к нему с должным вниманием, от чего страдало общее дело обороны.

Резкость выражений, которую мы видим в рапорте Эссена, является показателем, до какой степени обострился этот вопрос в рассматриваемый момент.

Этот рапорт морским министром был доложен Николаю II, который положил на на нем резолюцию: „согласен с мнением адмирала Эссен".

На этом основании морской генеральный штаб сейчас же сделал представление о необходимости поднять вопрос о переподчинении морскому ведомству приморских крепостей, направив дело в обычном порядке. Что же касается ревельской морской крепости, то морской генеральный штаб полагал необходимым еще до начала ее постройки категорически разрешить вопрос о подчинении в порядке получения утверждения Николаем II, следующих положений: а) подчинения коменданта проектированной Ревель-Поркаллаудской крепости командующему морскими силами Балтийского моря, и б) назначения на эту должность чина морского, а не сухопутного ведомства.

В этом смысле и был сделан доклад, получивший утвердительную санкцию.

Таким образом, впервые состоялось признание необходимости иметь в должности коменданта крепости—моряка. Одновременно возник вопрос и о дальнейшем ведении строительства. Являлось совершенно естественным передать таковое также в ведение морского ведомства, которое уже приступило к постройке порта.

В одном из докладов морского генерального штаба по этому вопросу находим такое замечание: „...если бы вопрос о сооружении крепости был с самого начала в руках морского ведомства, на что имелась в 1909 году полная возможность, то вопрос об ассигновании денег на постройку крепости и портостроительства был бы решен законодательным учреждением уже весной текущего (1912) года, тогда как

военное ведомство, как незаинтересованное лично в этом деле, проводит этот вопрос лишь под давлением морского ведомства и законодательных учреждений. Тем самым можно ожидать, что военное ведомство не будет особенно энергично вести дело постройки и, кроме того, сама постройка и вооружение крепости не будет отвечать всем желательным требованиям морского ведомства к этой крепости".

В связи с поднятым вопросом о переподчинении Ревеля, была образована комиссия из представителей морского и военного ведомств, которая окончила свои работы 5-го января 1913 года, вынеся такое постановление:

„1) Морское ведомство берет на себя составление законопроекта об отпуске необходимых ассигнований на постройку крепости и само его проводит в законодательных учреждениях.

2) Военное ведомство передает все проекты и материалы по постройке.

3) Морское ведомство берет на себя строительство и ведение крепостью Ревель—Поркаллауд".

Эти положения были одобрены, и уже 7-го января строительство крепости перешло в морское ведомство.

29-го января был утвержден, по докладу морского министра, проект сухопутной обороны Ревеля, а уже 4-го февраля морское ведомство внесло в совет министров представление об ассигновании средств на постройку крепости, испрашивая 94.059.241 р., с распределением их на 5 лет:

1913 г.	17.181.500
1914 „	18.896.000
1915 „	19.319.518
1916 „	19.400.720
1917 „	19.261.503

По этому расчету крепость должна была быть законченной в 1917 году.

Совет министров передал законопроект на обсуждение междуведомственного совещания под председательством морского министра, предложив спешно рассмотреть его. 1-го марта работы совещания были закончены, а 11-го проект был рассмотрен советом министров. После сделанных небольших сокращений, морскому министру было предоставлено право внести проект в законодательные учреждения.

4-го июня законопроект был принят государственной думой, 20-го — государственным советом и 23-го утвержден Николаем II [1]).

Между тем, морской генеральный штаб, обеспечив себя поддержкой законодательных учреждений, и находя невозможным терять время, уже 14-го февраля испросил у мор-

[1]) Архив Морискома, дело № 239.

ского министра об отпуске некоторого заимообразного кредита начальнику изыскательной партии для первоначальных работ по постройке крепости. Кредит был дан и тотчас было фактически приступлено к работе.

26-го апреля ревельская крепость была переименована в „морскую крепость Петра Великого".

Несмотря на то, что работы по сооружению ревельской крепости были начаты самым интенсивным образом, к моменту начала войны были закончены лишь несколько противоминных батарей долговременного характера.

Независимо от постройки крепости, морское ведомство, чтобы придать хотя бы какую-нибудь устойчивость этому важному рубежу обороны, к 1914 году установило несколько батарей временного характера, которые потом подлежали замене уже бетонными, солидными укреплениями.

(Вооружение ревельского района к 1914 году показано на схеме № 10).

Портостроение на Балтийском море.

5-го марта 1912 года, одновременно с представлением программы „усиленного" судостроения, морское ведомство внесло в совет министров также и проект оборудования портов. По рассмотрении судостроительная программа была направлена в государственную думу, а проект портостроения было предложено внести в следующую сессию, отпустив, однако, некоторый кредит на приступ к работам.

23-го октября морское министерство вновь представило законопроект о портостроении.

Всего испрашивалось 74.061.436 рублей, которые распределялись:

Постройка порта императора Петра Великого	40.477.838 р.
Переустройство и расширение существующих портов	30.969.876 р.
Оборудование театра военных действий (радио-станции, шхерные батареи, пункты связи и наблюдения) . . .	2.313.720 р.

при чем работы расчитаны были окончанием к 1917 году.

В проекте дана характеристика портов и задания к их оборудованию [1]):

1) Кронштадтский порт: „имеет значение, как в настоящем, так и в будущем, как судостроительная, ремонтная и снабжающая база балтийского флота", но вследствие замерзания на $5 — 5^1/_2$ месяцев значения оперативной базы иметь не может.

Общие задания, требовавшие его оборудования, были:

а) доканчивать вооружение судов, построенных в Петербурге;

б) производить капитальный ремонт по всем частям;

в) производить работы по лабораторному изготовлению боевых припасов и обладать соответствующими складами для их хранения;

г) иметь оборудованные склады для части неприкосновенных запасов, а также топлива, смазочных материалов и других видов снабжения флота;

д) текущий ремонт судов, базирующихся на него.

2) Порт императора Петра Великого (Ревельский):

„Невозможность оборудования его в полной мере к моменту вступления в строй судов программы 1912 года, т. е. к 1916 году, побуждает ему дать к этому сроку частичное оборудование, которое обеспечивало бы защищенную стоянку эскадры, снабжения ее по всем частям, а также давало бы возможность производить боевой и текущий ремонт, не выводящий, однако, кораблей из строя на продолжительное время". Полное же оборудование порта предполагалось осуществить в двенадцатилетний срок, т. е. к 1923 г.

К 1916 году ревельский порт должен был обладать:

а) углубленной и защищенной молом стоянкой для судов всех рангов;

б) аварийными доками с мастерскими, обеспечивающими боевой ремонт судов;

в) механическими мастерскими, обеспечивающими текущий ремонт судов;

г) складами для предметов боевого снабжения;

д) складами твердого и жидкого топлива;

е) портовыми плавучими средствами и погрузочными приспособлениями.

3) Свеаборгский порт.

К 1916 году Свеаборгский порт должен был быть приведен в состояние, отвечающее потребности специальных отрядов и судов, назначенных к операциям на флангово-шхерной позиции.

„До вооружения ревельской крепости Свеаборг имеет весьма важное значение, как единственный защищенный рейд в западной половине Финского залива, который должен быть доступен для линейных судов. Выходы на этот рейд—густавсвертский и лонгернский—необходимо расширить и путем подрывных работ привести их в состояние, позволяющее свободно входить и выходить кораблям всех рангов".

После же оборудования порта Петра Великого свеаборгский порт должен был сохранить значение укрепленной и защищенной стоянки на северном берегу Финского залива.

Наконец, тот же законопроект предусматривал отпуск кредитов на оборудование театров радиостанциями, сетью постов наблюдения и связи и пр.

В числе мер по оборудованию театров намечалось создание трех групп островных батарей флангово-шхерной пози-

ции: группы Тверминэ (три батареи), группы Юссаре (одна батарея) и Поркаллаудской группы (три батареи).

Проект о портостроении и оборудовании театров поступил на рассмотрение государственной думы одновременно с вопросом о создании ревельской крепости и был принят в заседании ее 23 июня 1913 года.

Как выше было указано, к моменту начала войны была осуществлена лишь самая небольшая часть намеченных мероприятий. Война началась в момент, когда в Ревеле были в полном ходу лишь подготовительные работы, и ничего не было закончено, ни мола, ни доков, ни мастерских. Фактически, как порт, Ревель оставался в том же положении как и ранее, т.-е. был в состоянии обслуживать лишь небольшую часть флота, в отношении снабжения запасами и самого небольшого ремонта. Ревельский рейд—был открыт и, как стоянка для флота—неудобен и небезопасен, гавань же—тесна.

Свеаборг—также не был оборудован. Самая важная работа—расширение входов была выполнена в течение войны, почему в начале ее флоту пришлось считаться со всеми неудобствами этого рейда.

Особенно тяжелым было то обстоятельство, что ни в Ревеле, ни в Свеаборге не было ни одного дока для больших судов, что могло поставить в трудное положение суда, потерпевшие аварии и принужденные делать переход в Кронштадт, где доки имелись. Зимою же, когда Кронштадт был отрезан льдами, приходилось считаться с тем, что корабли в течение этого времени на док не могли рассчитывать.

Все это весьма осложняло положение флота при развертывании его в районе Ревель—Свеаборг.

Что касается Кронштадта, то из крупных работ, выполненных в нем в период после русско-японской войны, следует отметить—устройство дока для кораблей типа „Севастополь", оборудование некоторых складов, и незначительное улучшение портовых средств вообще.

II. Черноморский театр.

Приморские крепости.

На побережье Черного моря царская Россия обладала следующими крепостями: Севастополь, Очаков, Керчь и Батум. Их состояние нисколько не было лучше балтийских крепостей. В сравнительно оборудованном состоянии был Севастополь, все остальные крепости представляли собой давно устаревшие и по вооружению и по постройке сооружения.

---

[1]) Архив Морискома, дело № 1081.

Когда в 1907 году поднялся вопрос об упразднении некоторых крепостей, то было решено оставить на Черном море лишь Севастополь, остальные ликвидировать. Однако, это решение встретило возражения со стороны морского ведомства, особенно в отношении Очакова, который прикрывал вход в Днепровско-Бугский лиман, приобретавший особенное значение с тех пор, как в Николаеве предполагалось расширить судостроительные заводы. Военное ведомство настаивало на своем решении упразднить эту крепость, однако, спор был решен в пользу морского министерства и крепость была оставлена [1]).

Керчь, как крепость, была упразднена; были оставлены лишь некоторые батареи для защиты минного заграждения на подходах к проливу. Упраздненная батумская крепость также продолжала существовать в виде нескольких батарей.

Что касается Севастополя, то таковой был усилен, однако, не в той мере, как это требовалось для полной безопасности порта и стоянки судов в севастопольской бухте.

Портостроение в Черном море.

Вопрос об улучшении оборудования портов Черного моря был поставлен на очередь общим законопроектом о портостроении, выработанным морским генеральным штабом в 1912 году, и в следующем году утвержденным государственной думой.

Им устанавливались следующие задания:

1) Севастопольский порт.

Севастопольский порт должен был явиться главной и единственной оперативной базой черноморского флота, которую предполагалось к 1916 году привести в состояние обусловливаемое потребностями флота. Его переустройство и оборудование должно было включить:

а) создание аварийного дока с ремонтными мастерскими,

б) расширение и улучшение существующих механических мастерских,

в) расширение складов для хранения боевого снабжения флота,

г) увеличение и оборудование новых складов твердого и жидкого топлива, как для неприкосновенных, так и расходных запасов,

д) увеличение портовых плавучих средств и погрузочных приспособлений.

2) Николаевский порт.

Николаевский порт является исключительно судостроительной базой черноморского флота, а также местом для капитального ремонта судов. Кроме того, он мог служить вспомогательной базой при операциях флота в районе лиманов Черного моря, обладая соответственными складами.

---

[1]) Архив Морискома, дело № 3304.

Однако, выполнение всех этих предположений в большей части было прервано войной и лишь некоторые из них (аварийный док в Севастополе) были проведены в жизнь.

Главная база, Севастополь—перед войной была далеко не в том виде, как это требовалось. В одном из документов (записка морского генерального штаба о состоянии севастопольского порта в 1913 году) мы находим такую его характеристику: „уже в настоящее время, в отношении снабжения флота, предусматриваемого программой плавания текущего года, севастопольский порт не может считаться способным выполнить всех требований, обычно предъявляемых к операционной базе. Во всяком случае, при наличных средствах, флот будет в значительной степени связан в своих операциях"...

Таким образом, черноморский флот хотя и был обставлен лучше чем балтийский, базируясь на уже оборудованную в прошлые времена базу, но он не мог себя считать удовлетворенным в этом отношении.

Хорошо оборудованные порты, защищенные базы освобождают флот от многих забот, привязывающих его к берегу и отвлекающих внимание от операций в открытом море. Русский флот, как балтийский, так и черноморский, этого не имел...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Планы развертывания балтийского флота

(1907—1914).

План стратегического развертывания Балтийского флота в 1907—8 г.г. Возражения адмирала Эссена против плана 1908 года. План 1910 г. Пересмотр плана 1910 г. План 1912 г. План 1914 года. Заключение.

В то время, когда морское ведомство работало над воссозданием материальной части флота, проведением судостроительных программ и приступило, наконец, к их осуществлению, балтийский флот фактически обладал весьма незначительным составом. Несколько крупных боевых судов, оставшихся от русско-японской войны, и миноносцы, не успевшие быть посланными на Дальний Восток—это было все, чем Россия располагала на Балтийском море.

Помимо своей малочисленности, флот первые годы после войны имел глубокие дефекты во всех отношениях: он был не организован, личный состав, несмотря на боевой опыт—неподготовлен, многие суда не укомплектованы, материальная часть, ремонт, снабжение были неудовлетворительны и пр.

С этими средствами флот должен был решить задачу обороны Балтийского моря от противника, обладавшего первоклассной морской силой, с каждым годом все усиливавшегося, которому он мог противопоставить силы, во много раз слабейшие, хуже снабженные, и на театре, совершенно необорудованном для обороны.

Лишь после многих преобразований, несомненно громадной работы, как организационной, так и учебной, флот был приведен в боеспособное состояние. В лице адмирала Н. О. Эссена, проявившего себя выдающимся моряком в войну с Японией (б. командира „Новика“ и „Севастополя“ в Порт-Артуре), доблестного, беспредельно преданного своему делу и обладавшего выдающимися качествами начальника, он нашел своего вождя. Сгруппировавшиеся кругом Эссена молодые силы образовали школу, которая решительно отмежевывалась от рутины и иных наследий доцусимского периода. Минная дивизия, которой командовал Эссен, явилась подлинным очагом морального возрождения флота.

По характеру нашей темы, мы не будем иметь возможности остановиться на рассмотрении этого внутреннего оздоровления Балтийского флота, хотя помянутая работа легла в основу всей его деятельности. Ко времени мировой войны флот материально оставался очень слабым, но в отношении своей подготовки и организации он достиг такой же высоты, как в лучшие периоды его истории.

Можно было ожидать, что с окончанием судостроительных программ царская Россия располагала бы отличным боевым флотом, не только и не главным образом в отношении его материальной силы, но и в смысле организации и боевой подготовки.

План стратегического развертывания балтийского флота в 1907—1908г.г.[1]).

Для того, чтобы очертить эволюцию идей и планов развертывания балтийского флота, приходится вновь вернуться к документам, отчасти знакомым по предыдущему изложению.

Основной идеей, которая издавна (со времени крымской войны) довлела над планами обороны Балтийского моря—было опасение неприятельского десанта на побережье. Сначала, до середины 90 годов, считались с возможностью английского (или коалиционного) десанта, потом стал угрожать десант германский.

Русский флот в Балтике был всегда слабее вероятного морского противника (в тот момент, когда он был усилен, лучшие суда ушли на Дальний Восток).

Эти обстоятельства установили преемственность задач в деле обороны Балтийского моря.

В последнем перед русско-японской войной совещании по вопросам обороны берегов с участием представителей военного ведомства (2 июня 1903 г.) задача флота была формулирована так: „противодействовать противнику произвести высадку вблизи столицы на срок, необходимый для окончания мобилизации и развертывания нашей армии, назначенной для обороны побережья". Гарнизоны приморских крепостей мобилизовались к концу 2-й недели, полевые войска—к концу 3-й. „Этот период—как заявил начальник главного штаба ген.-ад. Сахаров—надо признать критическим, в течение его наиболее желательна и необходима помощь со стороны флота. Главнейшей целью его содействия является затруднение выполнению каких бы то ни было десантных операций, так как таковые в этот период могут быть произведены почти без помехи со стороны наших сухопутных войск".

Так как обстановка после русско-японской войны лишь усложнилась, но по существу не изменила общих условий, создавшихся на театре (слабость морских сил, попрежнему—

---

[1]) Архив Морискома. Планы войны.

опасение десанта),—то сходные директивы флоту ставятся и в течение последующего периода, в частности они присущи и плану 1908 года (план № 18).

План 1908 года составлен в предположении, что вероятными противниками явятся Германия и Швеция, а при известном складе политической обстановки—и Норвегия, и что возможна одновременная угроза Германии со стороны Англии и Франции.

Основные мысли этого плана сводятся к следующим.

Предполагавшаяся задача противника:

Германии: „десантная операция на берегах Финского залива для совместного с шведской армией наступления на столицу, с целью овладеть ею и оттянуть сюда возможно большую часть сил со стороны главного (западного) театра".

Швеции и Норвегии: „отторжение Финляндии, опираясь на несочувствующие России местные элементы, путем высадки десантной армии и действий в направлении Выборг—Петербург".

Численность неприятельского десанта и время появления его у наших берегов предполагались следующие:

Германия	24.000 ч.	при	72	орудиях	на 12—14 день.
Швеция	82.000 ч.	„	312	„	„ 19—20 „
Норвегия	19.000 ч.	„	66	„	„ 27—28 „
Всего . .	125.000 ч.	при	450	орудиях.	

Численность морских сил—при угрозе Германии со стороны Англии и Франции:

16 старых броненосцев.
4 крейсера.
47 малых миноносцев.
} Готовность на 8-й день.

В случае единоборства с Германией, при отсутствии поддержки со стороны Англии и Франции—к указанным выше цифрам морских сил надо прибавить:

	Германия.	Швеция.
Новых линейных кораблей . .	16	—
Броненосцев береговой обороны	—	12
Бр. крейсеров	4	—
Легких крейсеров	12	4
Эск. миноносцев	40	3
Мал. миноносцев	—	20

Этим силам в 1908 году балтийский флот мог противопоставить:

2 броненосца и 1 крейсер—в полной боевой готовности,
1 старый броненосец и 2 крейсера—в состоянии I резерва,

20 эск. миноносцев в 500 тонн и 9 в 350 тонн—в полной готовности,
9 миноносцев в 240 тонн (типа „Сокол"), 9 малых миноносцев (типа „Циклон") и 9 минных катеров (типа „Никсон")—со сроком готовности между 1 мая и 1 октября,
7 подводных лодок,
19 резервных миноносцев.

Кроме того, в составе балтийского флота значились, но не были боеспособны, достраивающиеся и ремонтирующиеся суда:

2 броненосца, 3 крейсера, 2 заградителя, 1 канонерская лодка и 21 эск. миноносец, которые не были укомплектованы командой.

Сухопутные силы, предназначенные для противодействия десанту, исчислялись:

Войска в прибрежной зоне:

22-ой арм. корпус . . .	16.000 ч.	56 орудий	на 11—13 день.
23-ий „ „ . . .	32.000 ч.	112 „	„ 9 „
50-ая и 57-ая резерв. див.	24.000 ч.	80 „	„ 13—17 „
Всего	72.000 ч.	248 орудий.	

Кроме того, вне Петербургского округа:

60-ая и 62-ая резерв. див.	36.000 ч.	96 орудий	на 18—33 ден.

Гарнизоны крепостей:

Кронштадт	8.000 ч.
Свеаборг	4.000 „
Выборг	4.000 „
Общий итог . .	120.000 ч. при 344 орудиях.

Оценивая вероятные намерения противника и средства сторон, план 1908 года приходил к следующим выводам:

1) „Степень опасности тех или других пунктов высадки неприятельского десанта вообще на Балтийском море увеличивается по мере приближения к Петербургу, и с этой точки зрения высадки в Финском заливе следует признать более опасными, чем в Рижском, и потому наиболее чувствительным для нас ударом была бы высадка по восточную сторону Гогланда, вблизи к столице".

„Транспортные средства противников громадны. Переброска войск в кратчайший срок не встретит затруднений".

2) „Современные наши морские силы не могут оспаривать у неприятеля обладания Балтийским морем во внешней части Финского залива".

3) „Высадка двух германских дивизий не только в районе Або—Ганге, но и у Поркаллауда, может быть выполнена без всякого сколько-нибудь серьезного противодействия со сто-

роны военно-сухопутных сил. То же и шведско-норвежских войск—в районе Або—Поркаллауд".

4) „Наше положение не изменится привлечением на финляндский театр целого армейского корпуса".

5) „Мы будем уступать противнику в количестве сил".

6) „Дислокация и боевая готовность наших сухопутных сил исключает возможность сосредоточения их в районе Тавасгуст—Гельсингфорс и вынуждает отнести его к востоку, не ближе линии реки Кюмени. Только здесь возможно противодействовать германскому десанту.

В виду вышеизложенного, начальникам генеральных штабов указана главнейшая задача: оборонить от покушений противника Финский залив восточнее меридиана Гогланда. Для этого сухопутные силы сосредоточиваются на северном берегу, восточнее реки Кюмень, на южном—за рекой Наровой.

Для исполнения этого развертывания необходимо возможно ранее известить о появлении противника, при чем чрезвычайно важно задержать неприятельский флот хотя бы на самое короткое время,—имеют значение даже часы".

„Морским силам ставится задача: *посильная задержка противника на срок 12—14 дней.*

Развертывание морских сил намечалось согласно следующих задач (схема № 6):

1) В районе Гогланда должна была быть создана минная позиция, путем постановок здесь минных заграждений. На этой позиции главные силы флота должны были дать бой противнику.

2) Организованному „активному" отряду в составе крейсеров и линейных сил поручалось произвести разведку в районе Даго—Оланд, затем вовлечь противника на минные заграждения, которые предполагалось банками поставить в Финском заливе (были приданы заградители), вывести его под удары наших подводных лодок и, наконец, дать бой на Гогландской позиции.

3) Резервный отряд должен был действовать совместно с активным.

4) 1-й минной дивизии ставилась задача: поддержание связи с крейсерами линейного отряда и с армией. Занятие шхерной полосы между Свеаборгом и Гогландом и производство минных атак на противника. Возобновление минного заграждения.

5) 2-я минная дивизия должна была произвести разведку в районе Ревель—Поркаллауд—Свеаборг, задерживать высадку противника около Поркаллауда, поставить минные заграждения в районе Поркаллауд—Пеллинге, действовать на сообщения противника при прорыве его к Кронштадту.

6) Отряд подводных лодок должен был действовать на линии Гогланда совместно с главными силами.

Намеченный состав отрядов и порты их дислокации показаны на таблице:

БИОРКЕ.	КРОНШТАДТ.	КОТКА.	СВЕАБОРГ.	ШХЕРЫ АСПЕ.
Активный отряд.	**Резервный.**	**1-я минная дивизия.**	**2-я минная дивизия.**	5 подводных лодок.
Линейн. кор. „Слава".	Линейн. кор. „Александр II".	I дивизион.	VI дивизион.	
„Цесаревич".	Кр. „Диана".	II „	VII „	
Крейсер „Богатырь".	Кр. „Аврора".	III „	VIII „	
			2 подв. лодки.	
Условно.	**3-я минная дивизия.**			
Бр. кр. „Рюрик".	Резервные миноносцы.			
Кр. „Адм. Макаров".	**Отряд транспортов.**			
Кр. „Олег".	—			

Таким образом, общей идеей плана 1908 года являлось: создать у Гогланда минную позицию, ослабить противника на пути в Финский залив минными заграждениями и атаками миноносцев и, наконец, дать бой на рубеже Гогландской позиции.

Однако, отсутствие заблаговременного оборудования театра приморскими батареями, недостаток мин заграждения и целый ряд неустраненных дефектов в области боевой подготовки и

снабжения флота не давали никакой уверенности, что последнему удалось бы справиться со своей задачей. Его сопротивляемость была очень невелика.

Положение осложнялось тем обстоятельством, что главные силы (оба линейных корабля) на зиму уходили в учебное плавание с гардемаринами за границу, и никогда не было уверенности, что они успеют и будут иметь возможность вернуться в Кронштадт к моменту начала военных действий, буде таковые последуют внезапно.

Что касается армии, назначенной для обороны побережья, то она, в целом, была слабее предполагавшихся сил противника и поставлена в необходимость делить свои силы между северным и южным берегом и вдоль побережья, не зная, куда противник направит свой удар.

Примечание. Кроме того, на случай вооруженного восстания в Финляндии, был составлен особый план развертывания, который мы здесь не приводим, ибо он не имеет прямого отношения к подготовке к мировой войне.

Возражения адмирала Эссена против плана 1908 года [1].

Согласно выработанного и утвержденного плана, начальник соединенных отрядов (фактически исполнявший обязанности командующего флотом; должности последнего не существовало в мирное время) должен был представить план операции балтийского флота. Бывший на этой должности адмирал Щенснович такового не представил, и его было поручено составить начальнику 1-й минной дивизии контр-адмиралу Эссену, который вскоре затем сменил Щенсновича.

В то время 1-я минная дивизия базировалась на Либаву, пользуясь всеми преимуществами этого незамерзающего порта, имея возможность плавать даже зимой, чем Эссен пользовался для практических целей.

План 1908 года предусматривал перемену дислокации флота и сосредоточения его в Кронштадте, с чем Эссен совершенно не был согласен. Получив приказание разработать план операции балтийского флота, он игнорировал задачи генерального штаба и составил план на совершенно других принципах.

По представленному адмиралом Эссеном „зимнему варианту“ плана операции, главные силы флота сосредоточивались в Либаве. Флот не должен был ожидать наступления немцев, сам начать войну, заградив выходы из германских портов минами, выйти в море и путем демонстрации у Карлскроны предложить ультиматум Швеции, под угрозой бомбардировки Карлскроны и уничтожения флота, там находящегося, отказаться от участия в войне. В случае непринятия

[1]) Архив Морискома, дело № 94.

ультиматума не дать соединиться частям шведского флота, расположенным в Карлскроне и в Стокгольме. Лишь под давлением противника оставить Либаву, но для того, чтобы с боями отходить перед ними к Финскому заливу...

Эта идея, как видно, шла совершенно в разрез предположениям морского генерального штаба, высказанным в плане 1908 года.

Начальник морского генерального штаба написал Эссену, что его план неверен и не отвечает политической обстановке. „Правительство не хочет инициативы войны", оно не возьмет на себя начать ее, „операция, задуманная вашим превосходительством, рассчитана не столько на достижение вашей реальной цели, сколько на моральное значение первого успеха для состояния духа наших вооруженных сил. Больше данных, что первый и значительный успех будет на стороне противника"... Кроме того, Эссену указывалось на ненадежность базирования в Либаве, особенно зимой, когда части флота, там находящиеся, могут оказаться отрезанными от Кронштадта.

Дислокация, на которой настаивал генеральный штаб, сводилась к следующей:

Балтийский отряд (линейные корабли)—в Кронштадте.

Резервный отряд—там же.

1-я минная дивизия—в Кронштадте; в военное время временная база в Котке.

2-я минная дивизия—в Свеаборге.

Подводные лодки—в Кронштадте; в военное время—базирование на Ревель.

Эссен же требовал крейсера и минную дивизию сосредоточить в Либаве, подводные лодки—в Ревеле.

Его доводы видны из следующих выдержек его рапортов в генеральный штаб.

В рапорте от 15 апреля 1909 года он пишет:

„В какой бы дислокации ни расположился флот, его влияние на действия сильного противника не будет иметь практического значения в ходе войны... Открытие военных действий особенно вероятно весной, а в „зимний период времени при сосредоточении на Кронштадт, морскими силами не удастся принять участия в войне иначе, как из-за стенок кронштадской крепости"... „Не оспаривая рискованности и в окончательном результате материальной бесплодности действий балтийского флота и при всякой иной его дислокации, я тем не менее нахожу, что флот должен быть введен в войну и принять в ней участие ради причин характера морального, а личный состав его, это ядро будущего флота, воспитан и воодушевлен в стремлениях и привычках быть готовым жертвовать собой, итти на опасность..." „Указывая, что операциями из Либавы флот отвлекает внимание противника от Финского залива к этому пункту, Эссен находил, что отвлечение германского флота на Либаву задержит его долее от приближения к Кронштадту, нежели не могущий выйти из этого порта флот... Бой на Гогландской позиции, необорудованной вследствие льда, не будет заслуживать даже этого названия... Продвинуться же на восток, имея во фланге Либаву, германский флот едва ли решится, не покончив с ней"...

„Принятый мной способ операции,—заканчивает он рапорт,— рискован... Но в двух отношениях я ставлю его, несомненно, выше: моральное воздействие на неприятеля, даже в случае неудачи, как показатель нашего духа, и во-вторых,— в смысле воспитательном..."

В виду упорных настояний генерального штаба — Эссен представил новый план операций; но все-таки он не согласился с гогландской позицией, основной рубеж наметил на линии Ревель—Поркаллауд, в соответствии с чем проектировал развертывание отрядов флота.

Морской генеральный штаб указывал Эссену, что он настаивает на укреплении Ревель-Поркаллаудского района для наших будущих сил, но пока этого не выполнено, все-таки обстановка требует развертывания за Гогландом.

В конце концов Эссен согласился, но с оговоркой: „оставаясь на решении оказать противнику первое сопротивление как при помощи минного заграждения, так и линейного, подводного и минного флота на линии Нарген—Поркаллауд, тем не менее я соглашаюсь отнять от этого столкновения характер решительного боя, приняв меры к обеспечению для наших сил второго сосредоточения на гогландской позиции для окончательного и решительного сражения..."

Относительно же перемены дислокации и в частности против перевода минной дивизии из Либавы в Кронштадт, он продолжал протестовать. В резком письме морскому ми-

нистру Воеводскому (от 20 августа 1910 года) Эссен писал: „... есть известные мероприятия, более опасные, чем потерянные суда—это ошибки в применении к войне неверных принципов стратегии, невидимо, но неизбежно обрекающих на неуспех всю кампанию. К таковым я отношу и сосредоточение флота в Кронштадте на зимнее время, считая его равноценным внезапному захвату наших морских сил, брошенных (так как при необорудованности наших западных баз нельзя подыскать иного выражения) на свои личные рессурсы, из которых бдительность и решимость еще долго будут для нас главными“...

В конце концов вопрос об изменении дислокации дошел до царя. Николай II, зная и ценя Эссена, не хотел его обидеть; а с другой стороны—соглашался с доводами министра и начальника генерального штаба. Поэтому он принял среднее решение и приказал — первую минную дивизию оставить в Либаве, утвердив дислокацию остальных отрядов. Таким образом, силы флота оказались на зимнее время разделенными.

План стратегического развертывания балтийского флота на случай европейской войны в 1910 г. [1]).

5 апреля 1910 года был утвержден „план стратегического развертывания на 1910 год на случай европейской войны“.

В основании этого плана было принято, что „вероятным противником нашим на Балтийском море будет Германия. Возможно предполагать, что к ней присоединится и Швеция, тем не менее положительных данных о существовании военной конвенции между Швецией и Германией—не имеется“.

Сущность плана сводилась к следующему (сх. № 8):

1) Задачи и силы противников. Цели противников предположены теми же, что и в 1908 году, именно: десантная операция немцев на берега Финского залива „для наступления к нашей столице с целью овладеть ею и оттянуть к ней возможно большую часть наших сил от главного театра“, со стороны шведов—отторжение Финляндии и действия в направлении Выборг—Петербург.

„Главные силы германского флота, вероятно, будут сосредоточены на главных морских противниках—Англии и Франции“; против балтийского флота предположены суда 2 линии. В случае же единоборства с Германией—полный состав флота последней и весь шведский флот.

2) Силы нашего флота—те же, с прибавлением вступивших в строй в 1910 году новых и отремонтированных судов: 2 линейных кораблей „Андрей Первозванный“ и „Павел I“ и несколько ранее вступившего в строй бр. крейсера „Рюрик“,

[1]) Архив Морискома, планы войны.

бр. крейсера „Громобой“, 3 крейсеров („Баян“, „Паллада“, „Адм. Макаров“), 6 подводных лодок и 2 заградителей.

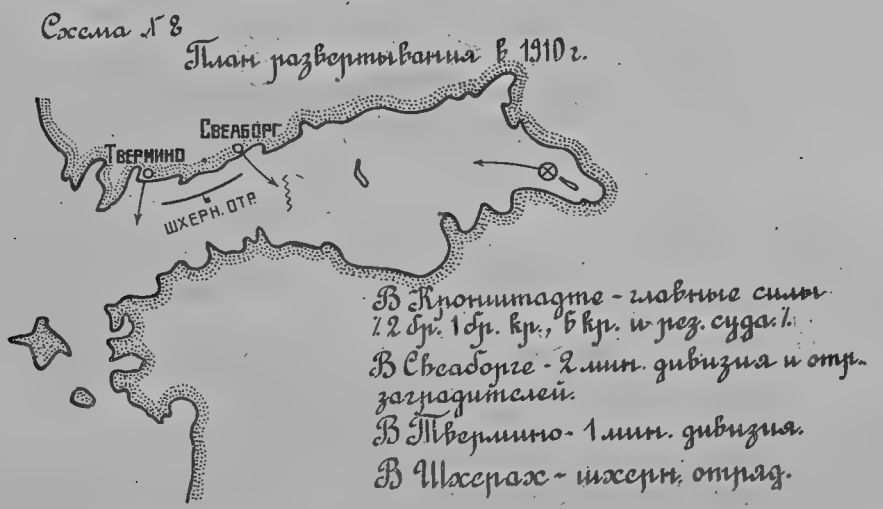
3) Задача балтийского флота: „сопоставляя данные обеих сторон, видно, что современные наши морские силы не могут оспаривать у неприятеля обладание в открытой части Балтийского моря. Вследствие сего, приходится изыскивать благоприятную обстановку, при которой условия местности способствовали бы успеху наших слабых морских сил, при выполнении минимальной оборонительной задачи. Такой задачей является задержать противника в восточной части Финского залива на срок хотя бы 12—14 дней“.

4) Основная идея борьбы: „Финский залив в его узких частях дает возможность, посредством постановки минных заграждений при комбинации с подводными лодками, создать обстановку, при которой маневрирование противника будет стеснено, и флот получит возможность занять выгодное положение относительно неприятеля. Шхерная полоса северного берега залива дает возможность минным судам действовать на сообщения неприятельского флота, но при условии, что к моменту главной операции нашего флота минные суда успеют сосредоточиться к району этой операции. Для своевременной подготовки маневренного района необходимо возможно ранее разведать движение флота противника в Финский залив“.

5) Состав отрядов и пункты сосредоточения показаны на таблице:

КРОНШТАДТ.	СВЕАБОРГ.	ТВЕРМИНЭ.	В ШХЕРАХ.
Балтийский отряд.	**2-я минная дивизия.**	**1-я минная дивизия.**	**Шхерный отряд.**
Лин. кор. „Цесаревич“.	V дивизион.	I дивизион.	Канонерские лодки.
Лин. кор. „Слава“	VI „	II „	„Бобр“.
Бр. кр. „Рюрик“.	VII „	III „	„Сивуч“.
Кр. „Адм. Макаров“.		IV „	„Гиляк“.
Кр. „Богатырь“.	**Отряд заградителей.**		„Кореец“.
„ „Олег“.			„Грозящий“.
Вступают по готовности:	„Амур“.		„Храбрый“.
Лин. кор. „Андрей Первозван.“.	„Енисей“.		VIII дивизион миноносцев.
	„Волга“.		IX дивизион миноносцев.
	„Ладога“.		

КРОНШТАДТ.	СВЕАБОРГ.	ТВЕРМИНЭ.	В ШХЕРАХ.
Лин. кор. „Павел I“.	„Онега“.		X дивизион миноносцев.
Кр. „Баян“.	„Нарова“.		Кр. „Азия“.
„ „Паллада“.			Посыльн. судно „Воевода“.
Резервный отряд.			
Легк. кр. „Александр II“.			
Кр. „Россия“.			
„ „Аврора“.			
„ „Диана“.			
Учебное судно „Петр Великий“.			
Бригада подводн. лодок.			
1, 2 дивизионы.			
Транспорты.			



6) Задачи отрядов.

а) Балтийский отряд производит разведку в Балтийском море и Финском заливе, защищает минное заграждение, выставленное по плану, маневрирует для вовлечения неприятеля на наше минное заграждение и под удары наших подводных лодок, а затем вступает „в бой с главными силами противника“.

б) Резервный отряд по готовности присоединяется к Балтийскому и действует совместно с ним.

в) I минная дивизия имеет задачей: „производство минных атак на противника, следующего в Финский залив, базируясь на шхерную полосу от Свеаборга до Тверминэ; выставление минных заграждений на путях наступления противника; посильную задержку высадки войск противника в районе от Свеаборга до Ганге; по мере наступления противника вглубь залива, отход к востоку для совместных действий с главными силами. Дивизия поддерживает постоянную связь с разведочными судами балтийского отряда для постоянной осведомленности о противнике. Дивизия мобилизуется в Кронштадте [1]), сосредоточивается на 2-ые сутки в Тверминэ, где образуется временный опорный пункт".

г) II минная дивизия имеет задачей: „производство минных атак на противника, находящегося в Финском заливе, базируясь на шхерную полосу от Поркаллауда до Котки; выставление минных заграждений на путях наступления противника; посильную задержку высадки противника в ближайших к Свеаборгу районах"; при наступлении противника вглубь Финского залива отход на восток для совместных действий с главными силами; связь с I минной дивизией.

д) Бригада подводных лодок—„атаки неприятеля при совместных действиях с нашим линейным флотом".

е) Отряд заградителей—„постановка заграждений в маневренном районе, после чего отход в Кронштадт. Отряд мобилизуется в Свеаборге".

ж) Шхерный отряд—„охрана входов в главнейшие шхерные фарватеры, наблюдение за последними".

7) Базы и их назначения.

Планом устанавливается следующее назначение баз:

Кронштадт—база для отрядов—балтийского, резервного и бригады подводных лодок. Он организует опорный пункт в Котке.

Кронштадтская крепость имеет назначением „обеспечить флоту, опирающемуся на Кронштадтский порт, как на базу: а) безопасную, спокойную стоянку на рейдах в гаванях и в доках, при приготовлении к выполнению поставленных ему задач; б) свободный выход из порта во всякое время и возможность развернуться перед боем". В случае потери флота, крепость имеет назначением воспрепятствовать прорыву неприятельских судов к столице, а также воспользоваться кронштадтским портом в качестве своей базы для дальнейших операций.

---

[1]) План не соответствовал дислокации I минной дивизии. Она базировалась на Либаву.

Свеаборг—база и ремонт дислоцированных в нем отрядов. Вследствие недостаточной защиты свеаборгской крепости, при приближении к Свеаборгу неприятельской армии все портовые сооружения должны быть уничтожены и входы на рейды заграждены, дабы неприятель не мог воспользоваться свеаборгским портом в качестве своей промежуточной базы.

Назначение свеаборгской крепости: „обеспечить частям флота, базирующимся на свеаборгский порт, безопасную стоянку и свободный выход".

Ревельский порт—учитывается, как неимеющий стратегического значения, приготовляется к уничтожению с объявлением мобилизации.

Либава „стратегического значения не имеет и является лишь местом дислокации в мирное время лишь некоторых судов. Расположение здесь судов не вызывается стратегическими целями, а возможностью здесь лучше подготовить личный состав. С объявлением мобилизации — подготовляется к уничтожению.

Терминэ имеет значение временной базы I минной дивизии. Базирование производится помощью плавучей базы, состоящей при дивизионах.

Таким образом, план 1910 года по существу незначительно отличался от плана 1908 года: вынос базирования миноносцев в шхерный район Терминэ, наметившийся новый рубеж обороны Ревель—Поркаллауд — вот собственно в чем заключалась главная разница между ними. Натяжка в вопросе базирования минной дивизии на Терминэ—явно компромисное решение, явившееся результатом указанных выше противоречий между действующим флотом и морским генеральным штабом.

Пересмотр плана 1910 года.

План 1910 года не удовлетворял ни флот, ни генеральный штаб. Последний смотрел на него как на временный, пока не будет реально приступлено к созданию морских вооруженных сил. Флот же не был им удовлетворен по причинам, о которых мы говорили выше, из коих главная — нежелание удаляться в восточную часть Финского залива, оставаясь отрезанными в течение ледостава от открытого моря.

Эта неудовлетворенность послужила поводом для многих работ в поисках других решений. Отдельные голоса высказывали сомнение в том, что десантная операция вглубь Финского залива целесообразна для немцев. Но такие мнения являлись единичными.

Вопрос о дислокации флота и районе его развертывания не сходил с очереди. Получила признание идея о невозможности базироваться на Кронштадт, оставляя беззащитным западный район Финского залива и позицию Ревель—Поркаллауд. Это приводило к мысли о необходимости перенести

базирование флота в Ревель и Свеаборг теперь же, не дожидаясь оборудования новой базы.

Гогландская позиция была оставлена. Все внимание сосредоточивается к центральной позиции (Ревель — Поркаллауд); „позиция должна быть одна, бой на ней — решительный", „план операции должен быть один, независимо от времени года" (из записок штаба балтийского флота).

Идея позиционного боя, до тех пор тактически неразработанная, была исследована с этой точки зрения; результаты указывали на необходимость внести существенные коррективы в прежние предположения о бое на позиции.

Усиление состава флота вошедшими в строй кораблями, заложенными еще во время русско-японской войны, и судами, отремонтированными, достигнутые результаты в области боевой подготовки флота (главное—в стрельбе) давали некоторую опору для плана операций.

И, действительно, следующий план 1912 года существенно разнится от предыдущих, являясь в то же время более детально разработанным.

План операции морских сил Балтийского моря на случай европейской войны 1912 г.[1]).

17 июня 1912 года по докладу морского министра был утвержден царем „план операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны".

Нам приходится остановиться на нем особенно подробно, так как развертывание Балтийского флота в начале мировой войны имело место именно по этому плану.

Сущность плана 1912 года сводится к следующему:

1) Общие соображения, вытекающие из военно-политической и стратегической обстановки.

План исходит из сложившейся к тому времени политической группировки держав тройственного согласия (Россия, Франция, Англия) против тройственного союза (Германия, Австрия, Италия). Второстепенные государства, граничащие с Россией—Швеция и Турция, учитываются склоняющимися на сторону врагов России. Кроме того, план предполагает неприязненное, „с большей или меньшей склонностью к нашим противникам", отношение прибалтийских губерний и Финляндии.

„По отношению к своим союзникам мы являемся на замкнутом балтийском театре совершенно изолированными, а следовательно, в случае возникновения на театре вооруженного столкновения, нам одним придется иметь дело с флотом Германии, при возможных совместных действиях его со шведским.

Надежда на помощь со стороны английского флота должна быть совершенно отбро-

---

[1]) Архив Морискома. Планы войны.

шена, так как внешнее сообщение с бассейном Балтийского моря будет в руках нашего противника".

„Учитывая же возможную помощь английского флота, я (план написан от имени командующего морскими силами Балтийского моря) заключаю, что она может выразиться лишь в отвлечении германского флота с балтийского театра на театр Северного моря. Однако, скудость сведений и трудность предугадать заранее, насколько будет соответствовать действительности подобное теоретически возможное отвлечение сил нашего вероятного противника, заставляет меня считать, что против наших морских вооруженных сил на Балтике мы будем иметь весь германский флот, а возможно, что и совместно со шведским. Вероятность сосредоточения всех сил германского флота на Балтике получает особое значение, в виду существования внутреннего водного пути, связующего балтийский и северный морские театры, каким является Кильский канал".

2) Идея плана операций [1]). Учитывая, что вследствие слабости нашего флота, сравнительно с силами вероятного врага, активные задачи, связанные с борьбой за обладание Балтийским морем, должны быть оставлены, составитель плана приходит к заключению, что следует исходить „из его наиболее вероятных операционных линий", каковые он разделяет на две группы:

а) линии, направленные в Финский залив, и

б) линии, не распространяющиеся на последний.

„Считая первую группу линий противника более опасной для нас, я, по крайней мере на первое время военных действий, должен сосредоточить все свое внимание именно на них, совершенно откидывая вторую группу линий, так как парализовать их чем-либо в настоящее время я не в силах.

Предполагая иметь дело со всем германским флотом, я должен чем-либо восполнить слабость наших сил; таким восполнением является борьба на заранее подготовленной позиции, используя в решительный момент все силы позиционно-подводной обороны.

Следовательно, основной идеей, основной боевой задачей нашего флота я ставлю себе возможное сопротивление к проникновению противника в Финский залив.

Соответственно идея плана формулируется следующим образом:

1) Оказать возможное сопротивление проникновению неприятеля в восточную половину Финского залива.

2) Практическое выполнение этой задачи сводится к бою

[1]) Сх. № 9.

на заранее подготовленной позиции, используя в решительный момент все имеющиеся средства позиционно-подводной обороны.

3) В зависимости от действительной обстановки и намерений противника, а также в случае успешного задержания его наступления в Финский залив я перейду к активному плану действий.

В заключение считаю долгом указать, что слабость наших морских сил в случае борьбы со всем германским флотом, конечно, никакими вспомогательными средствами восполнена быть не может, а потому продолжительность „возможного сопротивления" противнику проникнуть вглубь залива всецело зависит от количества сил, которые приведет неприятель, и от степени подготовки избранной оборонительной позиции".

3) Основания плана операций.

Для этой задачи была назначена оборонительная позиция в узкости залива, образуемой о. Нарген и м. Поркаллауд, так называемая центральная позиция, которую было предположено подготовить еще в мирное время, и сосредоточить здесь все силы флота и все средства позиционно-подводной борьбы. В связи с выбором главной оборонительной позиции на участке Поркаллауд—Тверминэ было предположено оборудование флангово-шхерной позиции [1]).

Таким образом, противник при наступлении в глубину Финского залива должен был подвергнуться атакам миноносцев, базирующихся на шхеры, а затем встретить главное сопротивление на центральной позиции.

Что касается Моонзунда, то в виду слабости русского флота не позволяющей его использовать как позицию для миноносцев, решено было привести его в такое состояние, которое не позволит противнику воспользоваться им в течение первого периода военных действий.

При выборе района развертывания, план видит возможность только двух вариантов: а) в Кронштадте или б) у позиции, т.-е. в западной части Финского залива.

„Первый вариант дает вполне безопасное развертывание, но зато в течение всего зимнего периода совершенно выводит наш флот с театра и тем самым лишает возможности оказать посильное сопротивление флоту противника...

Наоборот, второй вариант развертывания подвержен риску нападения, зато позволяет использовать наши морские силы с первого же момента военных действий.

„Полагая, что морские силы для того и существуют, чтобы в случае военных действий быть наилучшим образом использованными, я остановился на втором варианте, всецело созна-

---

[1]) Сх. № 10.

вая его рискованность, но зато имея все шансы выполнить по мере сил и возможности ту боевую задачу, которую я себе поставил. Лишь приняв это рискованное решение и всецело принимая за него ответственность, я буду в состоянии использовать флот с пользой, ибо только в этом случае я получаю возможность действовать, а не быть заблокированным в Кронштадте, находясь перед тем в течение 5—6 месяцев зрителем военных событий, разыгрывающихся на балтийском театре".

В связи с избранным районом стратегического развертывания, была назначена зимняя дислокация флота для мирного времени, предусматривающая базирование действующего флота к западу от Кронштадта, ближе к свободной воде — в Ревеле и Гельсингфорсе.

„Точно так же риск нашего расположения и стратегического развертывания находится в прямой зависимости от степени подготовки Ревеля, Гельсингфорса и центральной позиции средствами, которые находятся вне моей власти.

По мере оборудования Ревеля и позиции, риск в значительной степени уменьшается, и может быть сведен к нулю, как только в Ревеле будет снаряжена хотя бы только часть укрепления позиции и рейда".

„...Итак, ставя себе задачу оказать возможное сопротивление противнику на центральной позиции залива, я, вместе с тем, отказываюсь от наступательного образа действий в первый период войны и до выяснения фактической обстановки и величины тех сил, которые противник направит против меня; при наличии достаточного оборудования позиции я, вероятно, смогу на некоторое время задержать движение неприятеля вглубь залива, но полагаю, что в случае движения на нас всего германского флота эта задержка у позиции, при том состоянии нашего флота и той степени оборудования позиции, которая ныне существует, будет непродолжительна; кроме того, слабость наших сил и отсутствие необходимого оборудования позиции заставляет меня, с самого же начала войны, считаться с инициативой противника и не дает мне возможности принять наступательный образ действий, так как с уходом флота из залива (что должно произойти в случае нашего наступления), последний остается совершенно открытым, и проникновение в него противника не встретит почти никаких препятствий; в самом деле, с уходом наших главных сил из залива, оборона позиции возлагается на незащищенное минное заграждение, устаревшие слабые миноносцы и плохие подводные лодки. Благодаря отсутствию надлежащего оборудования позиции и слабости нашего Балтийского флота, является необходимость не оставлять Финский залив и сосредоточить в нем все наличные силы. Как следствие же этого, вытекает потребность сузить поставленную себе бое-

вую задачу до возможного минимума, ограничиваясь обороной восточной половины Финского залива и оставляя вне оперативной зоны Рижский залив и все Балтийское море, в которых противник будет иметь возможность беспрепятственно оперировать...“

На основании всех приведенных соображений план приходит к следующим основным положениям для операции:

„1) Для возможного обеспечения от внезапного нападения на наш флот в период его стратегического развертывания и работ по оборудованию позиций, необходимо выставить разведочную завесу в устье Финского залива в помощь существующим постам наблюдения, главными же силами прикрыть работу на центральной позиции.

2) Воспрепятствование противнику проникнуть вглубь залива достигается боем на центральной позиции, для чего должны быть сосредоточены все наличные силы нашего флота и все средства позиционно-подводной обороны.

3) Оборудование позиций, зависящее от флота, сводится к постановке обширного минного заграждения, при чем эта постановка должна быть произведена тотчас же с началом натянутых отношений и не дожидаясь фактического объявления войны. Теперь, в мирное время, частью уже сооружены, а частью будут поставлены батареи, до некоторой степени обороняющие заграждения.

4) Необходимо оборудовать шхерную позицию, на которой сосредоточить нужные для этого силы, и заградить Моонзунд.

5) По окончании упомянутых подготовительных работ развернуть у позиции все силы, оставив в устье залива завесу.

6) Если по выяснении действительной обстановки окажется, что со стороны противника на нас наступают силы второй линии или если попытка противника овладеть позицией окажется неудачной, то явится возможность выйти с нашими оперативно-способными силами и искать боя с противником при благоприятных для нас условиях. Если же мы будем иметь дело со всеми силами германского флота, то следует принять решительный бой на позиции, защищая ее до последнего корабля“.

4) Состав сил. Планом 12 года учитываются следующие силы, организованные в тактические соединения:

1) Крейсер „Рюрик“ под флагом командующего флотом и при нем эскадренный миноносец „Новик“.

2) Действующая эскадра в составе:

а) Бригада линейных кораблей: „Андрей Первозванный“, „Император Павел I“, „Слава“ и „Цесаревич“.

б) Бригада крейсеров: „Громобой“, „Паллада“, „Баян“, „Адмирал Макаров“.

в) 1-я минная дивизия: полудивизион типа „Охотник“, 1-й и 2-й дивизионы миноносцев (всего 20).

г) Отряды транспортов, образующих плавучую базу эскадры: „Океан“, „Рига“, Анадырь“, „Борго“, „Водолей № 1“ и плавучая мастерская „Ангара“.

3) Оборона центральной позиции и общий резерв в составе:

а) резервного отряда: лин. кор. „Император Александр II“, уч. с. „Петр Великий“, 4-ый дивизион миноносцев (8), транспорты „Лахта“ и „Водолей № 2“;

б) бригада крейсеров 1-го резерва: „Россия“, „Богатырь“, „Олег“ и „Аврора“;

в) бригада подводных лодок 1 и 2 дивизионы (всего 11) с транспортами „Европа“ и „Хабаровск“;

г) партия траления мин заграждения;

д) плавучие средства портов и лоции Балтийского моря;

е) береговые батареи о-ва Нарген;

ж) суда Ревельской охраны рейда.

4) Оборона шхерной позиции в составе:

а) отряда заградителей: „Амур“, „Енисей“, „Волга“, „Ладога“, „Онега“ и „Нарова“. Отряд этот вступает в состав обороны шхерной позиции по окончании работ на центральной позиции;

б) 2-й минной дивизии из 3, 5, 6 и 7 дивизионов миноносцев (всего 31) с плавучей базой;

в) отряды канонерских лодок: канонерские лодки: „Храбрый“, „Бобр“, „Сивуч“, „Кореец“, „Гиляк“ и „Грозящий“,

г) шхерных батарей в трех группах: Лапвикской, Юссаре и Поркаллаудской;

д) плавучих средств позиции, к которым принадлежат суда комиссии по обзору Финляндских шхер;

е) судов охраны рейда и гаваней Свеаборга в числе транспорта „Бакан“ и миноносцев №№ 128, 129, 134, 140, 142, 212 и 213;

5) служба наблюдения и связи в составе трех районов наблюдательных постов и радиостанций: северного, южного и восточного и плавучих средств службы в числе посыльных судов: „Лейтенант Бураков“, №№ 104, 119, 120 и 136, и портового судна „Силач“;

6) тыл флота, образуемый Кронштадскими и Петербургскими портами с их плавучими средствами и охраной рейда в составе учебных судов „Африка“, „Воин“, „Верный“ и „Рында“, транспорта „Красная Горка“ и крейсеров пограничной стражи „Орел“ и „Роксана“.

5) План операции. План 1912 года, на основании изложенных выше соображений и данных, в случае возникновения вооруженного столкновения с Германией, устанавливает следующий образ действий.

„Тотчас по окончании мобилизации, приступить к боевому оборудованию центральной позиции и, если позволит время, то и шхерной, одновременно произведя необходимые работы для приведения некоторых районов оперативной зоны в состояние, непригодное для мореплавания.

Главнейшая работа по оборудованию позиции, а именно постановка отрядом заградителей обширного минного заграждения должна быть начата по окончании его мобилизации, т.-е. через 12 часов по ее объявлении, потребовав для своего выполнения от 6 до 8 часов, в зависимости от времени года и условий погоды.

Для прикрытия этой работы, одновременно с выходом отряда заградителей на позицию к устью Финского залива должна выйти бригада крейсеров, которая установит завесу на линии Дагерорт—Утэ (или Богшер). Линейные же корабли, под командой командующего флотом, должны выйти к западу от центральной позиции, оставаясь в полной связи с бригадой крейсеров и постами наблюдения, для поддержки, в случае надобности, первых.

1 и 2 минные дивизии, по окончании своей мобизизации, должны выйти в Моонзунд и на фланговую шхерную позицию для выполнения работ по заграждению (1 минная дивизия заграждает Моонзунд, уничтожает вехи и знаки, согласно особому плану).

Часть миноносцев придается для несения охраны непосредственно при отряде заградителей.

Суда 1-го и 2-го резерва, введенные в боевое расписание, образуют указанные отряды и приступают: резервный отряд—к охране ревельского рейда и позиции, а отряд канонерских лодок—к охране и оборудованию шхерных батарей и районов шхерных позиций.

Одновременно должна быть убрана, по особому плану, часть ограждений и навигационных знаков.

Подводные лодки по окончании мобилизации остаются в Ревеле, находясь в полной готовности к выходу в море, для занятия специальной позиции впереди минного заграждения.

По окончании работ отряда заградителей, бригада линейных кораблей с 1-ой минной дивизией отходит в Ревель, где располагается на рейде в специально оборудованном месте, находясь в полной готовности к выходу на позицию и принимая все возможные меры к охранению ее.

Отряд заградителей, по постановке главного заграждения, уходит в Гельсингфорс или Кронштадт, смотря по обстоятельствам, имея в готовности один заградитель в Свеаборге.

Суда 2-ой минной дивизии, канонерские лодки и прочие отряды, сосредоточенные в шхерной позиции, которую предполагалось окончить на 6 день по мобилизации. Таким образом, все работы по оборудованию позиций и оперативного

района, согласно плана, должны были закончиться на 5 или 6 день мобилизации; главнейшие же операции должны были быть выполнены через сутки; заграждение центральной позиции—через 8 часов.

По окончании всех указанных работ, морские силы предположено было расположить следующим образом:

1) Впереди в разведке — бригада крейсеров на линии Дагерорт—Утэ (или Богшер), находящаяся в связи с наружными постами наблюдения.

2) У центральной позиции—в Ревеле: бригада линейных кораблей, 1-я минная дивизия, резервный отряд, бригада крейсеров 1-го резерва, бригада подводных лодок, партия траления, плавучая база действующей эскадры и подвижная охрана ревельских рейдов и гаваней.

3) Во фланго́во-шхерной позиции—на шхерных участках позиций: 2-я минная дивизия, отряд канонерских лодок, плавучие средства, а в Свеаборге отряд заградителей (весь или один заградитель в полной готовности) и подвижная охрана рейдов и гаваней Свеаборга.

4) В тылу—суда, находящиеся в Кронштадтском и Петербургском портах, и подвижная охрана рейдов и гаваней Кронштадтского порта".

В случае наличия при действующем флоте бригады крейсеров 1-го резерва, ее предположено выслать в помощь бри-

гаде крейсеров на разведку в устье Финского залива и для поддержания связи разведочной завесы с командованием флота. Такое развертывание морских сил дает, по заключению составителей плана, следующие преимущества и возможности:

а) обнаружить присутствие противника возможно дальше от позиции, что достигается выдвижением разведочной завесы за Дагерорт, т.-е. на расстояние, приблизительно, в 100 миль от линии Нарген—Поркаллауд;

б) быстро сосредоточить главные силы на позиции, не утомляя их длительным крейсированием в заливе;

в) возможность выдвинуть все наличные минные силы из флангово-шхерной позиции на противника и его коммуникационные пути при подходе к позиции или при движении в западной части залива; „оперативная деятельность минных сил находится, однако, в непосредственной зависимости от времени года и образа действий неприятеля“;

г) возможность быстро сосредоточить все наличные минные силы к позиции в любое время и притом вполне безопасно;

д) иметь возможность, в случае прорыва неприятеля через позицию, отойти с остатками нашего флота к Кронштадту или Свеаборгу, имея в своих руках флангово-шхерную позицию, расположенную на путях сообщения противника, при развитии последним операций в восточной части Финского залива;

е) иметь возможность, в случае благоприятных условий, всеми силами действующей эскадры быстро выйти в море для нападения на противника, имея в то же время обеспеченным свой тыл, в виде оборудованных центральной и шхерной позиций.

„При обнаружении появления главных сил неприятеля, направляющихся в залив, крейсерская бригада отходит к центральной позиции, не теряя, по возможности, связи с противником.

В то же время все наличные силы развертываются на позиции для принятия на ней решительного боя“.

Далее в плане высказано соображение на случай, если намерения противника не совпадут с предположениями плана о его действиях: „Если же противник не обнаружит намерений путем форсирования позиций проникнуть вглубь залива, а предпримет метод постепенности для овладения позицией или ограничится блокадой в устьях залива, при чем силы его будут соизмеримы в отношении к нашим, то я выйду с действующей эскадрой с целью искать боя с противником в открытом море; в этом случае охрана центральной позиции возлагается на резервный отряд, а шхерной—на силы, сосредоточенные в ней по плану стратегического развертывания.

Наконец, если противник, приняв систематический образ действий по овладению позиций, будет в полном составе своем, то я, базируясь на центральную позицию, буду всеми мерами противодействовать его операциям, однако, бой приму лишь на позиции".

„Зависимость изложенного плана операций от времени года и мирной дислокации наших сил вызывает некоторые изменения для зимнего времени, так: 1-я минная дивизия зимой находится в Либаве, резервный же отряд и сводный резервный дивизион миноносцев находятся в Кронштадте, а потому план операции видоизменяется в зимнее время следующим образом:

1) 1-я минная дивизия немедленно по окончании мобилизации уходит в Ревель.

2) Бригада линейных кораблей выходит за ледоколами из Гельсингфорса и прикрывает работу отряда заградителей.

3) Если шхеры и Моонзунд покрыты льдом, то работы по их оборудованию не производятся".

В остальном план оставался без перемен как для летнего, так и для зимнего времени.

6) Расчленение общего плана операций на частичные.

Согласно изложенного, были намечены следующие подготовительные операции:

а) оборудование центральной позиции;

б) оборудование шхерной позиции;

в) прикрытие и охрана работ;

г) разведка и наблюдение;

д) операции по приведению оперативного района в требуемое военным временем состояние;

е) стратегическое развертывание сил на позициях;

ж) служба наблюдения и связи.

Оборудование центральной позиции.

Постановку обширного минного заграждения в виде широкого минного поля предположено выполнить в двух группах: главной—в узкости между северной конечностью острова Нарген и скалою Кальбоденгрунд и специальной—от береговой отмели у мыса Суроп поперек наружной части суропского прохода на ревельский рейд.

Постановка главной группы заграждения имеет двоякую цель:

„1) стеснить свободный проход противника в восточную половину залива и 2) затруднить его маневрирование при стремлении форсировать заграждение"; постановка этого заграждения и охранение его всеми силами имело целью заставить противника принять одно из двух решений—или форсировать заграждение, находясь за тралами в самых невыгодных для маневрирования условиях, или же вступить в постепенную борьбу за обладание позицией путем развития целого

ряда подготовительных операций. Длина минного заграждения—15 миль, ширина—3 мили; там же оставлены проходы между группами минного заграждения. Эти проходы предполагалось заминировать в последний момент, для чего назначен дивизион миноносцев, находящийся всегда у позиции и имеющий всегда полный запас мин. Кроме того, предположено заминировать бухту Рогервик, дабы воспрепятствовать противнику устроить в Балтийском порту временную базу в первый же момент военных действий. Минные заграждения ставятся на глубину 11 фут.

Так как заграждение центральной позиции является основой всего плана обороны, то вопрос о том, успеет ли оно быть поставлено до начала военных действий, до начала наступления противника в Финский залив, являлся одним из самых важных, в зависимости от решения которого находится возможность этот план осуществить. План говорил: „Начало постановки главного минного заграждения может не находиться в зависимости от начала мобилизации; в руках противника и инициатива войны и фактическое объявление мобилизации может совпасть с моментом появления сил противника уже в заливе, когда заграждение будет уже поздно ставить, а потому, впредь до оборудования центральной позиции береговыми батареями и устройства в Ревеле более или менее оборудованной базы флота, я прикажу поставить заграждение тогда, когда обстоятельства будут настолько тревожны, что можно будет ожидать начала военных действий с минуты на минуту, что, по всем вероятиям, произойдет ранее фактического объявления войны. Если такой меры не принять или если я не буду в состоянии по каким-либо причинам отдать такое приказание, то тем самым идея борьбы на оборудованной позиции подвергнется огромному риску быть неосуществленной на деле, а тогда нашему флоту грозит участь быть просто уничтоженным, не исполнив своей задачи".

Из прочих работ по оборудованию позиций главнейшими являлись:

а) приведение в боевую готовность 8″ и 6″ батарей о-ва Нарген (в 12-м году еще не конченных) и укомплектование их;

б) приведение в готовность защитного бона для укрытия стоянки на рейде;

в) организация охраны рейдов и гаваней Ревеля;

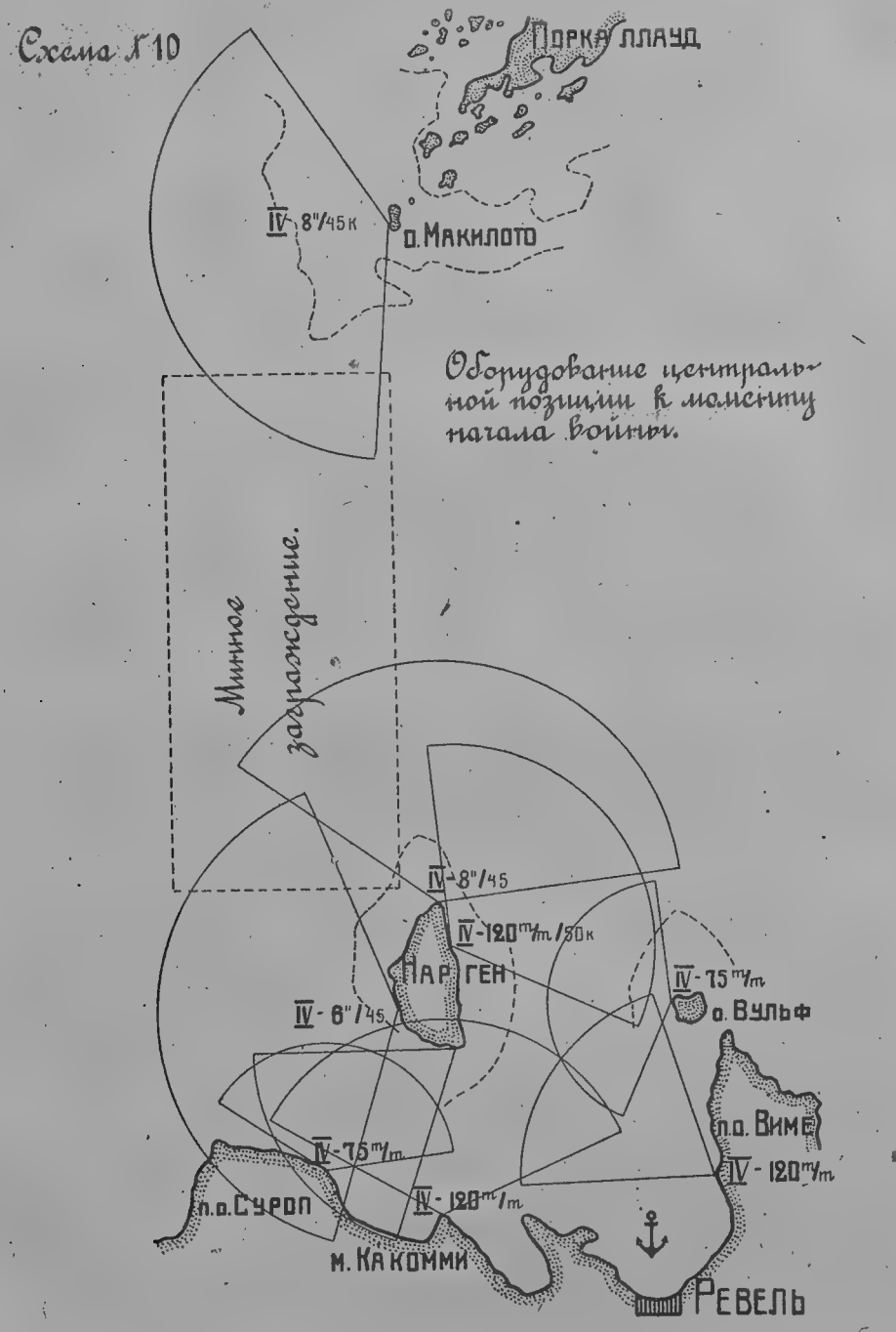
г) организация охраны поставленного заграждения.

Главнейшими работами по оборудованию фланговой шхерной позиции были:

а) постановка заграждений, заграждение и минирование фарватера в тех местах, которые по своим свойствам могут оказать помощь противнику в его операциях, направленных к овладению шхерами или же являющихся беспо-

лезными для нас, но могущими, при известных обстоятельствах, быть использованными неприятелем;

б) приведение шхерных батарей в полную боевую готовность.



План 12-го года не содержит в себе надлежащих указаний о соответственном оборудовании этой позиции и предусматривает лишь частичное минирование и заграждение ненужных фарватеров.

в) Прикрытие и охрана работ по оборудованию позиций. Для прикрытия работ по оборудованию позиций планом были разработаны надлежащие операции действующего флота, из них главная—прикрытие отряда заградителей во время постановки ими главного минного заграждения—была изложена выше. Идея охраны позиции сводилась к тому, что западнее ее предполагалось организовать разведывательную службу судов и постов службы связи. Само же обеспечение позиции от покушений на нее незначительных сил противника достигалось наличием в Ревеле судов охраны рейда и части действующего флота. Планом предусмотрено также пребывание к западу от главного заграждения одной, а может быть и двух бригад крейсеров и миноносцев, равно как и подводных лодок, что в целом должно было дать достаточные силы для ликвидации частичных выступлений неприятеля.

г) Разведка и наблюдение. Как сказано, разведывательная завеса на линии Дагерорт—Утэ имела своей задачей обнаружить приближающиеся ко входу в Финский залив суда неприятеля, а также определить главные силы противника и их намерения, коль скоро противник направляется к Финскому заливу. В случае появления сильнейшего противника, завеса, не теряя связи с последним, должна постепенно отходить на восток к нашим главным силам в течение того времени, когда эти последние будут находиться впереди позиции, и прямо на последнюю во все последующее время.

Адм. Эссен в своем заключении говорит: „малочисленность и слабость наших сил, могущих быть употребленными для разведки, большая длина линии завесы и невозможность отвести ее к востоку заставляют меня опасаться за возможность этими судами обнаружить главные силы неприятеля, особенно если он предпримет движение в залив в темное время, хотя это и мало вероятно; следовательно, вся надежда на обнаружение противника возлагается мною на службу наблюдения, которая по географическим условиям, при нормальном состоянии атмосферы, имеет возможность обнаружить появление противника уже в устьи залива".

д) Приведение оперативного района в требуемое военным временем состояние. План 12 года предусматривает заграждение Моонзунда, несмотря на то, что стратегически район этот мог бы быть продуктивно использован нашими миноносцами, как база для операций против противника, находящегося на подходах к Финскому заливу и к Рижскому заливу.

Мотивы, почему план 12 года предусмотрел отказ от оперативного использования Моонзунда, изложены выше. Относительно его заграждения план говорит: „операции по заграждению Моонзунда являются крайне необходимыми,

вследствие невозможности оборудовать его как базу для нашего минного флота; подобное оборудование требует значительных средств, а главное—наличия там вполне оборудованных береговых батарей; к тому же вся моонзундская позиция является изолированной от центральной, а потому использование ее возможно лишь при наличии значительных сил неприятеля. Все эти соображения заставляют меня отказаться от включения моонзундской позиции в оперативный район; вследствие этого, Моонзунд необходимо привести в такое состояние, чтобы противник не мог бы им воспользоваться, так как, оставив его без приведения в непригодное для навигации состояние, я рискую, что легкие крейсера и миноносцы противника войдут в залив в тылу нашей разведочной завесы и могут причинить многие затруднения в период работ по оборудованию театра. Поэтому я заграждаю и заминирую Моонзунд, дабы тем самым создать препятствие для использования его неприятелем".

„Гидрографические условия Моонзунда в значительной степени затрудняют работы по приведению его в негодность для плавания; надежное заграждение и заминирование его требует огромных средств и много времени; не имея ни того, ни другого, я решил заградить Моонзунд лишь постольку, поскольку это доступно моим средствам, и притом в то время, которым я могу располагать; этим я, конечно, не достигну полного заграждения Моонзунда на долгий период, но зато изолирую его на то время, пока будет оборудоваться позиция; поставленные заграждения не позволят противнику безнаказанно ими пользоваться и потребуют известных усилий для его очистки".

Однако, план не оставляет вовсе идеи использования Моонзунда. В заключении по вопросу о Моонзунде Эссен высказывает, что „позиция эта являлась очень выгодной для использования ее нашими минными силами, особенно если противник ограничит свои операции блокадой устьев Финского залива; слабость наших сил не позволяет мне, по соображениям вышеуказанным, использовать ее в настоящее время, но при дальнейшем развитии наших сил я обращу самое существенное внимание на решение вопроса оборудования Моонзунда в благоприятном для нас смысле"...

Опуская указания, даваемые планом относительно организации службы связи и наблюдения, подсчет сил, соприкосновенных к сосредоточению боя на главной позиции, переходим к задачам отдельных частей флота.

е) Задачи отдельных частей флота. Эти задачи были следующие:

„1) На бригаду линейных кораблей возлагалось охранение работы отряда заградителей во время создания позиции; практически это охранение сводилось к выходу

бригады линейных кораблей к западу от позиции на все время, пока указанные отряды будут выполнять свои работы, при чем, в случае появления неприятеля, на бригаду возлагалась обязанность не допускать его до центральной позиции, или Моонзунда; если же это были бы главные силы противника, то бригада должна была отступать к центральной позиции, стараясь своим маневрированием выиграть как можно больше времени. По окончании работ отряда заградителей и 1-й минной дивизии бригада уходит на ревельский рейд, где становится по специальной диспозиции, принимая все меры охранения и находясь в полной готовности к немедленному выходу на позицию. При наступлении противника на позицию бригада заблаговременно выходит к последней и, находясь позади минного заграждения, принимает решительный бой.

2) На бригаду крейсеров возлагалось установление разведочной завесы на линии Дагерорт—Утэ, и поддержание там возможно большей бдительности, дабы заблаговременно обнаружить противника. Основной задачей бригады во время ее нахождения в разведочной завесе являлось обнаружение главных сил противника. Однако, задача эта являлась чрезвычайно трудной, особенно имея в виду, что сначала могли появиться броненосные крейсера. Бригаде вменялось в обязанность не допустить легкие крейсера и миноносцы неприятеля проникнуть в залив, не отвлекаясь, однако, от своей основной задачи; что же касается броненосных крейсеров противника, то бригаде вменялось в обязанность по возможности не пропустить их вглубь залива, вступив с ними даже в бой, однако, не принимая здесь решительного столкновения; наконец, в случае невозможности удержаться на линии завесы, а также в случае появления главных сил противника бригада должна медленно отходить к позиции, не теряя связи с неприятелем. В случае наступления последнего к позиции бригаде вменялось в обязанность, перейдя на восточную сторону главного заграждения позиции, совместно с бригадой линейных кораблей принять решительный бой с противником.

В течение всей операции разведки бригада должна была находиться в самой тесной связи с командованием и бригадой линейных кораблей, а также с фланговыми наблюдательными постами Дагерорт и Эре (или Богшер). Если бригада крейсеров 1-го резерва будет выслана в разведку, то она вступает в это время в полное подчинение начальника бригады крейсеров и выполняет те же функции.

3) На 1-ю минную дивизию возлагалось: отправление 2-го дивизиона к бригаде линейных кораблей для несения дозорной службы. Отправление 4-го дивизиона на центральную позицию, где он несет дозорную службу при отряде заградителей. На прочие дивизионы возлагается задача по заграждению Моонзунда... В зависимости от образа действий

противника, на дивизию могла быть возложена задача атаковать неприятеля ночью при его подходе к позиции или если он станет где-либо к западу от последней; кроме того, во время самого боя на центральной позиции дивизия, смотря по обстоятельствам, должна была быть использована для противодействия миноносцам противника, для обстрела и уничтожения его тралящего каравана и для других целей...

4) На 2-ю минную дивизию возлагались задачи: содействовать оборудованию флангово-шхерной позиции, а затем, базируясь на шхеры, атаковывать неприятеля при его движении в Финский залив. Предусматривался также случай сосредоточения дивизии к центральной позиции для принятия участия в общем бою.

5) На отряд заградителей возлагалась постановка главного заграждения на центральной позиции, постановка заграждения в Балтийском порту, после чего заградители должны были итти в Кронштадт, за исключением одного, оставляемого в Свеаборге с полным запасом мин.

6) Резервный отряд имел назначением охрану и наблюдение на центральной позиции.

7) Бригада подводных лодок сосредоточивалась в Ревеле, при чем в случае обнаруженного наступления противника должна была выйти к западу от центральной позиции, заняв места для атаки".

Далее план указывал задачи отдельных вспомогательных частей, находящихся в составе действующего флота.

Таков план 1912 года, составленный от имени адмирала Эссена и им подписанный.

План 1914 года [1]. Как выше было указано, план 1912 года являлся основным: по нему фактически было выполнено развертывание в начале мировой войны.

Однако, осенью 1914 года был выработан новый план, который остался неутвержденным. По существу он не вносил никаких важных изменений в предыдущий план 1912 года, содержа в себе лишь некоторые поправки на изменившиеся условия.

Не приводя содержания этого плана, укажем основные черты его:

1) Военно-политическая обстановка учитывалась той же, т.-е. война с тройственным союзом.

2) Отмечался чрезвычайной важности фактор: окончание углубительных и расширительных работ в канале Императора Вильгельма и доведение состава действующего германского флота до 3-х эскадр.

3) Что касается собственных боевых средств, то никакого усиления их к лету 1914 г. не предвиделось (первые дред-

[1]) Архив Морискома. Планы войны.

ноуты типа „Севастополь“ должны были быть готовы только в конце года). Наоборот, суда устарели по типам, ухудшилось их состояние, большинство требовало капитального ремонта. „Но самым серьезным,—говорилось в плане,—является у нас состояние минных судов, как надводных, так и подводных. Этот род оружия, не возобновляемый постройкой в течение 9 лет, выслуживает последние сроки своего боевого значения и в большей части совсем его утратил“.

4) План 1914 года так характеризует вопрос о дислокации флота и портах: „оперативные требования вынуждают базироваться на Свеаборг и Ревель, но оба эти порта остаются в 1914 году в том же положении, как и ранее, т.-е. не могут обслуживать даже бригад, которые в них находятся. Важнейшим недостатком операционных баз Балтийского флота является их слабая защита и даже полное отсутствие фортификационных сооружений, неимение дока, погрузочных приспособлений и плавучих средств для быстрой мобилизации и в частности для снабжения судов топливом. Ревель остается незащищенной стоянкой флота, а Свеаборг, с его до некоторой степени защищенным рейдом, имеет один, опасный для больших судов, выход. 1-я минная дивизия—попрежнему в Либаве, с необходимостью немедленного оставления ее в случае политических осложнений и с неуверенностью в зимнее время найти где-либо убежище“.

5) Положительными условиями в 1914 году, по сравнению с 1912 г., являлись: оборудование службы связи на побережье, положенное начало морской авиации (число аппаратов было незначительно), постройка временных 6″ и 8″ батарей на Наргене, окончание некоторых противоминных батарей в районе Ревеля (см. сх. № 10), установка там прожекторов, а также устройство батарей на флангово-шхерной позиции.

6) Развертывание сухопутной армии в районе Финского залива предполагалось отнести: на северном берегу—к Выборгу и Новой Кирке, на южном—к Красному Селу, с авангардными частями на р. Нарове.

7) Что касается выполнения операции флотом, то план 1914 г., не меняя их замысла, более развивал тактическую сторону выполнения, устанавливая при этом некоторые новые приемы (напр., „огневые“ атаки миноносцев по тральщикам и легким судам во время боя на позиции).

Заключение

Таким образом, балтийский флот, безмерно уступавший в силах противнику, был принужден принять исключительно оборонительный образ действий, стараясь на рубеже Ревель—Поркаллауд задержать, в мере возможности, наступление неприятельского флота и десанта в глубь Финского залива. С целью усилить себя и выравнять шансы боя, было намечено оборудование в этом

районе укрепленной минной позиции, к моменту начала войны далеко не законченное (вернее, только что начатое).

Другого решения не было.

Идея позиционной операции возникла не в последние годы перед войной. Еще в плане развертывания 1885 года мы видим попытку создать позицию перед Кронштадтом, где слабый флот должен был противустоять сильному противнику. С тех пор она не сходит с очереди и в том или ином виде фигурирует во всех последующих планах. К ней приходилось возвращаться всегда, когда не хватало средств для боя в открытом море.

Командовавший флотом адмирал Эссен не был склонен к такому решению, о чем свидетельствуют его первоначальные предположения об активных операциях в южной части моря и та неохота, с которой он был принужден, уступая настояниям морского генерального штаба, отказаться от них. В этом отношении он являлся типичным выразителем активной тенденции использования флота, которую мы не раз встречаем в мнениях, высказывавшихся выдающимися адмиралами прошлого (Копытов, Макаров). Но весь его порыв, все его стремление оторваться от берегов парализовались, во-первых, слабостью сил, а, во-вторых, — отсутствием надлежащей крепостной защиты баз и важнейших пунктов побережья.

Проблема позиционного боя могла бы быть решена, главным образом, приморскими укреплениями, нуждающимися лишь в некоторой помощи от флота, являющегося подвижной силой, обеспечивающей крепостную оборону. Наличие сильных укреплений в узкости Финского залива, на подходах к Петербургу, развязало бы руки флоту, освободив его от опасения за свой тыл, за безопасность важнейших направлений—на столицу. Сколь малы его силы ни были, он располагал бы тогда возможностью употребить их для нападений на противника в море, для активных операций, не упуская случая благоприятной обстановки и стараясь создать таковую.

Но инженерная оборона отсутствовала. Флоту пришлось принять на себя несвойственную ему роль позиционного средства для защиты входа в глубь Финского залива. Он не мог предпринять рискованных операций в море, ибо его продолжительное отсутствие, а тем более неизбежные потери, влекли за собой ослабление обороны.

Единственное, в чем сказалось стремление к активности действий, это в немедленном, не дожидаясь окончания постройки Ревель-Поркаллаудского укрепленного района, вынесении туда базирования и развертывания флота, хотя таковое, как указывал план 1912 года, и было сопряжено с известным риском, в виду необеспеченности базы.

2) Каждый год задержки с кредитами на судостроение, оборудование портов и крепостей самым тяжелым образом сказывался на положении балтийского флота. Период 1911—1914 г.г. характеризуется особенным ростом главного, тогда уже вполне достоверного, противника—Германии, в то время как собственный флот России становился все слабее, ибо новых судов он не получал, имеемые же—изнашивались и устаревали.

Могущество германского флота, парализовавшее активные стремления русского командования, не переоценивалось. Отсутствие надлежащих морских соглашений с союзниками, в смысле содействия и выработки совместных операций против германского флота (так как те соглашения, которые были заключены, этой задачи не предусматривали), обязывало русских опасаться сосредоточения для определенной цели всех морских сил противника в Балтике. Срединное положение и обеспеченное каналом сообщение Балтийского и Северного морей давало последнему полную возможность выполнить это.

3) Угроза десанта являлась важнейшим соображением, обосновавшим оперативную задачу балтийского флота. Эта угроза учитывалась постоянно, начиная с крымской войны, особенно в моменты ослабления наших морских сил.

Перед мировой войной она будировалась особенно настойчиво, при чем насаждалось убеждение в неизбежности германского наступления в Финский залив, в район столицы. Лишь изредка высказывалось сомнение в целесообразности для противника такой операции, но никогда не рисковали ослабить в этом смысле директивы балтийскому флоту. Даже морской генеральный штаб, последние проекты которого для будущего откидывали эту идею, в настоящем признавал и поддерживал ее.

К объективной оценке опасности угрозы десанта противника в Финский залив надо присоединить паническое отношение к этому вопросу в Петербурге, в правительственных и общественных кругах. Это создавало обстановку, при которой оперативная мысль была прикована к десанту. От флота требовалось полное самопожертвование в обороне, с него снимались другие задачи по охране прочих пунктов побережья, угрожаемых в еще большей степени, он был связан одной идеей: защиты подступов к Петербургу. Николай Николаевич в день объявления войны телеграфировал командующему балтийским флотом: „всеми способами и средствами препятствовать производству высадок в Финском заливе. Сухопутные войска и крепости будут оказывать флоту при выполнении этой задачи особое содействие. Во исполнение упомянутой главной задачи предлагаю вам руководствоваться высочайше одобренным 17 июня 1912 года планом операций".

Столь упорное утверждение определенной идеи и та несомненная опасность, каковую представлял германский десант, обусловили односторонность плана операций балтийского флота. Он отвечал только этому заданию. Законченных предположений и определенных планов на случай, если немцы не предпримут наступательной операции в Финский залив— выработано не было.

Между тем, в действительности, немцы не предполагали такой операции. Они сосредоточили свои силы в Северном море против Англии, ограничившись на Балтике лишь наблюдательным отрядом второстепенных судов и крейсеров.

Слабость их сил на Балтийском море в момент начала войны дала повод автору германского официального описания войны на море (Война на Балтийском море. Предисловие) написать следующие строки: „...в Германии ясно сознавали, что если бы русское морское командование проявило хотя бы скромную долю предприимчивости и военного мышления, то следовало бы считаться с возможностью господства неприятеля над восточной частью Балтийского моря, и даже с временной потерей Пиллау и Данцига"... Но витавший вне времени и пространства историк, не без явного стремления сгустить краски в вопросе морской обороны Германии в Балтике, дабы показать ответственную роль наличных морских сил, упустил из виду одно обстоятельство: главные силы германского флота всегда, в каждый данный момент, имели возможность, благодаря Кильскому каналу, сосредоточиться в Балтийском море, когда обстановка этого потребует и как только командование этого пожелало бы. Неоднократные присылки на балтийский театр линейных эскадр флота открытого моря имели место в течение всей кампании.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Планы развертывания черноморского флота в период 1907—1914 г.г.

Стратегические основания для плана войны на Черном море 1907—1908 г.г. План развертывания черноморского флота в 1907—1908 г.г. План на случай войны с Турцией в 1908 г. План войны России с западными коалициями 1909—1913 г.г. Вопрос о десантной экспедиции в 1910—1914 г.г. Изменение обстановки на Черном море в период 1911—1914 г.г. План операций Черноморского флота на 1914 год. Заключение.

Стратегические основания для плана войны на Черном море 1907 г.

В четвертой главе настоящего труда мы изложили содержание „программы воссоздания морских вооруженных сил России", развитием которых явились стратегические основания для плана войны на 1907 год. Обзор планов черноморского флота в период, непосредственно предшествовавший войне 1914 года, приходится начать именно с этих „оснований", которые устанавливали руководящие идеи, в большинстве сохранившие свое значение для ряда последующих лет.

Соотношение сил возможных противников и стратегическая обстановка на Черном море в 1907 году „основаниями" учитывалась следующим образом.

Сухопутные силы.

Русские войска черноморского театра входили в состав Одесского и Кавказского военных округов. Первый состоял из 7-го и 8-го армейских корпусов и 4-й стрелковой бригады. „При напряженном положении на западном фронте означенные полевые войска, вероятно, будут сосредоточены на главном театре, предоставив оборону округа резервным войскам, в составе, может быть, нескольких резервных дивизий и дружин ополчения. Сосредоточение резервной армии можно наметить на линии реки Днестра, скорее всего у Бендер, важного железнодорожного узла для прикрытия левого фланга нашей западной армии".

„Против этих сил могут быть сосредоточены румынские войска в составе 2—3 корпусов. Можно полагать, что румынские войска частью будут наступать к Одессе, в тыл на-

шей бендерской армии, с переправой на нижнем течении Днестра и для движения далее к Николаеву, как к важной морской базе; но можно ожидать также и высадку десанта на херсонский берег, с целью захвата крепости Очаков, для наступления на Николаев и для действий в тыл нашей армии в Бессарабии".

„Кавказский военный округ должен сосредоточить свои 2 корпуса и 2 стрелковых бригады в карском и эриванском районах и, кроме того, содержать полицейскую службу в округе, которая может отвлечь большие силы".

„Против нашей кавказской армии может быть направлена турецкая армия, значительно превосходящая наши силы. Развернувши свой правый фланг против России, Турция свой левый фланг обеспечивает укреплениями на Босфоре"...

„На побережье юга России находятся укрепленные пункты Очаков, Севастополь, Керчь и Батум. Все они предназначены для морской обороны, которая тем не менее не может считаться достаточно полной..... наши крепости находятся в критическом положении в мобилизационный период, когда сухопутная оборона их не успеет еще развернуться".

Что касается морских сил на черноморском театре, то „основания" учитывали их следующим образом.

„Как Болгария, так и Румыния не могут иметь современной морской силы, в виду незначительности их государственного бюджета. Флот Турции, хотя и состоит из 2 больших броненосцев, 4 малых, 4 крейсеров и 9 миноносцев, однако, при полном отсутствии организации и в виду устарелости судов" он мог рассматриваться как реальная сила лишь в союзе с одним из европейских флотов.

Русский черноморский флот, пригодный для боевых целей, в 1907 году состоял из 3 броненосцев, имеющих новое вооружение, 3 более старых, 2 легких крейсеров, 12 больших миноносцев и 6—малых. Кроме того, исправные устаревшие суда могли быть также использованы и усилить эскадру.

Предполагалось, что при этом соотношении сил, господство на Черном море остается за нашим флотом и может быть потеряно лишь с проходом через проливы сильного флота какой-либо европейской державы, не допустить которого—ставилось задачей русским морским силам.

„Такая стратегическая задача могла быть выполнена:

1) Заграждением минами Босфора у Черного моря и защитой их своим огнем.

2) Занятием верхнего Босфора, для чего необходима десантная операция.

3) Принуждением к тому султана дипломатическим путем и угрозой бомбардировки флотом Босфора, окрестностей столицы и прорывом флота. „Однако последнее может втянуть нас в десантную экспедицию".

Выполнение десантной экспедиции не входило в предположения 1907—8 г. г. и для развертывания черноморскому флоту в эти годы ставилось задание:

1) Наблюдение за Босфором и устьем Дуная;

2) Возможное прегражденне неприятелю доступа в Черное море, как со стороны Босфора, так и со стороны реки Дунай".

План развертывания в 1907—8 г. г.

Согласно этих заданий, идея развертывания черноморского флота в 1907—8 г. г. заключалась в быстром его сосредоточении к Босфору „дабы иметь возможность устроить преграду на нем ранее, нежели неприятель попытается войти в Черное море. Вход неприятеля в Дарданеллы должен служить сигналом черноморскому флоту для начала постановки заграждения на проливе".

На 3 день по окончании мобилизации резервных судов, должен был быть выслан наблюдательный отряд к устью Дуная.

План на случай войны с Турцией в 1908 г.

В начале 1908 года, вследствие политических осложнений на Ближнем Востоке, возникла угроза войны с Турцией, вызывающее поведение которой по отношению России и усиленные вооружения вызывали серьезные беспокойства русского правительства.

Морским генеральным штабом был составлен план войны, в расчете на единоборство с Турцией, получивший одобрение царя 18 февраля 1908 года.

План этот не предусматривал десантной экспедиции на Босфор, сущность его сводилась к стремлению заблокировать последний и искать случая разбить турецкий флот, коль скоро таковой выйдет в море. В виду того, что база флота в Севастополе являлась слишком удаленной, чтобы поддерживать непрерывную блокаду, предполагалась обширная постановка минных заграждений у Босфора, которые, на время отсутствия главных сил флота, должны были охраняться дежурной частью флота.

Уже после того, как план был составлен и утвержден, председатель совета государственной обороны письмом сообщил морскому министру (19 марта), что в основу плана на случай войны с Турцией должны быть приняты следующие положения:

„а) нейтралитет со стороны Австро-Венгрии и Румынии,

б) доброжелательные отношения со стороны Англии,

в) возможность осложнений в Финляндии,

г) вероятность совместных действий с Болгарией,

д) главный театр войны—Европейская Турция,

е) приведение нашей армии на военное положение не должно заключать в себе мероприятий, которым может быть

придан характер подготовки к войне против Германии и Австро-Венгрии...“

Примечание. Вторая половина этого письма может также представить известный интерес, как показатель общего положения, в котором находились в то время планы обороны государства. „Вместе с сим—писал председатель совета государственной обороны—е. и. в. благоугодно было на отдельном мнении е. и. высочества генерал инспектора по инженерной части, приложенном к сему журралу, отчеркнуть нижеследующие строки и начертать „верно“: с начала своей деятельности совет государственной обороны высказывается по многим важным делам, но тем не менее работы его не могли быть до сих пор достаточно плодотворны, так как остался неразрешенным наиболее существенный вопрос создания общего плана обороны страны, дающего принципиальные стратегические положения, почерпнутые из традиционных исторических задач нашего отечества и удовлетворяющего исконному патриотическому чувству... Пока эта коренная задача не будет разрешена, сложная и напряженная деятельность военного министерства по всем его отделам будет не объединена, а потому может носить характер случайных мероприятий и привести к роковым последствиям...“

Однако, политические события не подтвердили вероятности изолированной войны России с Турцией. Уже к 1909 г. стало вполне ясно, что таковая может иметь место лишь в масштабе общеевропейской войны.

Поэтому следующие планы черноморского флота имеют уже исключительно это последнее задание.

План войны на Черном море России с западной коалицией 1909—1913 г. г.

„План войны на Черном море России с западной коалицией на 1909—13 г. г.“, утвержденный морским министром 8 июня 1908 г., сводился к следующему:

1) Военно-политическая обстановка. „Мировое политическое положение ставит Россию в необходимость быть готовой к борьбе с западной коалицией, которая может составиться из Германии, Австро-Венгрии, Румынии и Турции. Последние три державы могут вступить с Россией в борьбу за обладание Черным морем, так как, достигнув такого обладания, они будут иметь возможность производить высадки на наше побережье Черного моря и прервать необходимую для нас связь в этом море между Кавказским и Одесским военными округами“.

Указывая на опасность неприятельских десантов, план ставит главную военно-политическую задачу на случай войны с коалицией: „сохранение обладания Черным морем“. „Имея в виду несомненное превосходство морских сил противника, подобная задача может быть выполнена черноморским флотом только временно, и срок этот должен быть обусловлен хотя бы возможностью беспрепятственного производства мобилизации нашими войсками и отправления их на главный театр, на что потребно около 19 дней“.

„В том случае, когда полное обладание морем станет для нас невозможным, главной стратегической задачей нашего флота явится борьба за обладание северо-западным участком Черного моря и всем Азовским морем".

2) Задачи Черноморскому флоту устанавливались следующие: „главной стратегической задачей флота в этой борьбе является наивозможно продолжительное сохранение за собой обладания Черным морем. Для достижения таковой цели, флот должен преградить доступ противнику как со стороны проливов, так и со стороны реки Дуная". „Эта задача возлагается на активный флот, усиленный подводными лодками, и установкой минных заграждений в проливах и на внешнем босфорском рейде. Задача преграждения доступа со стороны реки Дуная может быть возложена на суда резервного флота, действия коих также могут быть поддержаны действиями подводных лодок и установкой минных заграждений на внешнем сулинском рейде"...

„Последующая борьба черноморского флота, а именно— оспаривание им обладания северо-западной частью Черного моря, может выразиться созданием преград движению противника, состоящих из полей минных заграждений с защитою их флотом, а также действиями подводных лодок".

„Борьба за обладание Азовским морем может заключаться в создании преград в Керчь-Еникальском проливе из минных заграждений и защитой их временными береговыми укреплениями. Означенные задачи могут быть возложены на резервные суда, на приспособленные пароходы, а также на суда активного флота, кои почему-либо окажутся вынужденными отступить от пролива"...

Развертывание по плану 1909—13 г.г. было намечено следующее (см. схему № 11):

К Босфору должна быть сосредоточена группа в составе:

3—4 линейных корабля,
2 дивизиона миноносцев,
3 подводных лодки,
1 крейсер,
1 подводная лодка—в проливе.

У устья Дуная:

2 резервных линейных корабля,
2—3 подводных лодки,
7 кан. лодок,
1 див. миноносцев,
1 заградитель,
1 транспорт.

Кроме того, сторожевые суда и миноносцы для наблюдательной службы вдоль восточного побережья Черного моря.

Минные заграждения:

У пролива выставлялось, по мере надобности	1.400 м.
В Сулинском районе	200 „
У Констанцы	100 „
В разных пунктах Одесского залива	2.000 „
У Херсонесского маяка	700 „
У Керченского пролива	500 „

Этим заканчиваются планы до 1914 года.

В 1914 году был выработан новый план.

Изложенные планы свидетельствуют, что вопрос о десантной экспедиции к Босфору не входил уже заданием для флота.

Последний должен был лишь своими средствами решать кампанию на море. Этих средств у него хватало для того,

чтобы разбить в открытом море турецкий флот, но и только. Ведение же операций по блокаде Босфора являлось затруднительным, преграждение прорыва в Черное море сильному европейскому флоту—затруднительным в еще большей степени. Минно-позиционная оборона непосредственных подступов к побережью—вот что, собственно, является основной идеей, которая устанавливалась в планах Черноморского флота.

Вопрос о десантной экспедиции в 1910—11 г. г.

Однако, под влиянием имевших в 1908 г. место осложнений в Турции и возникшего вопроса о возможном вмешательстве Европы в турецкие дела, проблема десантной экспедиции была вновь поставлена на очередь.

В 1909 году состоялось распоряжение о приостановлении дальнейшего расформирования запасов Одесского военного округа, предназначавшихся для этой цели. Вместе с тем генеральным штабом (сухопутным) было приступлено

к пересмотру вопроса о десантной экспедиции на Босфор и разработке соображений по производству десанта в Трапезунд, равно как и для перевозки войск из северных портов Черного моря в Батум для усиления Кавказского военного округа. В 1910—11 г.г. по этому поводу были неоднократно собираемы совещания, в результате работы которых генеральный штаб признал, что десантная экспедиция к Босфору, при современном соотношении русских и турецких морских сил невыполнима, перевозка же войск в Батум, а также десантная операция в Трапезунд — возможны, для чего сила наших судов и запасы мин достаточны. „Что же касается прочих запасов, то они излишни" (на этом основании было испрошено разрешение о полном упразднении десантных запасов Одесского военного округа).

31 января 1911 г. начальник генерального штаба написал начальнику морского генерального штаба письмо, в котором, основываясь на заключениях помянутых совещаний, констатировавших слабость флота, находил, однако, что „обстановка, ныне неблагоприятная, может измениться через некоторое время в нашу пользу, и наша обязанность быть готовыми ее использовать в полной мере..." „Главнейший наш враг,—писал далее начальник генерального штаба,—на Черном море это—Турция, с которой мы можем вести борьбу или на европейском театре, или на кавказском фронте. В первом случае — потребуется производство десантной экспедиции, ибо в будущем трудно рассчитывать, чтобы Румыния согласилась на пропуск нашей армии через ее территорию. Вполне понимая, что операция на Босфор ныне трудно осуществима, необходимо, однако, иметь в виду возможность действий к Константинополю со стороны Варны или Бургаса, может быть, даже совместно с болгарами, или со стороны Вифинийского полуострова, при условии, опять-таки, совместных действий с болгарами.

В обоих случаях ядром действующей армии должны быть войска Одесского военного округа, штаб которого должен изучить все, относящееся к такой экспедиции, и подготовиться к немедленному осуществлению этого предприятия, когда обстановка будет этому благоприятствовать..." Сообщая о необходимости приступить к выработке соответствующих планов, он указал, что расформирование запасов Одесского округа „отнюдь не вредит подготовке намеченных в будущем экспедиций..."

Начальник морского генерального штаба в своем ответном письме подтвердил необходимость совместной разработки планов перевозки и десантных экспедиций, при чем, ссылаясь на превосходство (в тот момент) черноморского флота над турецким, писал: „вместе с сим считаю для себя крайне приятным сообщить вашему превосходительству, что

в настоящее время обстановка на Черном море благоприятна для нашего флота...“

Эта переписка характеризует состояние вопроса о десантных экспедициях. Как видно, обстановка по-разному оценивалась обоими генеральными штабами, но отношение к босфорской экспедиции установилось вполне определенное: не более, как предположение для отдаленного будущего. С другой стороны, черноморский флот получил новые задания по перевозке войск и подготовке десанта на Трапезунд. Эти задания сохранили свое значение до мировой войны. По ним были сделаны все необходимые рассчеты, и даже произведены небольшие маневры. (В 1914 году предполагался большой маневр с перевозкой десанта в 20.000 чел., но он не состоялся в виду начала военных действий).

Изменение обстановки на Черном море в период 1911—14 г.г.

Благоприятное для русского черноморского флота соотношение сил в 1911—13 г. подверглось большому сомнению. Как известно из содержания предыдущих глав, Турция заказала за границей два линейных корабля типа „дредноут“, которые должны были вступить в строй в 1914 году. Имелись сведения о желании ее приобрести еще линейные корабли, строющиеся для южно-американской республики.

Турция окончательно перешла на сторону тройственного союза. Было известно, что Германия окажет ей помощь, в случае войны, присылкой линейного крейсера современного типа и одного или двух легких крейсеров.

Между тем, русские линейные корабли могли вступить в строй в 1915—16 г.г. 1914 г. в этом отношении был критическим годом.

План операций черноморского флота на 1914 г.

Учитывая эту обстановку, командование черноморским флотом составило план операций на 1914 год, который явился исходным для подготовки флота к боевым действиям. Однако, план этот не получил широкого распространения в черноморском флоте, не был достаточно разработанным, и, как видно из его содержания, приводимого ниже, страдал многими неясностями и условностями.

Сущность плана 1914 года сводилась к следующему:

1) Политическая обстановка: „Турция, находясь под влиянием Германии и управляемая военной партией младо-турок, может решиться начать новую войну, чтобы получить обратно потерянное положение и, таким образом, создать базу для возрождения страны.

Германия, толкая Турцию на вооружение и войну, стремится, в случае успеха Турции, воспользоваться ослаблением России, а в случае поражения ее, получить большую часть Малой Азии, включая проливы, в качестве своей колонии.

Болгария до решительной победы России воздержится от войны и будет строго нейтральна, не позволяя России пользоваться ее бухтами, как базами для флота.

Румыния до выяснения результатов столкновения и решения вопроса о господстве на море войны также не начнет, сохраняя строгий нейтралитет.

Австрия, вследствие угрозы со стороны англо-французского флота, не в состоянии послать своего флота в Черное море.

Россия, не усилив своей армии параллельно с усилением в 1913 году германской и австрийской армии, не имея на Черном море ни сильного флота, ни достаточных средств для перевозки крупного десанта, так же боясь внутренних потрясений, сама войны не начнет. (Курсив наш. М. П.).

Таким образом, на Черном море в 1914 году война может быть наступательная только со стороны Турции, при обороне со стороны России и при строгом нейтралитете в первый период войны Румынии и Болгарии".

2) Политические цели.

„При такой обстановке Турция вероятнее всего изберет наступление на Кавказ с целью обратного его завоевания".

„Для России занятие Константинополя и проливов решало бы весь многовековый ближне-восточный вопрос, но не имея на это, по крайней мере в начале войны, сил, Россия в 1914 году принуждена ставить себе целью только оборону своих границ".

3) Стратегические объекты.

Вследствие изложенного выше, план полагал, что единственно правильный объект—разгром турецкой армии и флота у берегов Босфора и занятие столицы и проливов не может ставиться до тех пор, пока не будут подготовлены соответствующие средства.

Для войны 1914 года в качестве возможного объекта план ставил разгром турецкой армии, вторгшейся на Кавказ, и переход в наступление на сухом пути, а для флота—борьба за господство на море.

4) Стратегической задачей флоту план почитал: „получить господство на море", дабы этим надежно защитить наши берега, освободить армию от обороны берегов, прикрыть ее тыл и дать возможность перевозить войска морем для усиления кавказской армии. Одновременно, этим прерывались морские сообщения Турции, в частности отрезывалось сообщение морем с ее восточной армией.

5) Силы и средства.

План учитывал следующие силы на стороне турок:

2 линейных корабля типа „дредноут“ (весьма вероятно);
1 новый германский линейный крейсер („Гебен“);
3 старых броненосца;
2 легких крейсера („весьма вероятно“);
2 новых германских крейсера (типа „Росток“);
12 эскадренных миноносцев.
11 малых миноносцев.

Силы черноморского флота:

Дивизия линейных кораблей:

1-я бригада лин. кор. „Евстафий“,
„Иоанн Златоуст“,
„Пантелеймон“,
„Три Святителя“.

2-я бригада лин. кор. „Ростислав“,
„Синоп“.

Минная дивизия:

6 дивизионов эскадренных миноносцев—всего 24.

1 дивизион малых миноносцев—9.

При дивизии—бригада крейсеров: „Память Меркурия“,
„Кагул“,
„Алмаз“.

Морская авиация—18 гидроаэропланов.
Дивизион подводных лодок—11.
Отряд заградителей: „Прут“,
„Дунай“,
„Гонец“.

Кроме того, вспомогательные суда и суда охраны рейдов.

6) Стратегическая обстановка.

На основании изложенного, в плане высказываются следующие заключения:

„В линейном флоте мы значительно слабее турок, даже не считая „Гебена“. В крейсерах, если Германия не примет участия в нашем столкновении с Турцией, мы сильнее турецкого флота. С готовностью наших новых миноносцев наш минный флот становится сильнее турецкого флота. Наш флот может опираться на сравнительно оборудованную базу—Севастополь. Отдельные же суда и небольшие отряды могут в некоторых случах опираться на Очаков (Одесса, Николаев и лиманы), Балаклаву, Керчь и Батум. Турецкий же флот может базироваться только на Босфор, где нет ни доков, ни больших запасов, ни мастерских.

Начала войны следует ожидать от момента окончания спора с Грецией относительно островов и до готовности наших дредноутов.

В виду положения Румынии, серьезных операций турок в районе Одессы в первый период ожидать нельзя. Гораздо более вероятным является наступление на Кавказ с целью его завоевания. Но для такого наступления туркам необходимы свободные коммуникационные линии по морю, что они могут иметь только при условии предварительного уничтожения нашего флота или надежной его заблокировки, поэтому следует ожидать появления их главных сил перед Севастополем.

Если же они, вместо нанесения нам удара, займутся конвоированием своих транспортов, уничтожением нашего торгового флота и торговых портов, то это даст нам возможность разбить их по частям.

Таким образом, худший для нас случай — их движение всем флотом к Севастополю, в то же время является для нас желательным, так как приводит нас к бою на выгодной для нас позиции".

7) Операция.

„Из сказанного следует, что оба противника должны искать решительного боя друг с другом; если это будет так, то нам не представит никакого труда встретиться с неприятелем, при чем чем сильнее он будет, тем смелее он будет двигаться на Севастополь.

Мы же, наоборот, чем слабее будем, тем ближе будем придерживаться Севастополя, стараясь использовать выгодную стратегическую позицию, имея в тылу у себя оборудованную базу, содействие наших подводных лодок, малых миноносцев и гидроавиации, а также подготовленные минным заграждением позиции.

Таким образом, операция должна заключаться в том, чтобы, выйдя из Севастополя со всеми силами, занять выгодную позицию вблизи Севастополя и на этой позиции дать решительный бой. Предел удаления этого боя от Севастополя определяется оперативной деятельностью подводных лодок и гидроаэропланов".

Из вышеизложенного видно, что задача „господства на море", поставленная планом, по мере развития ее в заданиях для операций уже утрачивает свою ясность. Выдвигается идея не отыскания противника и уничтожения его, а идея ожидания боя „вблизи Севастополя".

Это противоречие плана свидетельствует о недостаточной его разработке. Далее, в плане сказано:

„Главной операции должна предшествовать вспомогательная, имеющая целью ослабить неприятеля до боя. Эта операция может быть успешна только в том случае, если мы будем хорошо знать неприятеля. Имея в виду то, что неприятель в это время еще находится в полной исправности, нам не следует рисковать более ценными судами, здесь должна

быть широко использована постановка маневренного заграждения плавающими минами с быстроходных крейсеров и неожиданные ночные атаки малых миноносцев (последних при этом не жалея).

Совсем иначе атаки должны быть ведены после генерального боя, так как даже в случае поражения нашего линейного флота, раз только бой будет веден решительно, неприятель будет иметь настолько серьезные повреждения, что некоторые суда будут, вероятно, не в состоянии дойти до Босфора.

Настойчивые атаки всего минного флота в это время могут в результате привести даже победоносный неприятельский флот к полному поражению".

Таким образом, ближайшая операция распадалась на три части:

а) Вспомогательная операция до боя: обнаружение неприятеля, определение его движения и минные на него атаки.

б) Главная операция: выход и развертывание всех сил флота, занятие выгодной позиции и решительный бой на ней.

в) Использование минными атаками, настойчивыми и решительными, повреждений неприятеля, полученных в генеральном бою.

Кроме того, план предусматривал выполнение вспомогательных операций, имеющих меньшее значение, а именно: постановки минных заграждений в Одесском заливе и у входа в Керченский пролив, а также забрасывание дрейфующими и неподвижными минами входа в Босфор.

Последнее может иметь серьезное значение, если постановка заграждения будет произведена в удачный момент и предупредит выход главных неприятельских сил из Босфора. Если же момент этот будет упущен, то заграждение явится средством лишь некоторого замедления в движениях транспортов, а также случайно может быть использовано для эксплоатации победы, если турецкий флот принужден будет стремительно отступить в Босфор.

8) Сосредоточение флота.

Для выполнения намеченных операций весь черноморский флот сосредоточивался в Севастополе. Все суда и отряды, могущие оказаться в момент начала войны вне Севастополя, должны были стягиваться к нему со всей поспешностью.

Обеспечением этого движения к месту сосредоточения являлось, по мнению плана, только то, „что мы не будем застигнуты войной врасплох".

Самое же сосредоточение и развертывание флота производится под защитой севастопольской крепости и морской охраны севастопольских рейдов.

Обеспечение операции должно заключаться в следующем:

„а) В период натянутых отношений, до наступления войны, охрана рейдов должна быть приведена на военное положение, бон наведен, на постах и батареях морская вахта, прожекторами поддерживается световая преграда.

б) На Босфоре и пограничных местах должно быть установлено тайное наблюдение.

в) С началом войны, если позволят обстоятельства, ставится минное заграждение у Босфора, после чего крейсера (и новые миноносцы) возвращаются в Севастополь, принимают полный запас мин и высылаются в море для освещения горизонта на 120 миль от Севастополя.

Обнаружение ими главных сил противника определяет начало вспомогательной операции — ослабление неприятеля до боя.

г) Результаты разведки определяют момент выхода главных сил. Выход назначается с расчетом занять нужную позицию и развернуться для боя до подхода к ней неприятеля.

д) Для обеспечения выхода и развертывания, батареи крепости должны быть готовы к бою, а в выбранных местах поставлено минное заграждение; последнее, как морское, так и крепостное, должно быть поставлено так, чтобы флот имел обеспеченный выход в двух направлениях.

Вывод и включение крепостного заграждения должны зависеть от начальника охраны рейдов.

е) В случае развития операции и переноса ее к Босфору, последний считается военным портом неприятеля, почему относительно него позволено все то, что допускается относительно всякого военного неприятельского порта".

Что касается защиты торгового флота, то план предусматривал порядок его оповещения и сосредоточения к портам.

Заключение. План 1914 года фиксирует то положение, которое сложилось на черноморском театре войны перед мировой войной, он является как бы итогом всех усилий России по удержанию преобладающего положения на Черном море.

Каков же этот итог?

1) Флот Турции в 1914 году должен был значительно усилиться. Новые корабли черноморского флота могли вступить в строй не раньше, чем через год (первые, остальные — позже). Таким образом, в критический момент флот рисковал потерять господство на Черном море, которое получали турки.

Примечание. Строящиеся в Англии турецкие корабли к началу войны не поспели, потом Англия их не выпустила и включила в состав своего флота. Но турки получили подкрепление из Германии в виде линейного крейсера „Гебен" и легкого „Бреслау".

Наличие первого более чем удваивало силы турецкого флота. „Гебен" принадлежал к числу новейших линейных крейсеров, не имея себе соперников среди русского черноморского флота. Благодаря своему большому ходу (27 узлов) он являлся практически неуязвимым для устарелых линейных кораблей (имевших ход 16 узлов), мощность его артиллерии превосходила таковую двух „Евстафиев".

Появление „Гебена" меняло всю стратегическую обстановку на Черном море. Лишь вступление в строй дредноутов восстанавливало положение.

2) Вследствие утраченного безусловного превосходства в силах, русский черноморский флот должен был отказаться от наступательной операции к Босфору. Все приготовления, которые делались для этой цели начиная с 1885 года, к моменту начала войны были ликвидированы. Вопрос не сходил с очереди, но за ним не было реального обоснования.

3) В качестве основной идеи операций черноморского флота выдвигалось уже не наступление к Босфору с целью захвата его, а позиционная борьба для обеспечения северо-западного района моря. К ней, в предвидении усиления турецкого флота, все более склонялись наши планы и предположения.

4) Черноморское командование пребывало в уверенности, что Россия не начнет войны, ибо слабость ее на море была очевидна. Оно ошиблось, но рассуждало логично.

Действительно, если считать, что стремление России к проливам было одним из основных звеньев ближневосточной политики и политики вообще, то выбор момента начала войны в то время, когда черноморский флот был исключительно слабым, каким он не был много лет, является показателем поразительного несоответствия политики и стратегии.

5) В планах черноморского флота отсутствует какая бы то ни было связь с операциями союзников на средиземноморском театре. Подобно балтийскому, он был предоставлен лишь своим силам.

Примечание. Союзники ограничивали свое оперативное содействие тем, что отвлекали силы австрийского флота от Черного моря и блокировали их. Естественной задачей их было—не допустить усиления турецкого флота „Гебеном", чего они не выполнили. В самом начале войны „Гебен" прорвался в Дарданеллы. Обстоятельства, при которых произошел этот прорыв, весьма туманны, и дают основание подозревать, что в расчеты Англии, вероятно, не входило обеспечение за русским флотом безусловного господства на Черном море.

Обращаясь непосредственно к плану Черноморского флота, необходимо заметить следующее:

1) Оценка политической обстановки характерна своим несоответствием с действительностью, причем совершенно неправильно оценена позиция Болгарии и ее отношение к войне.

2) Решение задачи за противника сводится к тому, что последний будет наступать к Севастополю с целью уничто-

жения русского флота. Это являлось предвзятой идеей (в действительности не оправдавшейся), приведшей к выводу о неизбежном бое на заранее подготовленной позиции в этом районе. Только ей отвечал план, а другие варианты решений не были разработаны, что отразилось на действиях флота в кампании.

Расчет, что противник сам пойдет на бой в обстановке, заведомо для него невыгодной, не был подтвержден соответствующими стратегическими соображениями, и развертывание флота могло оказаться не отвечающим обстановке.

3) С другой стороны, нельзя не учесть всей трудности положения черноморского флота не только в отношении недостаточности боевых сил, но и в смысле отсутствия иных операционных баз, кроме Севастополя. Нами указывалось уже, что базироваться на Севастополь для наблюдения за Босфором было бы очень трудно, и операции по прегражденію входа противнику в Черное море являлись совершенно необеспеченными в этих условиях. Если бы это положение было своевременно оценено высшими руководителями стратегии и политики России, то следовало бы ожидать решительных усилий для склонения Болгарии в сторону союза с Россией, чему незадолго перед войной обстановка, повидимому, благоприятствовала. Ее бухты (Варна, Бургас) были необходимы черноморскому флоту для действий против неприятеля, могущего появиться со стороны Босфора, и для наблюдения за последним. В противном случае, как показал опыт войны, операции черноморского флота в направлении на Босфор являлись чрезвычайно затруднительными.

Тот факт, что черноморский флот не имел возможности непрерывно наблюдать Босфор и быстро к нему сосредоточиться, имел чрезвычайные последствия во время военных действий. Быстроходные „Гебен“ и „Бреслау“ могли, благодаря этому, безопасно для себя совершать налеты на побережье, появляясь всегда неожиданно и успевая уйти от тихоходного, далеко от Босфора базирующегося, черноморского флота.

Заключение.

Среди условий, направляющих создание морской силы государства и обеспечивающих правильное и целесообразное их развитие, следует выделить основные, являющиеся фундаментом строительства флота. Таковыми можно считать:

а) обоснованные, устойчивые, отвечающие требованиям стратегии и с ними сообразованные политические задачи морской силы;

б) наличие определенного, во всех частях согласованного как с упомянутыми политическими задачами, так и с реальной возможностью их достижения, плана подготовки государства к войне, и

в) правильные стратегические директивы флоту, соображенные с политическими задачами и планами подготовки государства к войне, развитые затем в систематических планах создания, оборудования и боевого использования морских сил.

Общий обзор истории подготовки царского флота к войне в течение нескольких предшествовавших десятилетий дает обширный материал для суждения о том, в какой мере его развитие удовлетворяло изложенным условиям и насколько последние таковое обеспечивали.

1) На протяжении 30 лет, протекших с момента восстановления флота в 80-х годах и до мировой войны, мы видим потрясающую картину шатания в области морской политики царской России, неустойчивость ее стремлений, частую перемену задач, темп, не отвечающий развитию вооруженных сил и возможности сосредоточения таковых, что, прежде всего, отражалось на заданиях к флоту, лишая его главного—прочного политического обоснования планов развития и подготовки.

Русский империализм блуждал между проблемами трех морей (балтийской, черноморской и дальневосточной), спорадически устремляясь то к одной, то к другой из них. Не будучи дисциплинирован твердой государственной властью, он находился под давлением различных группировок, в тот или иной момент имевших влияние на власть. Мы не видим здесь определенной исторической последовательности, сообра-

зованной с экономическим развитием России. Ее промышленные интересы в рассматриваемый период тяготели на юг, к рынкам Персии, Турции, Афганистана, вследствие чего черноморская проблема для промышленных кругов принимала самодовлеющее значение. Финансовые группы искали приложения капиталов на Дальнем Востоке, причем это стремление выражалось в виде сомнительных предприятий, вплоть до столь нашумевшей истории с концессиями на Ялу. Наконец, вопрос о безопасности столицы — Петербурга, каковая всегда почиталась угрожаемой, обязывал сосредоточивать внимание на Балтийском море. Определенного же курса не было.

В какой мере это шатание отражалось на задачах к флоту, видно из следующего:

В 80-х годах главной задачей флота являлось занятие Босфора; но уже через несколько лет она затемняется другой—конкуренцией на море с Германией. В середине 90-х годов все внимание сосредоточивается на Дальнем Востоке, но задачи юга и запада не снимаются с очереди. Сосредоточение сил на Тихом океане происходит с постоянной оглядкой назад, на Германию. Одновременно с этим делаются приготовления для занятия Босфора, которое грозило осложнить обстановку на Черном море, приведя к конфликту с Англией и средиземноморскими державами. В 1903 году, накануне войны с Японией, Россия чувствует себя необеспеченной на западе, почему возникает мысль о полной перемене заданий к плану развертывания флота.

После русско-японской войны флот тщетно старается получить отправные задания от министерства иностранных дел. Морской генеральный штаб сам решает о первенствующем значении балтийской задачи, свободно комментируя политическую обстановку, делая допуски в оценке последней, решительно не совпадающие с действительным курсом внешней политики царской России. Задачи Черного моря отходят на второй план, босфорская проблема не ставится. На-ряду с этим, морское ведомство непрерывно находится под гипнозом дальневосточной опасности, лелея идеи о реванше.

По мере приближения к мировой войне меняется и общее направление русской морской политики в сторону возвращения к проливам. Царская Россия была принуждена два раза (1911 г. и 1913 г.) принять программы судостроения для черноморского флота, опасаясь потерять преобладание над турками. Балтийская задача все еще почиталась „главной“, туда направлялись наибольшие усилия.

Однако, в 1913 году, после закладки судов по „усиленной“ программе Балтийского моря, происходит резкий поворот: возникают проекты перевода главных сил Балтийского

моря в Средиземное и Черное, все внимание устремляется на юг, к Босфору и Дарданеллам.

Можно ли было создать такую сложную и хрупкую организацию, как флот, на столь зыбком, постоянно колеблющемся основании, каким являлась морская политика царской России?

К сказанному следует прибавить, что руководители этой политики (министерство иностранных дел) нисколько не интересовались флотом, когда он был слаб и приступал к своему воссозданию. Но когда он только начинал становиться на ноги и успевал хотя бы немного окрепнуть, он служил импульсом для возникновения широких и авантюристических планов. Авантюристических—не потому, что их нельзя было обосновать экономическим тяготением России к выходу в открытый океан, а потому, что они нарождались внезапно, связывались с ломкой и переменой идей, доселе руководивших воссозданием флота, с переменой его операционной линии. Так,—программа 1880 года, обоснованная задачей конкуренции с Германией, как только она была частично осуществлена, вдохновила руководителей дальневосточной авантюры. Так,—программы 1900—12 года явились предпосылками новой, хотя и не осуществленной авантюры на Средиземном море.

2) При изложении очерка мы несколько раз указывали на отсутствие единого плана подготовки царской России к войне (см. гл. IV), на несогласованность намерений и действий главных объектов этой подготовки — армии и флота. Временами возглавлявшие их министерства занимали определенно враждебные позиции по отношению друг друга. При таких условиях не могли сложиться общие идеи, которые направляли бы всю подготовку к одной цели, служа гарантией планомерности таковой [1]).

[1]) В документах морского генерального штаба (дело Морискома, № 188) мы находим рапорт ст. лейт. Альтфатера, поданный им начальнику ген. штаба 4/VII—12 г., в котором он досадует на отсутствие согласованности между военным и морским ведомствами: „вопрос в течение 6 лет существования генмора решения не получил. Единственные попытки—в 1906 и 1907 г.г., когда были совещания начальников генеральных штабов, результатом которых была записка об установлении взаимных задач военно-сухопутных и военно-морских сил. Записка эта содержала весьма краткий взгляд на установление ближайшей боевой задачи флота, сводящейся к обороне Финского залива и вообще относящейся почти исключительно до оперативной задачи флота, но отнюдь не армии. Другая попытка была в совете государственной обороны в 1907 году, но и здесь разбиралась задача флота отдельно от задач армии и не было установлено общего плана действий. В течение 1907, 1908, 1909 и 1910 г.г. попыток в этом направлении не было. В 1909 г. утверждены основания для плана операций Балтийского флота, 17/VI—12 г. утвержден план операций балтийского флота. Таким образом, все соображения и расчеты, касающиеся стратегического развертывания балтийского флота и его боевых задач, имеют в своей основе высочайшее одобрение, но вместе с сим неизвестно, поскольку они являются согласованными с теми задачами, которые возложены на сухопутную армию по обороне государства в случае возникновения европейской войны".

Военное министерство имело главенствующее влияние на общее направление руководства подготовкой государства к войне. Оно всегда недостаточно учитывало значение флота, пренебрегало им, несмотря на то, что планы, вложенные в развитие последнего, охватывали широкие государственные задачи. Оно пренебрегло неготовностью флота в 1914 году, заверив о готовности России начать войну с тройственным союзом.

Отношения военного и морского ведомств предопределили, с одной стороны, их расхождение в деле подготовки к войне, а с другой—несогласованность планов армии и флота.

Шаткость и неустойчивость морской политики царской России, а затем отсутствие согласованного плана подготовки государства к войне не давали флоту прочной базы в его воссоздании.

3) Это можно видеть во всех планах морского генерального штаба, который не располагал определенной, признанной исходной точкой для их построения.

Каждый раз самому генеральному штабу приходилось искать отправных начал и доказывать их целесообразность. Каждая судостроительная программа есть по существу пересмотр всей морской проблемы России, ее роли и задач на море.

Морское ведомство упорно боролось за создание флота, и в рассмотренный промежуток времени (1880—1914 г.г.) два раза ему удавалось достичь крупного судостроения: перед японской войной и перед мировой. Но оба раза его усилия не завершились успехом: в первой — флот, не закончивший сосредоточения, был вовлечен в борьбу и разбит, во второй— темп политики совершенно опередил создание флота, только что развернувшего свое судостроение.

Русская морская стратегия не имела под собой надежного фундамента. План подготовки к войне, как единое детально разработанное задание для армии и флота, нормирующее всесторонне их деятельность, отсутствовал.

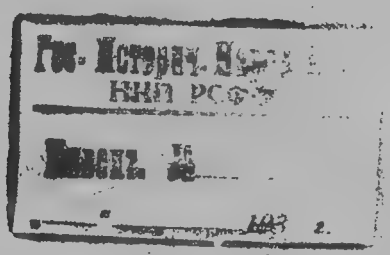
В предвидении крупных мировых столкновений было приступлено к созданию мощного флота. О том, каковы были относительные размеры задуманного состава русских морских сил по программам 1909, 1911 и 1912 г.г. можно, видеть из прилагаемой сравнительной диаграммы русского и германского судостроения.

Морские замыслы царской России должны были сильно поколебать установившееся равновесие на морях мира. Царская Россия готовилась войти (после Англии и Германии) третьим элементом господства на морских мировых путях, так как ее программы судостроения (см. „закон о балтий-

ском флоте") оставляли за собой программы других первоклассных держав (С. Ш. А., Японии, Франции, Италии).

Размах—грандиозный. Но отсутствие уже указанных оснований, ясности и определенности руководящих идей в деле планомерного развития флота, на почве ничем не ограничиваемой империалистической политики, привело к тому, что царская Россия, не дожидаясь даже окончания создания намеченной морской силы, встала на тот путь, который увлек ее в 1914 г. в войну.

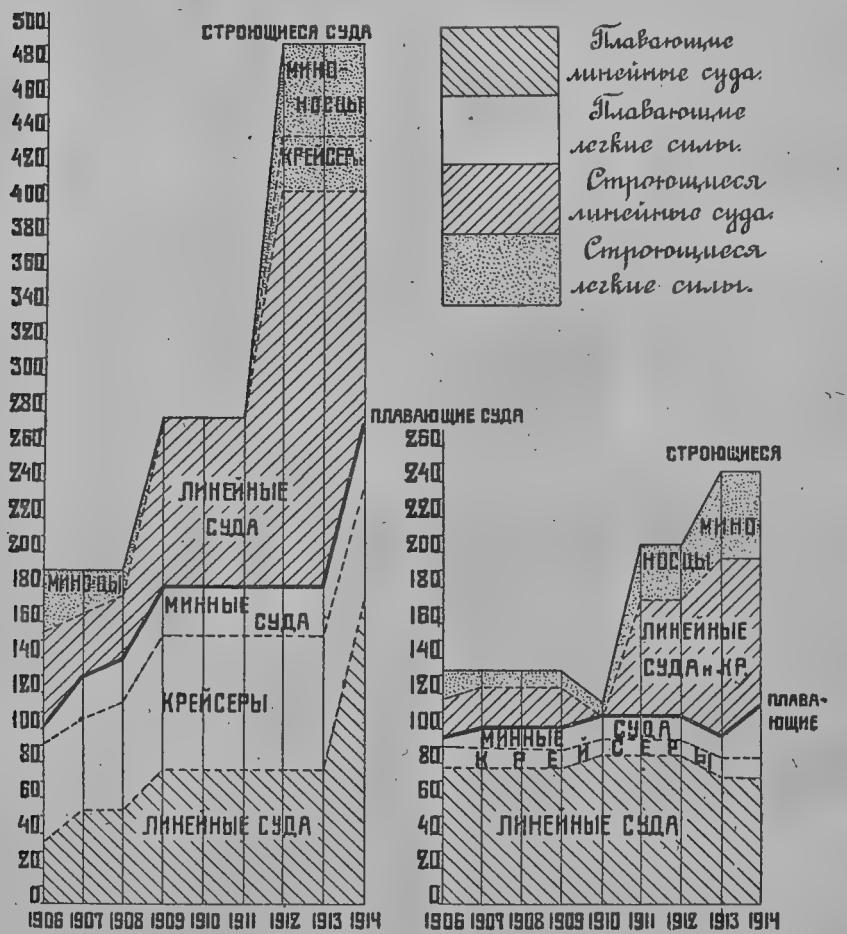
Таковы были основные этапы подготовки России к мировой войне на море.



ПРИЛОЖЕНИЯ.

Диаграмма № 1
Состав Балтийского флота 1906–1914 г.

Диаграмма № 2
Состав Черноморского флота 1906–1914 г.



Примечание 1. В диаграммах учтен состав судов действующих эскадр, только боевых, не считая вспомогательных и обслуживающих средств, а также судов специальных назначений (заградителей, канонерок, трансп. и прочее.).

2. Верхний предел – сумма водоизмещений плавающих и строящихся судов.

Жирная кривая – сумма водоизмещений плавающих судов.

ТАБЛИЦА № 1

Тоннаж черноморского флота по годам, в период 1906—1914 годов

(кроме судов вспомогательных, специального назначения, обслуживающих и утративших боевое значение).

ГОДА.	Линейные суда.		Крейсера.		Миноносцы.		Подводные лодки.		ВСЕГО.		ИТОГО.
	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ	Строящ.	
1906 . .	78.500	27.000	14.400	—	4.400	2.000	—	650	97.300	29.650	126.950
1907 . .	78.500	27.000	14.400	—	6.400	—	—	650	99.300	27.650	126.950
1908 . .	78.500	27.000	14.400	—	6.400	—	230	420	99.530	27.620	126.950
1909 . .	78.500	27.000	14.400	—	6.400	—	650	—	99.990	27.000	126.950
1910 .	84.900	—	14.400	—	6.400	—	650	4.270	106.390	4.270	110.660
1911 . .	84.900	70.200	14.400	13.800	6.400	10.800	650	4.270	106.390	99.070	205.460
1912 . .	84.900	70.200	14.400	13.800	6.400	10.800	650	4.270	106.390	99.070	205.460
1913 . .	74.600	93.600	14.400	27.600	6.400	21.200	1.070	7.500	96.510	149.900	246.500
1914 . .	74.600	93.600	14.400	27.600	17.200	10.400	4.950	3.720	111.150	135.320	246.500

ТАБЛИЦА № 2

Тоннаж балтийского флота по годам, в период 1906—1914 годов

(учтены только боевые суда, не считая обслуживающих и вспомогательных).

ГОДА.	Линейные суда.		Крейсера.		Миноносцы.		Подводные лодки.		ВСЕГО.		ИТОГО.
	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	
1906 . .	35.900	49.800	54.500	24.000	13.100	9.600	630	1.760	104.130	85.160	189.290
1907 . .	53.100	32.600	54.500	24.000	22.700	—	630	1.760	130.930	58.360	189.290
1908 . .	53.100	32.600	62.500	16.000	22.700	—	2.090	120	140.390	48.720	189.290
1909 . .	77.700	96.000	78.000	—	22.700	—	2.210	—	180.610	96.000	274.610
1910 . .	77.700	96.000	78.000	—	22.700	—	2.210	—	180.610	96.000	274.610
1911 . .	77.700	96.000	78.000	—	22.700	1.200	2.210	—	180.610	97.200	275.810
1912 . .	77.700	226.000	78.000	27.600	22.700	44.600	2.210	11.700	180.610	309.900	490.510
1913 . .	77.700	226.000	78.000	27.600	23.900	43.400	2.210	11.700	181.810	308.700	490.510
1914 . .	173.700	130.000	78.000	27.600	23.900	43.400	4.160	9.750	279.760	210.750	490.510

Сравнительные диаграммы тоннажа русского и германского флотов в период 1906-1914 г.г.

Диаграмма № 3

Общий состав русского флота

% Балт. Черн. и Сиб. флот%

1906-1914

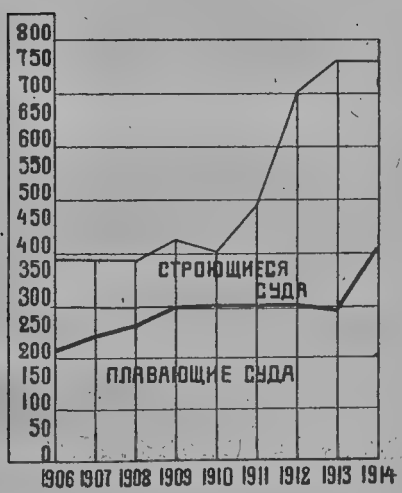
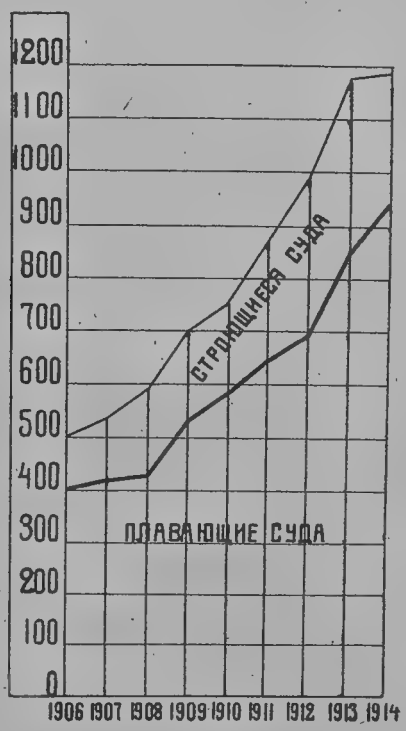


Диаграмма № 4

Состав германского флота 1906-1914



Примечание тоже, что и к диаграммам №№ 1 и 2.

ТАБЛИЦА № 3

Тоннаж германского флота

(кроме подводных лодок и судов, перечисленных в заголовках предыд. таблиц).

ГОДА.	Линейные корабли.		Линейн. крейсера		Легкие крейсера.		Миноносцы.		ВСЕГО.		ИТОГО.
	Плавающ	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	Плавающ.	Строящ.	
1906 . .	180.750	66.000	66.600	23.200	51.160	13.800	18.800	13.750	317.310	116.750	434.060
1907 . .	246.750	75.600	89.800	15.800	54.560	17.600	25.950	13.200	417.060	122.200	539.260
1908 . .	246.750	75.600	89.800	35.200	64.960	20.600	32.550	13.800	434.050	145.200	579.260
1909 . .	332.350	91.200	105.600	42.400	72.160	13.400	39.150	15.000	539.260	162.000	701.260
1910 . .	322.350	91.200	125.000	46.000	85.560	18.200	46.350	15.000	579.260	170.000	749.260
1911 . .	357.800	123.500	148.000	48.000	85.560	28.000	54.150	14.400	645.510	213 900	859.410
1912 . .	357.800	226.700	161.000	51.600	103.760	19.600	61.350	14.400	680.526	312.300	992.856
1913 . .	481.300	.223.520	186.600	54.600	113.560	29.800	68.550	15.000	850.010	322.820	1.172.830
1914 . .	584.820	120.000	113.600	28.000	123.360	20.000	75.750	15.000	897.520	183.000	1.180.520

ТАБЛИЦА № 4

Состав балтийского флота по годам

(кроме судов специального назначения, вспомогательных, обслуживающих и утративших боевое значение).

ГОДА.	Лин. корабли и крейсера.		Крейсера.		Миноносцы.		Подводные лодки.	
	Плавающие.	Строящ.	Плавающие.	Строящ.	Плавающие.	Строящ.	Плавающие.	Строящ.
1906	3	3 [1]	6	3	30	26	5	5
1907	3	3	6	3	56	0	5	5
1908	4	2	7	2	56	0	9	1
1909	5	4	9	0	56	0	10	0
1910	5	4	9	0	56	0	10	0
1911	5	4	9	0	56	1	10	0
1912	5	4 [2]	9	4	56	37	10	18
1913	5	4	9	4	57	36	10	18
1914	9	4 [3]	9	4	57	36	13	15

ТАБЛИЦА № 5

Состав черноморского флота по годам

(кроме судов специального назначения, вспомогательных, обслуживающих и утративших боевое значение).

ГОДА.	Линейные корабли.		Крейсера.		Миноносцы.		Подводные лодки.	
	Плавающие.	Строящ.	Плавающие.	Строящ.	Плавающие.	Строящ.	Плавающие.	Строящ.
1906	7	2	2	0	12	4	0	2
1907	7	2	2	0	16	0	0	4
1908	7	2	2	0	16	0	2	2
1909	7	2	2	0	16	0	4	0
1910	7 [4]	0	2	0	16	0	4	0
1911	7	3 [5]	2	0	16	9	4	7
1912	7	3	2	2	16	9	4	7
1913	7	3	2	2	16	9	5	12
1914	7	4	2	4	25	8	11	6

[1]) В том числе лин. кр. „Рюрик".
[2]) Линкоры типа „Севастополь".
[3]) Лин. кр. типа „Измаил".
[4]) 2 линкора утратили боевое значение.
[5]) Линкоры типа „Имп. Мария".

ТАБЛИЦА № 6

Состав судов германского флота

(главнейшие типы судов).

Г О Д А.	Линейные корабли.	Линейные крейсера.	Брон. и легк. крейсера.	Миноносцы.
1906	15	6	17	47
1907	20	8	18	60
1908	20	8	21	72
1909	24 (4)	9	23	83
1910	24 (4)	10 (1)	27	95
1911	23 (8)	11 (2)	27	107
1912	23 (8)	12 (3)	33	119
1913	28 (13)	13 (4)	33	131
1914	32 (17)	14 (5)	35	143

[1]) В скобках число линейных кораблей типа „дредноут".

БАЛТИЙСКОЕ
МОРЕ
С ЗАЛИВАМИ
Масштаб 1:6000000 или 57 миль в дюйме
БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
РИЖСКИЙ ЗАЛИВ
Торнео
Куйвaниеми
Ино
Улеаборг
Брагестад
Шеллефтео
Умео
Гакле Карлевю
Якобстад
Нью Карлевю
Нордмалинг
Эрншельдсвик
Николайстад
Васа
Христинестад
Сидбю
Хернезанд
Худиксваль
Бьерневборг
Седерхамн
Раумо
Гефле
Мариегамн
Або
Гельсингфорс
Ловиза
Фридрихсгам
Выборг
Ораниенбаум
Ленинград
Ревель
Нарва
Христиания
Драммен
Порсгрунд
Стромстад
Иддевалла
Скагеррак
Готеборг
Варберг
Хирсхольм
Оскархамн
Готланд
Слите
Висбю
Фарэ-зунд
Зланд
Карлскрона
Карлскамн
Ландскрона
Копенгаген
Фюнен
Зеландия
Борнгольм
Ютландия
Либава
Виндава
Рига
Мемель
Кенигсберг
Пиллау
Данциг
Эльбинг
Штольпмюнде
Рюгенвальдермюнде
Кольберг
Висмар
Ростов
Мекленбург
Любек
Киль
Травемюнде
Шлезвиг
Фленсборг
Мальмё
Стокгольм
Упсала
Сигтуна
Эланд
Ландсорт
Готланд
Фарэ-зунд
Слите
Висбю
Ронэ-хамн
Говорт
Фильзенбург
Гетеборг
Сандэ
Аренсбург
Аэро
Пернов
Гапсаль
Моон
Дагэ
Одинсхольм
Ишимо
Вердер
Таккала
Верно
Ревель
Нарва
Кеббе
Везенберг
Ораниенбаум
Ленинград
Детское село
Выборг
Фридрихсгам
Аберфорс
Ловиза
Борго
Гельсингфорс
Або
Мариегамн
Нюстад
Раумо
Бьерневборг
Рефсунд
Сидбю
Христинестад
Николайстад
Васа
Якобстад
Нью Карлевю
Гакле Карлевю
Брагестад
Улеаборг
Ино
Куйвaниеми
Торнео
р. Ранко
Христиания
Драммен
Порсгрунд
Стромстад
Иддевалла
Скагеррак
Готеборг
Варберг
Хирсхольм
Оскархамн
Готланд
Слите
Висбю
Фарэ-зунд
Зланд
Карлскрона
Карлскамн
Ландскрона
Копенгаген
Фюнен
Зеландия
Борнгольм
Ютландия
Либава
Виндава
Рига
Мемель
Кенигсберг
Пиллау
Данциг
Эльбинг
Штольпмюнде
Рюгенвальдермюнде
Кольберг
Висмар
Ростов
Мекленбург
Любек
Киль
Травемюнде
Шлезвиг
Фленсборг
Мальмё
Стокгольм
Упсала
Сигтуна
Ландсорт
Фильзенбург
Гетеборг
Сандэ
Аренсбург
Аэро
Пернов
Гапсаль
Моон
Дагэ
Одинсхольм
Ишимо
Вердер
Таккала
Верно
Ревель
Нарва
Кеббе
Везенберг
Ораниенбаум
Ленинград
Детское село
Выборг
Фридрихсгам
Аберфорс
Ловиза
Борго
Гельсингфорс
Або
Мариегамн
Нюстад
Раумо
Бьерневборг
Рефсунд
Сидбю
Христинестад
Николайстад
Васа
Якобстад
Нью Карлевю
Гакле Карлевю
Брагестад
Улеаборг
Ино
Куйвaниеми
Торнео
9°
12°
16°
20°
24°
28°
30°
66°
64°
62°
60°
58°
56°
54°
20° от Гринвича 0°

Карта №2

КАРТА
ЧЕРНОГО и АЗОВСКОГО
МОРЕЙ
Глубины до 100 метр
" " 300 "
" " 1000 "
" " 1500 "
" " 2000 "
" более 2000 "
Более 2600 метров
Мраморное море
Константинополь
Севастополь
Одесса
Николаев
Херсон
Аккерман
Измаил
Керчь
Феодосия
Ялта
Евпатория
Ак-Мечеть
Перекоп
Геническ
Бердянск
Мариуполь
Таганрог
Ростов
Азов
Анапа
Новороссийск
Геленджик
Сочи
Сухум-кале
Поти
Батум
Трапезонд
Самсун
Синоп
Варна
Бургас
Мидия
Пендерекли
Кефкен-Ласси
Синджи Бурну
Анкастро
Инеболи
Кастамуни
Керасунда
Вона
Триполи
Ризе
Архава
Ахалцых
Ахалкалаки
Ахалцых
Ахуев
Темрюк
Тамань
Керчь
Аравбат
Аравбатский знак
Ак-Мечеть
Хорлы
Перекопский
Чонгарский
Сивашский
Геническая коса
Арабатская стрелка
Бердянская коса
Белосарайская коса
Обиточная коса
Бейсугский лиман
Ахтарская гирло
Ейск
Каменноватая коса
Мариупольский
Таганрогский
Кубанский
Ахтарская
Ейская
Бейсугская
Обиточная
Бердянская
Белосарайская
Геническая
Арабатская
Керченский
Таманский
Анапский
Новороссийский
Геленджикский
Сочинский
Гагрский
Сухумский
Потийский
Батумский
Трапезондский
Синопский
Самсунский
Инебольский
Синджи-Бурнинский
Керемпе
Кастамунийский
Анатолийский
Кефкен-Ласси
Пендерекли
Зунгулдакский
Константинопольский
Эреклийский
Мраморноморский
Измитский
Мидийский
Пиадийский
Бургасский
Варненский
Кара-Бурнунский
Кара-Ирмакский
Кюстенджинский
Мангалийский
Шабленский
Каварнинский
Балчикский
Калиакрийский
Тендровский
Одесский
Очаковский
Днепровский лиман
Тендровская коса
Джарылгачский
Перекопский
Сивашский
Ак-Мечетский
Хорлы
Эски-Крым
Карасубазар
Феодосийский
Судакский
Алушта
Ялта
Алупка
Севастопольский
Балаклавский
Качинский
Евпаторийский
Каламитский
Каркинитский
Тендровский
Джарылгачский
Очаковский
Одесский
Днестровский
Днепровский
Буго-Очаковский
Буго-Кинбурнский
Кинбурнский
Тендровский
Джарылгачский
Перекопский
Сивашский
Ак-Мечетский
Хорлы
Эски-Крым
Карасубазар
Феодосийский
Судакский
Алушта
Ялта
Алупка
Севастопольский
Балаклавский
Качинский
Евпаторийский
Каламитский
Каркинитский
Тендровский
Джарылгачский
Очаковский
Одесский
Днестровский
Днепровский
Буго-Очаковский
Буго-Кинбурнский
Кинбурнский

159 6/36

450074
Инвентарный №

Шифр

Автор Петров. М.

Название подготовка России к мировой войне

22.3.54 8256 Н

27/XI 66 · 12 529/XII

[illegible] 68 - 5521 825

29/10 68 7535 592

628. ГПИБ

782

Цена 2 руб.